

АНДРЕЙ АМАЛЬРИК

ПЬЕСЫ

АМСТЕРДАМ

1970

ФОНД ИМЕНИ ГЕРЦЕНА

ПЬЕСЫ

АНДРЕЙ АМАЛЬРИК

ПЬЕСЫ

АМСТЕРДАМ

1970

ФОНД ИМЕНИ ГЕРЦЕНА

© 1970 in the USSR: Andrey Amalrik, Moscow
In all other countries: the Alexander Herzen Foundation
Amstel 268, Amsterdam

О СЕБЕ КАК ПИСАТЕЛЕ ПЬЕС

Если найдется издательство, которое согласится издать сборник пьес никому не известного автора, вдобавок иностранца, я хотел бы предпослать этому сборнику несколько слов, чтобы читатели поняли, с кем они имеют дело.

Я родился в 1938 году в Москве. Мое самое раннее воспоминание: искаженные испугом лица и детский плач – толпу, где я на руках у матери, загоняют в метро. На улице нас застала воздушная тревога: немцы бомбили Москву; вероятно, никого не надо было загонять, все сами скорее бежали в убежище, но, по рассказу моей матери, я все время плакал в метро и повторял: ‘Нас погнали, как свиней, как свиней’. Потом я помню освещенную коптилками теплушку, в которой мы ехали в эвакуацию, и пыльный степной город Оренбург, на самой границе Азии и Европы. В 1943 году мы вернулись в Москву, тогда мне представлялось, что есть два времени: то, в которое мы живем сейчас, и какое-то чудное, необыкновенно прекрасное ‘довоенное время’.

Учился я очень плохо, часто прогуливал и до сих пор считаю, что мои лучшие школьные дни – те, которые я прогулял. Мама постоянно говорила: ‘Если ты и дальше будешь так учиться, ты станешь пастухом’. Станным образом ее предсказание сбылось: в 1965 году я был сослан в Сибирь и пас коров на таежных лугах. Несколько раз меня исключали из школы на разные сроки, а из девятого класса исключили совсем, и экзамены за среднюю

школу я сдавал экстерном. Так же меня два раза исключали из Московского университета, где я изучал русскую историю. До университета и после него я занимался разными вещами, большей частью ради заработка: был картографом, строительным рабочим, газетным корректором, лаборантом в медицинском институте, осветителем на кинохронике, натурщиком, переводчиком, хронометристом на автомобильных соревнованиях, журналистом, недолгое время сидел в тюрьме, был в ссылке, где работал в колхозе. В 1965 году я женился на Гюзель, московской художнице-татарке, которая разделила со мной трудности сибирской ссылки.

С девяти лет я писал стихи, а в тринадцать устроил кукольный театр, писал и с помощью двух товарищей ставил пьесы. Еще ранее ярким театральным впечатлением для меня была оперетта, где работала моя тетя и где я увидел театр одновременно с казовой стороны и с изнанки, и благодаря этому рано мог понять, что искусство условно. Однако лет с четырнадцати я в театры почти не ходил из-за бессознательного, а потом и сознательного протеста против насаждаемого там псевдоискусства. Начал ходить в театр я уже только после ссылки, по обязанности, так как должен был брать интервью у режиссеров и театральных художников, и увидел, что многое изменилось к лучшему.

В 1962 году я прочел пьесу Хлебникова 'Госпожа Ленин', и мне самому захотелось написать пьесу. Я начал писать, но дело не двигалось. Спустя год мне в руки попал чей-то доморощенный перевод 'Плешивой певицы' Ионеско – и я был потрясен.

То, что только смутно шевелилось у меня в голове и казалось мне кощунственным, оказывается, уже нашло стройное и законченное воплощение. Чуть ли ни на следующий день я сел писать и за три дня написал пьесу в трех действиях. Это была странная смесь классической русской драмы с непережеванными приемами абсурдистского театра. Когда я написал еще несколько вещей и понял приблизительно, чего я хочу, я вернулся к первой пьесе и основательно переработал ее, сделав одночастной. Влияние Ионеско было подобно короткому шоку; когда у нас перевели 'Носорогов', я прочел их уже без особого интереса. Вторым большим открытием в современной драматургии для меня был Беккет, которого я бы назвал мастером совершенной организации. Те, кто читал мои пьесы, говорили о влиянии на меня Камю и Сартра, но, видимо, это кем-то опосредованное влияние, потому что с их пьесами я, к своему стыду, незнаком, как незнаком с очень многим, что делается сейчас в мировой драматургии. Отчасти это моя собственная вина, отчасти вина тех, кто изолировал русскую культуру от мировой.

Мои любимые русские драматурги: Гоголь, Сухово-Кобылин и мало известный Хармс, идущий в значительной степени от Хлебникова. Повидимому, они и оказали на меня самое глубокое влияние, а вообще, вероятно, все писатели, которых я читал, начиная от любимого мной в юности Блока и кончая Чеховым, пьесы которого мне всегда было скучно читать.

Из всех искусств я наиболее высоко ставлю живопись. Уже пять лет я собираю картины молодых

русских художников, и некоторые из них – мои друзья. Им было интересно то, что я пишу, тогда как немногие писатели, которых я просил прочесть мои пьесы, деликатно намекали мне, что в лучшем случае это – графоманство, а в худшем – патологический бред. Нечего и говорить, что я не согласен с такой оценкой.

Июль 1967,
Макаровка.

Моя тетья живет в Волоколамске

Пьеса в одном затянувшемся действии

Действующие лица

Профессор
Честолюбие профессора
Добродушие профессора
Осторожность профессора
Жена профессора
Домработница профессора
Кошка профессора
Поэт
Неврастеник

Комната в квартире профессора. Одна дверь ведет в переднюю, другая в кухню, третья неизвестно куда. Профессор сидит за совершенно пустым столом. Перед ним стоит домработница, скрестив руки на животе.

ПРОФЕССОР. Что так долго задерживается моя жена?

ДОМРАБОТНИЦА. Где уж мне знать! За чужими женами не досмотришься. За своей бы успеть углядеть.

ПРОФЕССОР (*удивленно*). Разве вы женаты?

ДОМРАБОТНИЦА. А то как же, не маленькая уже.

ПРОФЕССОР. Просто удивительно. Сколько работаете у нас, а я только сейчас узнаю об этом. Что же вы ее никогда не приведете к нам?

ДОМРАБОТНИЦА. А чего ее водить. Она женщина простая, вам с ней не об чем будет говорить. Вы человек грамотный.

ПРОФЕССОР. Полно, что ж тут такого. Я сам в юности грузчиком работал.

ДОМРАБОТНИЦА. Ну, вы, правда, не стыдитесь с простым человеком поговорить, со мной, хотя бы. А уж жена ваша горда. Непременно скажет: зачем привела ее, она мне не пара.

Профессор делает протестующий жест. Звонок.

ПРОФЕССОР. А вот и она. Откройте, пожалуйста.

Домработница идет открывать. Невнятные голоса за сценой. Входит домработница, за ней молодой человек. Очень волнуется: он неврастеник.

ДОМРАБОТНИЦА. Вот пришел какой-то. Говорит, не поймешь чего.

НЕВРАСТЕНИК (*торопясь и волнуясь*). Профессор, простите, что я так поздно... Моя смелость может показаться вам чрезмерной...

ПРОФЕССОР (*вопросительно*). Чем могу служить?

НЕВРАСТЕНИК. Дело в том, что сегодня последний срок, а я до сих пор не сдал вам свой реферат. Я только что закончил его. Я думал... Я надеялся... (*Сбивается*). Не поймите это, как преувеличенное мнение о моем реферате. Я понимаю, конечно, что вы не тотчас приметесь за него... (*Сбивается*).

ПРОФЕССОР (*благосклонно*). Полно, полно, успокойтесь. Давайте вашу рукопись.

НЕВРАСТЕНИК (*давая рукопись*). Благодарю вас. До свиданья. (*Хочет уйти*).

ПРОФЕССОР (*приходя в умиление от собственной любезности*). Куда же вы? Посидите немного: на улице сильный дождь.

НЕВРАСТЕНИК. Спасибо. Ваша доброта так согревает меня, что мне наоборот кажется, будто ярко светит солнце.

ПРОФЕССОР (*он несколько озадачен*). О юность, юность, и я когда-то видел все в ярком свете. Но даже в ваши годы при таком дожде я брал с собой

зонтик, мы тогда на многое смотрели иначе. *(Спыхватывается)*. Впрочем, не подумайте, что я принадлежу к тем, кто огульно охаивает современную молодежь.

НЕВРАСТЕНИК. Но у меня есть зонтик! *(Внезапно откуда-то выхватывает зонтик и раскрывает его над головой)*. Смотрите!

Домработница поражена.

НЕВРАСТЕНИК *(домработнице, желая показать свою образованность, демократизм и вместе с тем близость к профессору)*. Обратите внимание, мы говорим с профессором о погоде: у него такое представление, что идет сильный дождь, а у меня – что ярко светит солнце. А между тем объективный мир существует независимо от наших чувств.

ДОМРАБОТНИЦА *(она восхищена)*. Вот-вот. Я и дочке говорю: нечего на кухне вертеться, главное учись. Ученье – свет, неученье – тьма. Я, например, даже фамилие своё не умею подписать.

ПРОФЕССОР. Так у вас и дочка есть?

ДОМРАБОТНИЦА. А то как же. Раз жена есть, значит и дочка. У нас завсегда так. Без детей не может быть крепкой семьи. *(Профессор морщится)*. Уж простите, если чего не так сказала. Я женщина простая. Чего думаю, того по-простому и говорю.

Домработница выходит.

ПРОФЕССОР *(иронизируя над собственной домра-*

ботницей). Почему-то вечная тема ее разговоров — это необходимость высшего образования.

НЕВРАСТЕНИК. Вот и моя тетья тоже требует, чтобы я бросил университет и переехал жить к ней в Волоколамск: ей тяжело там одной. А мне, конечно, не хочется ехать. Правда, я завишу от нее в материальном отношении, но я ни за что не брошу университет, не получив диплома.

Звонок.

ПРОФЕССОР. Должно быть, моя жена.

Невнятный разговор за сценой. Входит человек в украинской вышитой рубашке: это Добродушие профессора. За ним домработница.

ДОБРОДУШИЕ (*профессору*). Дорогуша, сколько лет, сколько зим?! Узнаю старика: все такой же. Постарел, брат, постарел. Ну что ж, обнимемся на радости.

ПРОФЕССОР (*довольно холодно*). А, это ты. Рад тебя видеть.

ДОМРАБОТНИЦА (*с умилением*). Ах ты господи, привел бог свидеться старым друзьям! Вы кто же ему будете, свояк, что ли, или товарищ?

ДОБРОДУШИЕ. Товарищ, мать, друг детства. (*Профессору*). А это кто, жена твоя? Как постарела!

ПРОФЕССОР (*холодно*). Домработница.

ДОБРОДУШИЕ. А это кто? Сын?

ПРОФЕССОР (*холодно*). Мой студент.

ДОБРОДУШИЕ. Ага, смена растет. (*Осматривается*). Ну, рассказывай, как жизнь. Богато, вижу, живешь. Старых-то друзей вспоминаешь еще?

ПРОФЕССОР. Как же, как же.

ДОБРОДУШИЕ (*продолжая осматриваться*). Да, не зря ты пошел по научной линии...

ПРОФЕССОР. Мы тут как раз беседуем с молодым человеком, что в наши дни необходимо высшее образование. Поверьте, дело идет именно к поголовному высшему образованию, и тому, кто это не поймет, придется плохо.

ДОБРОДУШИЕ (*с воодушевлением*). Верно! Правильно говоришь.

ДОМРАБОТНИЦА (*вздыхая*). Вот оно: ученье – свет, неученье – тьма, век живи – век учись. Мне уж, правда, не привел бог высшее образование получить.

НЕВРАСТЕНИК (*велеречиво, с зонтиком в руках*). Но дух многих учебных заведений...

ПРОФЕССОР (*строго*). Вы еще мало знакомы с этим духом. Поверьте, многое вам станет ясно только с годами. Да и материальные соображения играют не последнюю роль, вы сами это поймете. Так что ваше решение бросить университет я нахожу преждевременным, вам надо еще подумать.

ДОБРОДУШИЕ (*с воодушевлением*). Верно говоришь! Что тут думать! (*Неврастенику*). Вы человек еще молодой, простите за резкость, жизнью не

тертый. Вам сейчас нужно пойти на производство, годика два-три поработать, повариться в рабочем котле, а уж потом в университет, если способности позволяют. Ты прости, я прямо говорю. Вот как мы с профессором твоим. Простыми грузчиками работали, а теперь знаешь кто мы!

ДОМРАБОТНИЦА (*согласно*). Вот и у нас тоже случай был: один студент шестнадцатилетнюю девочку изнасиловал. А родители у него большое начальство – поди пожалуйста. Поплакала она, поплакала, да и говорит: на фига мне, говорит, сдаюсь высшее образование, пойду манекенщицей, платят прилично, да еще поездки за границу.

Звонок.

ПРОФЕССОР. Это, наконец, жена. Откройте, пожалуйста.

Домработница идет открывать. Невнятные голоса за сценой. Входит элегантно одетый человек: это Честолюбие профессора.

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Здравствуйте, коллега. Простите, я не знал, что у вас гости. (*Делает вид, что хочет уйти*).

ПРОФЕССОР. Куда же вы, что вы! Входите, пожалуйста. (*Указывая на Добродушие и неврастеника*). Знакомьтесь, пожалуйста.

Неврастеник робко кивает. Честолюбие кивает высокомерно.

ДОБРОДУШИЕ (*радостно*). Да ведь мы знакомы!

Вот встреча! Ну и изменился ты, солиден стал, сил нет. (*Неврастенику*). Вот ведь встречи бывают на свете, поживите с мое, не то увидите.

ЧЕСТОЛЮБИЕ (*холодно*). Да, кажется, мы знакомы.

Звонок.

ПРОФЕССОР. Это, должно быть, моя жена. Мы ждем ее уже целый час.

Домработница идет открывать. Невнятные голоса за сценой. Входит человек в форме полковника: это Осторожность профессора.

ПРОФЕССОР (*любезно*). Здравствуйте.

ОСТОРОЖНОСТЬ (*отводя профессора в сторону*). Можно тебя на минуту. Что это за человек в кресле?

ПРОФЕССОР. Мой студент.

ОСТОРОЖНОСТЬ. Скажу прямо: мне он не нравится. Обрати внимание на его зонт. Ты видел когда-нибудь, чтобы в комнате сидели с зонтиком? Что, у тебя протекает потолок?

ПРОФЕССОР (*смотрит на неврастеника*). В самом деле. А я даже не заметил этого.

ОСТОРОЖНОСТЬ. Я счел своим долгом предупредить тебя, а там смотри сам.

ДОБРОДУШИЕ (*который заволновался, едва увидев Осторожность*). Старик, вот встреча! Не думал, что встречу сегодня столько старых друзей.

(Профессору). А, старик? Можно подумать, что все сговорились.

Домработница вытирает слезы умиления. Осторожность разводит руками.

ПРОФЕССОР. Действительно, просто удивительно.

ДОБРОДУШИЕ (*неврастенику*). Мы в ваши годы были, можно сказать, четверо неразлучных друзей — Атос, Портос, Арамис и д'Артаньян. (*Осторожности*). Подумать, ты уже полковник, а давно ли мы с тобой учились в школе младших лейтенантов. Не забуду, как в тридцать девятом году в местечке под Львовом в тебя выстрелил с колокольни какой-то польский гимназист. (*Профессору*). А ты в то время уже защитил свою докторскую диссертацию. (*Плачет*). Простите, друзья, не могу сдержать слез при воспоминании о нашей невозвратной молодости.

Домработница рыдает. Честолюбие лицемерно стряхивает слезу. Профессор смущенно кашляет. Осторожность сморкается. Звонок. Домработница идет открывать. В комнату стремительно входит молодая высокая женщина, черная, как негрятянка. За ней молодой человек лет тридцати, похожий на бандита. Это жена профессора и поэт.

ЖЕНА. О, сколько у нас народу. Здравствуйте. (*Все кланяются*). Я думала, ты один. Познакомься, пожалуйста. Это наш известный поэт, я тебе о нем говорила. (*Поэту*). Мой муж в восторге от ваших стихов. (*Профессору*). Мы с вечера в Доме литераторов. Он был так добр, что проводил меня,

и я пригласила его зайти. (*Поэту*). Не забудьте, вы обещали почитать свои стихи.

ПРОФЕССОР. О, я очень рад.

Жена и неврастеник с зонтиком в руках смотрят друг на друга.

ДОБРОДУШИЕ (*тихо Осторожности*). Это его жена? Говорят, он женат уже четвертый раз.

ОСТОРОЖНОСТЬ. Третий.

ЖЕНА (*тихо профессору*). Что это за молодой человек?

ПРОФЕССОР. Студент.

ДОБРОДУШИЕ (*Осторожности*). Здоровая кобылица. Я таких браков не понимаю. Он же старик. Ни ее не удовлетворит, ни сам удовлетворения не получит.

ОСТОРОЖНОСТЬ (*Добродушию*). А зачем она, по-вашему, поэта привела?

ЖЕНА (*профессору*). А зачем у него зонт?

НЕВРАСТЕНИК (*закрывая зонт*). Простите, мы с профессором говорили о погоде... (*Профессору*.) Я так бесцеремонно засиделся... (*Хочет уйти*.)

ЖЕНА (*живо*). Нет, нет, куда же вы! Непременно оставайтесь. (*Всем*.) Садитесь, прошу вас, садитесь.

Все рассказываются где попало.

НЕВРАСТЕНИК (*Честолюбию, чтобы завязать*

разговор). Простите, мне кажется, я видел вас где-то. Кажется, в ресторане Дома литераторов.

ЧЕСТОЛЮБИЕ (*сурово*). Вы ошибаетесь. Я не бываю в ресторанах. Мне приходится выбирать между развлечениями и работой, молодой человек.

НЕВРАСТЕНИК. Но может быть, я видел вас там на последнем вечере поэзии.

ЧЕСТОЛЮБИЕ (*сурово*). Я не хожу на литературные вечера. Я не хочу задеть вас лично, но это занятие для зеленой молодежи.

Молчание.

ДОБРОДУШИЕ. Вот как приятно. Сразу видно, что попал в культурную среду: разговор о литературе, о поэзии. А у нас в Череповце, так поверьте, даже книг не читают.

ПРОФЕССОР. Да?

ОСТОРОЖНОСТЬ. Не читают, но постепенно будут читать. И сейчас, вероятно, некоторые уже читают.

ЖЕНА. Просто на них еще не обратили внимания. (*Нежно.*) Мой котик тоже очень любит читать. Посмотрите, сколько у нас книг.

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Но мне кажется, полки пустые.

ПРОФЕССОР. Да, они сейчас пустые, но вообще там должны стоять книги.

ОСТОРОЖНОСТЬ. По математике, физике, биологии...

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Философии, истории, литературе...

ДОБРОДУШИЕ. Музыке, живописи, поэзии...

ПОЭТ. По... (*Не знает, что сказать.*)

НЕВРАСТЕНИК (*удивленно*). Почему вы все так думаете?

Все шокированы. Домработница в дверях кухни возмущенно всплескивает руками. Молчание.

ЖЕНА. Сейчас я хочу попросить нашего гостя почитать свои стихи.

ПОЭТ. Я, право, не знаю. Да у меня и нет с собой ничего.

ЖЕНА. Ну пожалуйста. Не заставляйте вас упрашивать. Вы же помните наизусть. Вы же столько мне читали, пока мы пережидали дождь в парадном.

ПОЭТ. Хорошо. Я прочту стихотворение из моего философского цикла.

ДОБРОДУШИЕ. Валяйте!

ПОЭТ (*мрачно*). Я почему-то женщин не люблю, с которыми целуюсь я и сплю, и почему-то с горечью гляжу на тех людей, с которыми дружу, и я не знаю, как мне дальше жить: кого любить и для чего дружить?

Почтительное молчание.

ДОБРОДУШИЕ (*тихо Честолюбию*). Как вам это понравилось?

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Очень интересно. Подняты большие вопросы.

ДОБРОДУШИЕ (*грустно*). А по-моему, бред собачий.

ПРОФЕССОР (*как хозяин дома*). Спасибо. Я думаю, не ошибусь, если скажу, что вы доставили всем нам большое удовольствие.

ДОБРОДУШИЕ (*вылезая вперед*). Верно говоришь, старик. Ведь это не каждому дано – служить искусством народу. (*Поэту проникновенно.*) Разрешите пожелать вам творческих успехов и счастья в личной жизни!

Жидкие аплодисменты.

ПОЭТ (*растроганно*). Благодарю вас. Ваше доверие много значит для меня. Я постараюсь и в будущем оправдать его.

Жидкие аплодисменты. Молчание.

ЧЕСТОЛЮБИЕ (*жене*). Очень интересный вечер, не правда ли?

ЖЕНА. Да, просто замечательный. (*Всем.*) Товарищи, мы так хорошо провели время сегодня, что у меня есть предложение собираться теперь еженедельно всем вместе на литературные среды.

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Великолепная идея! Только лучше на четверги.

ОСТОРОЖНОСТЬ. Нет, на пятницы!

ДОБРОДУШИЕ. На субботы!

ПОЭТ. На воскресенья!

ПРОФЕССОР. На понедельники!

НЕВРАСТЕНИК (*истерически*). На вторники!

Молчание. Все смотрят на неврастеника.

ОСТОРОЖНОСТЬ (*что-то соображая*). Значит решено. А во сколько часов?

ДОБРОДУШИЕ. Давайте в пять.

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Нет, в шесть!

ПОЭТ. В семь!

ПРОФЕССОР. В восемь!

ЖЕНА. В девять!

НЕВРАСТЕНИК (*истерически*). В десять! (*Все смотрят на него.*) Не хотел говорить, а теперь скажу!

Общее волнение.

ПРОФЕССОР. Что такое?

НЕВРАСТЕНИК (*торопясь и волнуясь*). Сегодня...
Сегодня...

ВСЕ (*с ужасом*). Что?!

НЕВРАСТЕНИК (*спокойным тоном*). Сегодня день моего рождения.

Все облегченно вздыхают.

ЖЕНА. Сколько же вам лет?

НЕВРАСТЕНИК. Угадайте.

ОСТОРОЖНОСТЬ. Похоже, что восемь.

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Нет, четырнадцать.

ДОБРОДУШИЕ. Двадцать семь.

ПОЭТ. Тридцать пять.

ПРОФЕССОР. Пятьдесят два.

ДОМРАБОТНИЦА (*в дверях кухни*). Шестьдесят девять!

НЕВРАСТЕНИК. Никто не угадал. Сегодня мне исполняется двадцать пять лет четыре месяца и три дня!

ПОЭТ. Что же вы не сказали раньше! Я посвятил бы вам свое стихотворение.

ЖЕНА. Действительно, надо же как-то отметить это! Я предлагаю водить вокруг именинника хоровод.

ВСЕ (*воодушевляясь*). Хоровод! Хоровод!

ОСТОРОЖНОСТЬ. Но...

Не слушая его, все берутся за руки, водят вокруг неврастеника хоровод и поют:

Как на Толины именины
испекли мы каравай
вот такой вышины
(подпрыгивают)
вот такой ширины!
(расходятся)
Каравай, каравай,
кого любишь, выбирай!

Неврастеник обнимает жену профессора и целует ее. Профессор, поэт, Честолюбие, Добродушие, Осторожность и вышедшие из кухни домработница и кошка отходят назад и образуют подобие античного хора.

НЕВРАСТЕНИК (*отпуская жену*). Уже вечер. Крыши домов, должно быть, стали холодными. Процокали копытами последние лошади. Как смотреть на темную ночную воду? (*Спохватывается.*) Но есть ли река в нашем городе? Последний раз я видел реку летом, в Волоколамске, мне было одиннадцать лет, я не умел плавать, был вечер. Я убил лягушку, и это значило: будет дождь.

ЖЕНА (*из желания поддержать разговор*). Последний раз я видела реку летом, я была на пляже, это было одиннадцать лет назад.

НЕВРАСТЕНИК. Испуганный, я вернулся домой в свою комнату. Я помню: вот здесь стояла моя детская кроватка, а здесь были свалены игрушки.

ЖЕНА. На пляже ко мне привязался какой-то поэт.

НЕВРАСТЕНИК. Хорошо помню, что моей любимой игрушкой был плюшевый медвежонок. Я

так любил его, что отказывался есть без него и ложиться спать.

ЖЕНА (*садится*). Высокий, интересный, такой нахал.

НЕВРАСТЕНИК. И еще у меня был паяц по имени Иван Иванович. Тетя дергала его за веревку, и он танцевал какой-то однообразный, но удивительный танец.

ЖЕНА. Он непременно хотел проводить меня до самого дома.

НЕВРАСТЕНИК. А вот здесь, рядом с игрушками, лежали мои детские книжки.

ЖЕНА. Но я не позволила ему. Я сразу же даю отставку наглым мужчинам.

*Молчание. Хор еле слышно без слов запекает на мотив
'Смело, товарищи, в ногу...'*

ЖЕНА. Так это ваши книжки? Можно посмотреть, что вы читаете?

НЕВРАСТЕНИК. Да, конечно. Каждый вечер перед сном я читаю какую-нибудь книгу.

ЖЕНА (*берет книгу*). О, это моя любимая книга. Скажите, какое место в ней нравится вам больше всего?

НЕВРАСТЕНИК (*берет у нее книгу*). Вот это. (*Читает.*) Если при замене одной из упомянутых малых величин на нуль из данного дифференциального уравнения возникает линейное или какое-либо

другое интегральное уравнение, то общий интеграл последнего дает первое приближение для решения исходного уравнения.

ЖЕНА (*мечтательно*). Какое совпадение. Это и мое любимое место. (*Перебирает книги.*) А эту я тоже знаю, прочти что-нибудь отсюда.

НЕВРАСТЕНИК (*листает книгу*). Здесь есть одно место, которое я не могу читать без волнения. Вот оно. (*Читает.*) Кролик – животное нетребовательное, быстро размножается. Его мясо очень вкусно, а мех – важное сырье для фетрофильцевых и других фабрик. Главное в развитии кролиководства – сохранение молодняка. (*Захлопывает книгу.*) Я очень люблю это место. Ты знаешь что-нибудь равное по силе?

ЖЕНА. Нет. А ты?

НЕВРАСТЕНИК. Я тоже нет.

ЖЕНА. Я помню это место наизусть. Хочешь, я повторю его тебе?

НЕВРАСТЕНИК. Повтори. Впрочем, нет, не надо. Ты повторишь его при нашей следующей встрече.

ЖЕНА. Пусть оно будет нашим местом.

НЕВРАСТЕНИК. Да, оно будет нашим местом.

Молчание. Хор.

ЖЕНА. Здесь очень жарко.

НЕВРАСТЕНИК. Вы можете снять что-нибудь. Не стесняйтесь, пожалуйста.

ЖЕНА. Пожалуй, я сниму чулки.

НЕВРАСТЕНИК. О да, снимите чулки. (*Вежливо.*) Вам не помочь?

ЖЕНА (*снимая чулки*). Благодарю. У меня что-то с правой подвязкой. Все время сползает чулок.

НЕВРАСТЕНИК. Я заметил это, когда ты только вошла.

ЖЕНА (*она расстрогана*). Какой ты внимательный и милый. (*Доверчиво.*) Знаешь, иногда мне в голову приходит мысль... Нет, я не могу тебе этого сказать.

НЕВРАСТЕНИК. Ну прошу тебя, ты начала уже...

ЖЕНА. Нет, нет, ты можешь подумать бог весть что про меня. (*Неврастеник делает жесты, означающие мольбу и невозможность подумать что-либо дурное. Жена продолжает.*) Ну хорошо. Только ты ничего не подумай! Иногда я представляю себе, что мой муж – ты, а не мой муж.

НЕВРАСТЕНИК (*пораженный*). Да?

ЖЕНА (*смутившись*). Что тебя так удивляет?

НЕВРАСТЕНИК. Но я сам постоянно представляю себе это.

ЖЕНА (*обрадованно*). Да? Как ты себе это представляешь? Что бы мы делали?

НЕВРАСТЕНИК. Ну, мы путешествовали бы вместе...

ЖЕНА. Мы ходили бы в театры...

НЕВРАСТЕНИК. На выставки...

ЖЕНА. Мы принимали бы гостей...

НЕВРАСТЕНИК (*в растерянности*). Но что бы мы делали, когда оставались одни?

ЖЕНА (*находчиво*). Мы слушали бы пластинки. Можно купить проигрыватель.

НЕВРАСТЕНИК (*радостно*). О да. Мы слушали бы Гийома Дюфе...

ЖЕНА. Жилла Беншуа...

НЕВРАСТЕНИК. Иоганна Окегема...

ЖЕНА. Якоба Обрехта...

НЕВРАСТЕНИК. Жоскена Дебре...

ЖЕНА. Орландо Лассо.

Молчание. Хор.

ЖЕНА. Милый, так поцелуй же меня.

Неврастеник обнимает и целует ее. Молчание.

ЖЕНА. Ну?

НЕВРАСТЕНИК (*отпускает ее, внешне беззаботным тоном*). Ах да, я совсем забыл предупредить вас об одной маленькой вещи.

ЖЕНА (*насмешливо*). О какой же?

НЕВРАСТЕНИК. Я не могу иметь дела с женщинами.

ЖЕНА. Вот как. Отчего же?

НЕВРАСТЕНИК. Вероятно, из-за моей неврастениии.

ЖЕНА. Бедняжка. Как неудачно все получилось! Я так хотела доставить тебе удовольствие в день рождения и так расстроилась теперь.

НЕВРАСТЕНИК. Но как бы посмотрел на это твой муж.

ЖЕНА. Что муж! Он такой противный, старый, лысый. Представь себе, он сопит при этом и пускает слюни. Он совсем как младенец.

НЕВРАСТЕНИК. Подумать только!

ЖЕНА. Вот и приходится идти на маленькие уловки.

НЕВРАСТЕНИК (*ревниво*). А с кем ты изменяла ему?

ЖЕНА (*кокетливо*). Ну мало ли с кем.

НЕВРАСТЕНИК (*ревниво*). Но все-таки?

ЖЕНА. Ах, отстань. Ну, с одним молодым человеком.

НЕВРАСТЕНИК (*ревниво*). Кто он такой?

ЖЕНА. Мы познакомились с ним в ресторане Дома литераторов. Он такой остроумный: облил всю меня водкой. Ты это учти: чтобы понравиться женщине, очень важно быть остроумным. Жаль только, что он маленького роста. Когда я стоя

раздвигала ноги, он свободно проходил, не касаясь даже головой.

НЕВРАСТЕНИК (*ревниво*). Ты и сейчас встречаешься с ним?

ЖЕНА. Это не важно. (*Меняя тон.*) Расскажи лучше, как ты стал неврастеником.

НЕВРАСТЕНИК. Я начну с самого начала.

ЖЕНА. Ради бога. Хоть с конца.

НЕВРАСТЕНИК. Первое, что я помню: нас везут куда-то в вагонах для скота. Грязь, вонь, истощенный детский визг, миганье коптилки. Потом пыльный степной город. Недоедание. И еще: меня, маленького, везут в какой-то тряской машине из детского сада. От волнения я намочил в штаны. Помню ужас, который я испытывал перед предстоящим наказанием...

ЖЕНА (*перебивая*). Как хорошо ты рассказываешь! Я думаю...

НЕВРАСТЕНИК (*перебивая*). Но я еще не рассказал тебе о своей несчастной любви.

ЖЕНА. Я думаю, ты очень талантлив. Тебе надо писать. Ты не пробовал?

НЕВРАСТЕНИК. Я пишу.

ЖЕНА. Что ты пишешь?

НЕВРАСТЕНИК. Я пишу стихи, поэмы, рассказы, повести, романы и пьесы.

ЖЕНА (*восхищенно*). Даже пьесы! Но пьесы, должно быть, очень трудно писать?

НЕВРАСТЕНИК. Нисколько.

ЖЕНА. Какой ты умный! Жаль все-таки, что ты не настоящий мужчина. (*Нежно*.) Хочешь, я откушу тебе ушко?

НЕВРАСТЕНИК (*вежливо*). Нет, спасибо, не стоит.

ЖЕНА. Скажи, но неужели ты действительно не имел дела ни с одной женщиной?

НЕВРАСТЕНИК (*решившись*). Имел с одной. Но это не в счет: ей нет еще шестнадцати лет.

ЖЕНА. Почему же ты не сказал мне?

НЕВРАСТЕНИК. Я боялся сказать тебе об этом.

ЖЕНА. Но почему же? Кто она?

НЕВРАСТЕНИК (*решившись*). Дочь вашей домработницы.

ЖЕНА. Разве у нее есть дочь? Я не знала.

НЕВРАСТЕНИК. Мне кажется, домработница скрывает ее от твоего мужа.

ЖЕНА. Почему?

НЕВРАСТЕНИК. Она боится, что он соблазнит ее.

ЖЕНА (*пренебрежительно*). Мой-то муж! Да и на что ему такая девченка!

НЕВРАСТЕНИК. Не говори. Я сделал наблюдение, что у высококультурных людей извращенный

вкус: им нравятся женщины несовершеннолетние, низкорослые, безобразные, толстые, вислогрудые и кривоногие.

ЖЕНА. Вот уж ни одного из этих качеств у меня нет.

НЕВРАСТЕНИК. Конечно. У тебя крепкая грудь и стройные ноги.

ЖЕНА. До сих пор никто не жаловался. (*Помолчав.*) А как тебе удалось увидеть ее?

НЕВРАСТЕНИК. Я познакомился с ней, когда относил профессору свой реферат.

ЖЕНА (*ревниво*). Какая она?

НЕВРАСТЕНИК. Она очень мила. У нее лицо десятилетней девочки и фигура тридцатилетней женщины.

ЖЕНА. Как интересно! (*С любопытством.*) Ну, расскажи, как все это было.

НЕВРАСТЕНИК. Все очень просто. Я случайно увидел ее на кухне, и мы вместе вышли на черный ход. Там на лестничной площадке все и произошло.

ЖЕНА (*брезгливо*). Представляю. Фу, какая гадость. И ты мне это рассказываешь!

НЕВРАСТЕНИК. Я сильно упал в твоих глазах?

ЖЕНА (*подумав*). Нисколько. (*Помолчав.*) Но значит ты все-таки... можешь?

НЕВРАСТЕНИК. Очень редко. Обычно по первым вторникам каждого месяца.

ЖЕНА (*пораженная*). Это правда?!

НЕВРАСТЕНИК. Да. Что тебя так удивляет?

ЖЕНА (*торжественно*). По первым вторникам каждого месяца санитарный день в гастрономе, где я работаю.

НЕВРАСТЕНИК. Разве ты работаешь?

ЖЕНА. Да, продавщицей в рыбном отделе. Так хотелось мужу. Не для заработка, конечно, но он хочет, чтобы я была в коллективе. Он такой активный общественник: даже нашу домработницу вовлек в профсоюз. (*Доверчиво.*) А мне, если я завоюю звание ударника, он обещал подарить нейлоновую шубку.

НЕВРАСТЕНИК (*рассеянно*). Нейлоновую шубку?

ЖЕНА. Да, беленькую. Она мне очень пойдет. (*Игриво.*) Хочешь, я зайду к тебе как-нибудь во вторник в новой шубке?

НЕВРАСТЕНИК. Но ведь по вторникам мы решили собираться на литературные вечера.

ЖЕНА. Тогда это меняет дело. (*Тонем любезной хозяйки.*) Приходи непременно на каждый вечер, будет очень весело.

НЕВРАСТЕНИК. Едва ли мне будет весело.

ЖЕНА (*надевая чулки, нежно*). Если тебе станет грустно, спроси меня: ты меня любишь? И я отвечу: люблю.

НЕВРАСТЕНИК (*покорно*). Хорошо, спрошу. (*Помолчав.*) Эти чулки тебе очень идут.

ЖЕНА. Правда? Зря я тогда их снимала. Это немецкие чулки: муж привез их из Мюнхена.

НЕВРАСТЕНИК. Он был в Мюнхене?

ЖЕНА. Да, на каком-то конгрессе. Еще он привез мне оттуда прелестные нейлоновые штанишки.

НЕВРАСТЕНИК (*рассеянно*). Нейлоновые штанишки?

ЖЕНА. Да, голубенькие. Они мне очень идут. (*Игриво*.) Ты хочешь посмотреть?

НЕВРАСТЕНИК (*не слушая*). А что это за конгресс?

ЖЕНА. Не помню. (*Похлопывает себя по ноге*.) Ах да, мне нужно до вторника купить новые подвязки.

НЕВРАСТЕНИК. А мне нужно послать письмо тете в Волоколамск. А то тетя очень обижается, что я редко пишу ей.

ЖЕНА. Так беги на почту, но скорее возвращайся. (*Нежно*.) Я буду ждать тебя, любимый.

Неврастеник уходит.

ЖЕНА (*хватает кошку*). Пупочка моя, ласточка моя! (*Тискает ее*.) Ты летала сегодня, моя ласточка? Ласточка моя, ты сегодня летала?

ПРОФЕССОР (*бросается вперед, вырывает у жены кошку и возбужденно сюсюкает*). Шлюшка моя, шлюшка-потаскушка моя, нашлюшничалась уже с котами, а? Уже нашлюшничалась, шлюшка-потаскушка?

ЖЕНА (*обращаясь ко всем, умиленно*). Посмотрите, как он ласкает ее! Мой котик очень любит домашних животных, такую любовь сейчас не часто увидишь.

ДОБРОДУШИЕ (*добродушно*). Мы, старики, и не то видали. (*Поэту*.) Ваше поколение, конечно, уже другое дело.

Домработница согласно кивает головой. Поэт делает неопределенный жест. Молчание.

ПРОФЕССОР (*отпускает кошку, пытается как хозяин дома завязать общий разговор*). Какая погода на улице?

ДОБРОДУШИЕ. Льет как из ведра.

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Когда я шел, дождя не было. Так светило солнце, что мне припекло затылок, и я очень боялся, как бы не было удара.

ПРОФЕССОР. О да, это очень опасно.

ДОМРАБОТНИЦА (*примиряюще*). Дождичек грибной, оттого и солнце светит.

ЖЕНА (*резко*). Прошу вас, не вставляйте ваших глупых замечаний и не перебивайте профессора.

Домработница обиженно вздыхает и уходит. Молчание.

ОСТОРОЖНОСТЬ. А что не видно молодого человека?

ПРОФЕССОР. Вероятно, он не придет в такую погоду. У него слабое здоровье.

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Он вообще производит неприятное впечатление. Какой-то робкий, приниженный.

ДОБРОДУШИЕ. И вместе с тем неприятно развязный.

ОСТОРОЖНОСТЬ. Он сразу же стал мне подозрителен.

ЧЕСТОЛЮБИЕ. К тому же он слишком молод. (*Лицемерно.*) Едва ли ему интересно с нами.

ДОБРОДУШИЕ. Да, он совсем еще мальчишка. Не удивлюсь, если его привезут в детской колясочке.

ОСТОРОЖНОСТЬ. Не исключена возможность, что он даже не умеет говорить. Ведь он просто младенец.

ПРОФЕССОР. Да, он все время сопит и пускает слюни.

ОСТОРОЖНОСТЬ (*вздрагивая*). Подумать только! (*Профессору тихо.*) Давай договоримся: в случае чего я толкаю тебя ногой.

Молчание.

ЧЕСТОЛЮБИЕ (*поэту, чтобы завязать разговор*). Меня давно занимает один вопрос. Вы как литератор, вероятно, сможете мне ответить.

ПОЭТ. С удовольствием.

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Что такое премия имени Пулицера, которая ежегодно присуждается в Соединенных штатах?

ПОЭТ. Денежные премии имени Пулицера за лучшие работы в области журналистики и литературы были учреждены в 1917 году американским издателем Джозефом Пулицером. Эти премии выдаются ежегодно авторам лучшего романа, театральной пьесы, сборника стихов, биографии и исторической работы, а также журналистам, написавшим лучшие статьи за истекший год.

ДОБРОДУШИЕ (*с интересом прислушивающийся к разговору*). А вы случайно не знаете, наблюдались ли в Соединенных Штатах заболевания в результате потребления молока?

ПОЭТ. К сожалению, не знаю.

ПРОФЕССОР. Я интересовался этим вопросом. Молоко в США фактически совершенно не является источником заболеваний. Введены строгие правила для охраны молочного скота от заболеваний, гигиенического обращения с молоком и пастеризации молочных продуктов.

ЖЕНА. Как ты хорошо объясняешь, котик. Хочется только добавить, что Советский Союз уже сегодня наступает на пятки Соединенным Штатам Америки в экономическом соревновании.

ПОЭТ (*поспешно*). За нами победа и в битве социалистической и буржуазной идеологий, между которыми не может быть мирного сосуществования.

Звонок. Все вздрагивают.

ОСТОРОЖНОСТЬ (*толкает ногой профессора*). Я же говорил. Не надо было заводить этот разговор.

Звонок. Все пятаются от двери.

ПОЭТ. Кажется, звонят.

ЖЕНА (*решившись*). Да, звонят. (*Домработнице, стоящей в дверях кухни.*) Откройте дверь.

Домработница идет в прихожую. Все пятаются от двери.

ОСТОРОЖНОСТЬ (*громким шепотом поэту*). Вы член союза писателей или только кандидат?

ПОЭТ (*с гордостью*). Я кандидат в члены союза!

Входят домработница и неврастеник.

НЕВРАСТЕНИК (*кланяясь*). Добрый вечер.

Все облегченно вздыхают.

ПРОФЕССОР (*холодно*). А, это вы. Здравствуйте.

НЕВРАСТЕНИК. Простите, я опоздал. Я так волновался. Я хотел встать пораньше, но именно поэтому проспал. (*Все делают жесты недоверия. Неврастеник с мольбою.*) Но вы-то, профессор, можете подтвердить, что я никогда не опаздывал на ваши лекции.

Профессор делает неопределенный жест.

ДОМРАБОТНИЦА (*назидательно*). Поздняя птичка глаза продирает, а ранняя уже на ветке поет.

ЖЕНА (*в ярости*). Сколько раз я вас просила не вмешиваться в разговор, который вас не касается!

Любое терпение может лопнуть! (*Всем.*) Садитесь за стол, прошу вас.

Все начинают рассаживаться. Обиженная домработница вносит огромный чайник.

ДОБРОДУШИЕ (*тихо Честолюбю*). Вот скупость-то: профессор, а поит чаем. Что бы выпить поставить!

ЧЕСТОЛЮБИЕ (*в сторону*). Вот привязался! Вечно у него душа нараспашку, не хватает только, чтобы целоваться полез.

*Все сидят на одной стороне стола лицом к зрителям.
Молчание.*

ЧЕСТОЛЮБИЕ (*чтобы завязать разговор*). Никто не знает, что нового слышно о судьбе Чомбе?

ДОБРОДУШИЕ. Я слышал ужасно смешной анекдот. (*Заранее громко хохочет.*) Давидович спрашивает Хаймовича: 'Послушайте, Хаймович, вы знаете, кто такой Лумумба?' 'Лумумба? Нет, не знаю'. 'Вот если бы вы ходили на политзанятия, вы бы знали'. 'А вы знаете, кто такой Рабинович?' 'Рабинович? Нет, не знаю'. 'Вот если бы вы не ходили на политзанятия, вы бы знали, что в это время он спит с вашей женой'. (*Хохочет. Все принужденно улыбаются. Добродушие задумчиво.*) Интересно, кто сочиняет все эти еврейские анекдоты?

ЧЕСТОЛЮБИЕ (*убежденно*). Сами же евреи.

НЕВРАСТЕНИК. Да, евреи очень талантливый народ.

ПОЭТ. Особенно в области литературы.

НЕВРАСТЕНИК. Но говорят, что их сейчас не очень охотно принимают как раз на работу в издательства.

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Вы знаете, я несколько не антисемит, но я должен сказать, что если евреев не принимают куда-то на работу, то только потому, что все места заняты уже другими евреями.

ПРОФЕССОР (*начиная издаലെка*). А вы знаете, что знаменитый Указ о черте оседлости был введен Екатериной II еще в XVIII веке...

ПОЭТ (*перебивая*). А вы помните, что поэтично описанный в летописи первый еврейский погром произошел в Киеве еще в XII веке...

НЕВРАСТЕНИК (*перебивая*). А вы заметили, что все выдающиеся люди двадцатого века евреи: Эйнштейн, Фрейд, Кафка...

ЧЕСТОЛЮБИЕ (*в тон ему*). Муссолини, Гитлер, Сталин...

ДОБРОДУШИЕ. Боливар, Наполеон, Кромвель...

ОСТОРОЖНОСТЬ. Пизарро, Борджа, Саванаролла...

ПРОФЕССОР. Тамерлан, Чингисхан, Аттила...

ПОЭТ. Сукарно, Кастро, Мао Цзе-дун...

НЕВРАСТЕНИК. Махно, Петлюра, Стенька Разин...

ЖЕНА (*удивленно*). Неужели и Стенька Разин еврей?

НЕВРАСТЕНИК. Да, еврей. Его настоящая фамилия не Разин, а Рабин.

ОСТОРОЖНОСТЬ. Вы тоже еврей?

НЕВРАСТЕНИК. Нет, я не еврей.

ОСТОРОЖНОСТЬ. Но в вас чувствуется еврейская хитрость и изворотливость.

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Еврейская холодность и бессердечность.

ДОБРОДУШИЕ. Еврейская развязность и наглость.

ПРОФЕССОР. Еврейская трусость.

ЖЕНА. Еврейская рассудочность.

ПОЭТ. Еврейская... (*Не знает, что сказать.*)

НЕВРАСТЕНИК. Вы совершенно ошибаетесь. Что вы все на меня так напали?

ЖЕНА (*назидательно*). Каждый мужчина должен уметь сам за себя постоять.

Звонок. Общее замешательство.

ОСТОРОЖНОСТЬ (*профессору громким шепотом*). Я же говорил тебе, чем все это кончится. Я же знал, что этот разговор до добра не доведет. (*Поэту*). Ваш членский билет с вами?

ПОЭТ. Мой билет... (*Шарит по карманам.*)

Звонок.

ПРОФЕССОР (*слабо машет рукой домработнице, стоящей в дверях кухни*). Подите откройте дверь.

Домработница идет в переднюю. Невнятные голоса за сценой.

ДОМРАБОТНИЦА (*входя*). Это моя жена. Она работает почтальоном и принесла вам заказное письмо. Идите распишитесь.

*Профессор идет в переднюю. Напряженное ожидание.
Возвращается с письмом.*

ЖЕНА. Что такое?

ПРОФЕССОР. Разрешите? (*Вскрывает конверт.*) Товарищи, я получил печальное сообщение. (*Все делают жесты отчаянья. Профессор читает.*) 'С глубоким прискорбием сообщаю Вам, что мой муж, профессор Рихард фон Хаккель-Глобау, скончался у себя дома 12 мая 1938 года. Анна-Мария фон Хаккель-Глобау'.

Домработница рыдает. Честолюбие лицемерно стряхивает слезу. Добродушие смущенно кашляет. Осторожность сморкается.

ПРОФЕССОР (*грустно*). Я познакомился с покойным на конгрессе в Мюнхене в прошлом году. Помню наши горячие научные споры.

ПОЭТ (*поэтично*). Должно быть, эти споры были как бы столкновением воинствующего материализма с юродствующим идеализмом.

ПРОФЕССОР (*не слушая*). Это был очень интересный человек, я надеялся увидеться с ним еще раз.

ОСТОРОЖНОСТЬ (*поспешно*). Ты уже рассказывал об этом. Послушайте лучше, что я хочу предложить. Мы же собрались, чтоб веселиться. Давайте играть в фанты.

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Нет, в жмурки.

ДОБРОДУШИЕ. В пряталки.

ПОЭТ. В салочки.

ЖЕНА. В классики.

НЕВРАСТЕНИК (*истерически*). В крестики и нолики!

Молчание.

ДОМРАБОТНИЦА (*профессору*). Ну, видели мою дочь?

ПРОФЕССОР. Как? Где?

ДОМРАБОТНИЦА. А почтальонша-то. Она мне дочка. Я вас для того и позвала, чтоб посмотрели. Расписаться я и сама за вас могла.

ПРОФЕССОР. Но ведь вы только что говорили, что это ваша жена?

ДОМРАБОТНИЦА. Это верно, говорила. А чего ж тут такого! Она мне и жена, и дочка. Всё одним ртом в семье меньше. Кабы вы мне пятьдесят рублей платили, а то тридцать. Деньги, сами знаете, как летят. (*Обличительно.*) Это вам хорошо по нескольку жен на детей заводить, а мы люди простые: лишь бы концы с концами свести, и то слава богу.

ЖЕНА (*живо*). Сколько раз и я тебе говорила, что деньги летят не знаю как. У твоей жены четвертый год одна пара чулок, а ты не знаю где транжиришь деньги, с девками по ресторанам очевидно.

ДОБРОДУШИЕ (*заинтересовавшись*). Ты бы пригласил как-нибудь в ресторан, старик. Столько лет знакомы, а ни разу даже не выпили вместе.

ДОМРАБОТНИЦА (*грубо*). Обожди, милый. Теперь я скажу. (*Театральным жестом указывает на профессора.*) Вот он! (*Все смотрят на профессора.*) Вот он, гнусный похититель невинности моей дочери!

*Пораженный профессор делает жесты отрицания.
Гости потупляют глаза.*

ДОМРАБОТНИЦА (*гостям*). Я, чай, тоже не дура. Думаю, подожду, очную ставку устрою, а потом при всех и объявлю.

ПРОФЕССОР (*вывертывается*). Но как я мог похитить ее невинность, раз она давно ваша жена?

ДОМРАБОТНИЦА (*пораженная его доводом*). Верно! Промашка вышла! Как же это я раньше не подумала! Вот оно, образования-то и не хватило, поди ж ты. (*Профессору.*) Ну, вы не сердчайте, коли чего не так сказала. Я женщина простая, по простому и говорю, чего думаю. (*Уходит на кухню.*)

ПРОФЕССОР (*воспрянув духом*). Возмутительно! Необходимо ее рассчитать!

ЖЕНА. Котик, не волнуйся. Это не она виновата. Я тебе потом все объясню.

НЕВРАСТЕНИК (*поспешно*). Поверьте, профессор, я сразу же понял, что это клевета.

ОСТОРОЖНОСТЬ. И я понял.

ЧЕСТОЛЮБИЕ. И я.

ДОБРОДУШИЕ. И я.

ПОЭТ. И я.

ПРОФЕССОР (*растроганно*). Благодарю вас. Ваше доверие много значит для меня. Я постараюсь и в будущем оправдать его.

Жидкие аплодисменты. Молчание.

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Но кто же, интересно, соблазнил дочь домработницы, раз это не профессор?

Все подозрительно смотрят друг на друга.

ПОЭТ. А сколько ей лет? Вы не знаете, профессор?

ПРОФЕССОР. Я видел ее впервые. На вид лет сорок.

ЧЕСТОЛЮБИЕ. О, такая юная. В таком случае это подсудное дело.

ДОБРОДУШИЕ (*добродушно*). За это и расстрелять могут.

Общее замешательство. Все подозрительно смотрят друг на друга.

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Так кто же все-таки соблазнил

дочь домработницы профессора? (*Смотрит на Добродушие.*)

ДОБРОДУШИЕ. Откуда я знаю! Может быть, вы.

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Я?! Так скорей уж вы!

ДОБРОДУШИЕ. Нет, уж никак не я! Меня и в Москве не было.

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Но и не я же. Я как раз в это время заканчивал работу над учебником.

ДОБРОДУШИЕ. Но если не я и не вы, то может быть вы? (*Поворачивается к Осторожности.*)

ОСТОРОЖНОСТЬ (*в ужасе*). Что вы?! У меня жена и двое детей, все свободное время я провожу в кругу семьи. (*Указывает на поэта.*) Это он, должно быть.

Все смотрят на поэта.

ПОЭТ (*возмущенно*). Как могли вы обо мне так подумать!

ОСТОРОЖНОСТЬ. Но о вас идет дурная слава. Говорят, вы не пропускаете ни одной женщины.

ПОЭТ. Чепуха. Я уже десять лет как импотент. (*Общее недоверие.*) Я могу показать медицинское свидетельство.

ОСТОРОЖНОСТЬ (*овладевая положением*). Покажите.

ПОЭТ (*достаёт свидетельство, подобострастно*). Я могу еще предъявить справку об окончании пяти классов и военный билет.

ОСТОРОЖНОСТЬ. Не надо. Этого достаточно.
(*Возвращает свидетельство.*)

ПОЭТ. Я могу быть свободен?

ОСТОРОЖНОСТЬ. Можете. Если вы еще понадобитесь, я вам сообщу. (*Всем.*) Так кто же соблазнил дочь домработницы?

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Не я.

ДОБРОДУШИЕ. Не я.

ПОЭТ (*на всякий случай*). Не я.

ПРОФЕССОР (*на всякий случай*). Не я.

НЕВРАСТЕНИК (*истерически*). Не я!

Все пристально смотрят на неврастеника.

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Почему вы думаете, что не вы?
Может быть, именно вы?

НЕВРАСТЕНИК. Почему я?

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Потому что именно вы! Больше никому.

ЖЕНА (*тихо*). Милый, признайся, ты видишь, за-
пираться бесполезно. В этот трудный час я буду с
тобой.

НЕВРАСТЕНИК. Хорошо, ты права. (*Всем.*) Да,
это сделал я!

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Негодяй!

ДОБРОДУШИЕ. Развратник!

ОСТОРОЖНОСТЬ. Гнусный соблазнитель!

НЕВРАСТЕНИК (*оправдываясь*). Но это она меня соблазнила. Я даже не знал, как это делается.

ПОЭТ. Знаем мы, как вы не знали!

НЕВРАСТЕНИК (*оправдываясь*). Я собираю марки, а она сказала, что работает на почте и наобещала достать много интересного. Только так я попался.

ДОБРОДУШИЕ (*с негодованием*). И такой человек мог получить университетский диплом!

НЕВРАСТЕНИК (*оправдываясь*). Но я с ней не делал ничего дурного!

ОСТОРОЖНОСТЬ. Хорошо. Нам хочется вам верить. Но мы не знаем, что с ней делали, когда оставались одни.

НЕВРАСТЕНИК. Мы слушали пластинки.

ОСТОРОЖНОСТЬ. Что вы слушали?

НЕВРАСТЕНИК. Мы слушали Гийома Дюфе, Жилла Беншуа, Иоганна Окегема, Якоба Обрехта, Жоскена Дебре и Орландо Лассо.

ДОБРОДУШИЕ (*с негодованием*). И это говорит советский молодой человек!

ОСТОРОЖНОСТЬ. Надо сообщить в университет.

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Надо вызвать милицию! Надо скорее изолировать его от общества.

ПОЭТ. Да, надо скорей вызвать милицию, иначе

он развратит всех нас, включая и вашу жену, профессор. Это страшный человек.

ПРОФЕССОР. Не надо милиции! (*Говорит, с трудом сдерживая гнев.*) Я пригрел этого человека на своей груди! Я пустил его в свой дом! Я считал его лучшим своим учеником! И чем он отплатил мне?! Он посягнул на честь дочери моей домработницы! Не надо милиции! Я задушу его собственными руками!

Профессор идет на неврастеника. Тот пятится. Жена взвизгивает. Неврастеник вскакивает на стол. Профессор пытается вскарабкаться за ним.

ЖЕНА. Он задушит его!

Звонок, мало слышный в общей суматохе. Профессор гоняется за неврастеником. Все расступаются перед ними. Оба фехтуют на зонтиках, отчасти подражая Дугласу Фербенксу. Неврастеник пятится к книжным полкам. Еще звонок. Поэт идет открывать дверь. Неврастеник карабкается на полки. Профессор пытается подцепить его зонтом. Возвращается поэт.

ПОЭТ (*поднимает руку*). Минуту внимания! (*Все смотрят на него.*) На имя профессора получено письмо из посольства ФРГ в Москве. (*Все застывают на своих местах.*) Разрешите огласить?

Профессор делает безнадежный жест.

ДОБРОДУШИЕ. Валяйте!

ПОЭТ (*читает с выражением*). 'Посольство Федеративной Республики Германии, Москва, 8 июля

1963 года. Уважаемый господин профессор! Посольство получило ваше письмо, в котором вы просите сообщить адрес профессора фон Хаккель-Глобау. Вы можете писать ему по адресу: Г-н профессор д-р фил. Рихард фон Хаккель-Глобау, Катценштрассе 18, Мюнхен, ФРГ. С уважением

Микки Маус, первый секретарь
Санта Клаус, атташе'.

Все смотрят на профессора.

ДОБРОДУШИЕ. Как это понять, старик?

ОСТОРОЖНОСТЬ. Почему ты не предупредил меня об этом?

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Что же вы не посоветовались со мной, коллега?

ЖЕНА. Зачем, котик, ты скрыл от меня твое письмо?

ПОЭТ. Профессор, почему же вы... (*Не знает, что сказать.*)

Профессор хватается за сердце. Неврастеник прыгает с верхней полки, держа зонт как парашют.

ОСТОРОЖНОСТЬ (*поспешно*). Необходимо немедленно во всем разобраться.

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Докопаться до сути вопроса.

ДОБРОДУШИЕ. Понять что к чему.

ОСТОРОЖНОСТЬ. Зачем и почему.

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Для чего и отчего.

ДОБРОДУШИЕ (*добродушно*). Черт-те чего!

ОСТОРОЖНОСТЬ (*обращаясь к Честолюбию и Добродушию*). Сейчас мы распутаем этот клубок. Нам троим, как ничем себя не запятнавшим, надо все это обсудить и принять решение. А вы, профессор, садитесь пока. (*Жене.*) Дайте ему воды, он немного успокоится.

Профессор садится на стул. Поэт дает ему воды. Жена обмахивает его. Неврастник садится на книжную полку. Честолюбие, Добродушие и Осторожность выходят вперед.

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Товарищи, нам нечего больше прятаться друг от друга. Настала пора действовать. Я думаю, мы все прекрасно понимаем, кто мы такие.

ОСТОРОЖНОСТЬ. Да, я понял это сразу, едва вас увидел.

ДОБРОДУШИЕ. А я еще до прихода почтальона сказал.

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Вы несколько забежали вперед.

ДОБРОДУШИЕ. Может быть. Но это у вас на лбу написано.

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Скорее у вас. Ваши манеры могут смутить кого угодно.

ОСТОРОЖНОСТЬ. Не ссорьтесь, вы видите, в каком положении профессор. Я имею сведения, что еще несколько лет назад он установил контакт с сотрудником посольства ФРГ: около 'Националя' он сообщил ему, как пройти к 'Метрополю'.

Я пытался воспрепятствовать этому, но безуспешно.

ЧЕСТОЛЮБИЕ. А какую еще информацию он передавал?

ОСТОРОЖНОСТЬ. Пока больше никакой. Но вы видите, откуда тянется нить и куда она тянется.

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Еще шаг, и он окажется в лапах наших врагов.

ДОБРОДУШИЕ (*недоуменно*). Но как наш простой советский профессор мог пойти на такое! Кто толкнул его на это, кто внушил ему эти взгляды?

ОСТОРОЖНОСТЬ. Разумеется, здесь имела место идеологическая обработка. Кто-то под личиной друга терся около профессора, медленно, но верно прививая ему буржуазные взгляды: карьеризм, тщеславие, аморальность, преувеличенное мнение о собственных способностях. Необходимо проверить окружение профессора. В таких вещах никому особенно доверять не приходится.

Смотрят подозрительно друг на друга. Опускают глаза.

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Так кто же все-таки обработал профессора? (*Смотрит на Добродушие.*)

ДОБРОДУШИЕ. Откуда я знаю! Может быть, вы.

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Я?! Так скорей уж вы!

ДОБРОДУШИЕ. Нет, уж никак не я. Меня и в Москве не было.

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Но и не я же. Я все время работал над учебником.

ДОБРОДУШИЕ. Если не я и не вы, то может быть, вы? *(Поворачивается к Осторожности.)*

ОСТОРОЖНОСТЬ *(в ужасе).* Что вы?! У меня жена и двое детей, все свободное время я провожу в кругу семьи. Это он, должно быть. *(Указывает на поэта.)*

Честолюбие, Добродушие и Осторожность смотрят на поэта.

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Нет, это не он. *(С пафосом.)* Ведь он кандидат в члены Союза писателей!

ДОБРОДУШИЕ. Вдобавок импотент. Едва ли он способен на это.

ЧЕСТОЛЮБИЕ *(с видом человека, сделавшего открытие, но еще не совсем в нем уверенного).* А что если это ... он? *(Указывает на неврастеника.)*

ДОБРОДУШИЕ *(обрадованно).* Конечно это он! Как я раньше не догадался! Все факты указывают на это! *(Перечисляет.)* Он сам признался только что, что был тщеславен, имел карьеристские тенденции, ходил по ресторанам, имел женщин, с которыми сожительствовал.

ЧЕСТОЛЮБИЕ. С дочерью домработницы, например. Возмутительный случай!

ОСТОРОЖНОСТЬ. А также с ее женой. Случай еще похлеще!

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Помните, в какую разнуздан-

ную оргию он превратил празднование дня своего рождения.

ДОБРОДУШИЕ. Прибавьте к этому его преувеличенное мнение о собственном реферате.

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Да, круг сомкнулся. Больше не остается сомнений.

ОСТОРОЖНОСТЬ. Вот пример, в какую трясиину может засосать человека, если вовремя не схватить его за руку. Теперь нам остается только устранить его, чтобы спасти профессора во имя той пользы, которую он еще может принести.

ДОБРОДУШИЕ. Не одного только профессора. Мы должны сделать это в интересах безопасности всего народа. Вспомните сказанные сегодня слова нашего выдающегося поэта, поэта-борца, поэта-гражданина: 'Это страшный человек. Он развратит всех нас'.

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Мягко сказано: развратит. Еще секунда – и этот мальчишка поубивает всех нас. Это явный террорист. Я не удивлюсь, если узнаю, что перед тем, как прийти сюда, он зарезал отца, задушил мать, а младшую сестренку утопил в реке.

ДОБРОДУШИЕ (*добродушно*). Это еще ничего. Мы, старики, и не то видали.

ОСТОРОЖНОСТЬ. Значит решено: мы его устраняем. Как это лучше сделать, по-вашему?

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Пожалуй, зарезать его.

ОСТОРОЖНОСТЬ. Нет, задушить.

ДОБРОДУШИЕ. Утопить.

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Повесить.

ОСТОРОЖНОСТЬ. Расстрелять.

ДОБРОДУШИЕ. Четвертовать.

ЧЕСТОЛЮБИЕ. Да, спорный вопрос. Тут надо подумать.

ДОБРОДУШИЕ. Что тут думать! Мы – это сила. Так или иначе он от нас не уйдет.

Отходят назад. Вперед выходят жена и неврастеник. Профессор, поэт, Честолюбие, Добродушие, Осторожность и вышедшие из кухни домработница и кошка образуют подобие античного хора.

НЕВРАСТЕНИК. Ты слышала? Я все сказал.

ЖЕНА. Мужайся, сейчас начнется самое трудное. (Нежно.) Любимый, ты ничего не хочешь у меня спросить?

НЕВРАСТЕНИК. (думает, что спросить) Ты уже купила подвязки?

ЖЕНА. Нет, я слишком заболталась с тобой. А ты отправил письмо тете?

НЕВРАСТЕНИК. Нет, ты слишком взволновала меня, и я не смог написать и двух строк.

ЖЕНА. Ты вечно все хочешь свалить на других. Выходит, я в этом виновата.

НЕВРАСТЕНИК. Нет, во всем виноват я сам.

ЖЕНА (*тронутая его словами*). Письмо дело поправимое. И подвязки тоже.

НЕВРАСТЕНИК. Нет, ничего уже не поправишь.

ЖЕНА. Я верю, моя любовь спасет тебя. (*Отходит назад.*)

НЕВРАСТЕНИК (*один стоит впереди*). Нет, не спасет. Я чувствую какую-то сухость во рту. Колени подгибаются.словно какая-то тупая безликая сила давит на меня. О эта сила, так, должно быть, слепой слон идет сквозь джунгли, и треск падающих деревьев заглушает человеческие голоса. Любимая, ты слышишь меня? (*Жена делает шаг к нему, протягивает руки, но тотчас отходит назад.*) Профессор? (*Тот делает неопределенный жест.*) А вы, вы слышите меня? (*Честолюбие, Добродушие и Осторожность отрицательно качают головами.*) А вы? (*Поэт опускает глаза, домработница гладит кошку.*) Что-то странное творится со мной. Почему-то мерещится пыльный степной город, полдень, я совсем маленький мальчик, и мне навстречу из переулка выходит большая ободранная собака, огромная, как волк, и мне кажется, что это волк... Впрочем, нет, совсем не то... Улица в предместье, обсаженная липами... Да, это Катценштрассе, коричневый особняк... И навстречу мне по песчаной дорожке идет высокий седой старик. Это знаменитый ученый: я узнал его по портрету. О, как я мечтал об этой минуте! Здравствуйте, профессор... Но что это? Ничего нет! Какие-то кроличьи морды вокруг меня. Кролик – животное нетребовательное... Но зачем они так смотрят на меня?! Где я?!

В голове, как ванька-встанька, переваливается что-то округлое: волоколамск. Странное слово: его заглатываешь, как сырой яичный желток. Тетя в детстве заставляла меня глотать желтки. Тетя любила меня... Да, что я забыл?! Ужасное чувство: я забыл сделать что-то очень важное. Ах да, я не успел рассказать о своей несчастной любви. Но поздно, я знаю, поздно. Вот я умираю. (*Падает.*)

ЖЕНА (*бросаясь к нему*). Он умер! (*Склоняется над ним и плачет.*)

Барабанный бой.

ХОР. Смело, товарищи, в ногу,
духом окрепнем в борьбе!
В царство свободы дорогу
грудью проложим себе!
Свергнем могучей рукою
гнет вековой навсегда
и водрузим над землею
красное знамя труда!

Профессор водружает знамя.

Занавес

1963-64-66,
Москва

Восток – запад

Диалог, ведущийся в Суздали

Действие пьесы происходит в суздальской гостинице в течение одного дня. Ввиду условности всей пьесы я пренебрег тем, что в Суздали нет гостиницы.

Действие I.

Номер гостиницы в городе Суздали. Три кровати, стол, часы, радиоприемник на тумбочке. Часы показывают между часом и двумя. Администраторша гостиницы, пожилая женщина, привела в номер приехавших из Москвы студента лет двадцати и его немолодую возлюбленную.

АДМИНИСТРАТОРША. Вот какая у нас миленькая комнатка.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Вижу.

АДМИНИСТРАТОРША. А вот какой у нас видик из окна.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Ага.

АДМИНИСТРАТОРША. А вот какая у нас скатерка на столе. Только вчера сменили.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Вот как?

АДМИНИСТРАТОРША. А вот какие у нас кровати. (*Грузно опускается на кровать.*) Вот какие мы мягонькие и теплые, вот как приятно на нас полежать.

СТУДЕНТ. Тебе здесь нравится, моя малышка?

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Здесь как-то тускло и грязно.

АДМИНИСТРАТОРША (*обиженно*). Да что вы! Вы лучше номера и во Владимире не найдете.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Ну хорошо. Останемся здесь. Я так устала, что, кажется, готова лечь на ложе, утыканное гвоздями, не то что на эту кровать. (*Администраторше.*) Представьте, мы ехали в ав-

тобусе от самой Москвы, сидели какие-то молодые люди, так никто мне даже места не уступил.

АДМИНИСТРАТОРША. Да, молодежь... Разве старших нынче уважают!

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Дело не в старших. Просто принято уступать места женщинам.

АДМИНИСТРАТОРША (*охотно*). Да, народ у нас грубый. А вот, говорят, есть город такой – Ленинград, так там всегда место уступают. Сама, правда, не видела, врать не буду, но слышала от верных людей.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Пойду умоюсь, я вся в пыли. Вероятно, страшная, как черт. (*Уходит.*)

АДМИНИСТРАТОРША (*студенту*). А это кто же, мамаша ваша будет?

СТУДЕНТ. Нет, это моя возлюбленная.

АДМИНИСТРАТОРША. А, ну совет да любовь.

СТУДЕНТ. Благодарю.

АДМИНИСТРАТОРША. А вы сами кто будете?

СТУДЕНТ. Я студент. Приехал сюда осматривать памятники старины.

АДМИНИСТРАТОРША. Это хорошо. Конечно интересно знать, как люди в старину жили.

Возвращается возлюбленная.

СТУДЕНТ. Пожалуй, я тоже умоюсь. (*Уходит.*)

АДМИНИСТРАТОРША (*возлюбленной*). А это кто же, сынок ваш будет?

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ (*в ярости*). Нет, это мой возлюбленный!

АДМИНИСТРАТОРША. А, ну совет да любовь.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ (*презрительно*). Благодарю.

АДМИНИСТРАТОРША. А вы сами кто будете?

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Я певица. Понимаете, пою песни.

АДМИНИСТРАТОРША. Как не понять. Дело хорошее. С песней завсегда легче живется.

Возвращается студент.

СТУДЕНТ. Нельзя сказать, чтобы все это было у вас хорошо оборудовано.

АДМИНИСТРАТОРША. Вам, москвичам, конечно, наша жизнь непривычна.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. А ресторан у вас есть в гостинице?

АДМИНИСТРАТОРША. Ресторану нету. Мы здесь и слов таких не знаем.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. А где же мы будем обедать?

АДМИНИСТРАТОРША. У нас внизу столовая есть. А если хотите, я договорюсь с девушкой, она будет вам оттуда обеды и ужины носить. Она в столовой работает и постояльцам всегда в номера носит.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Хорошо. Это все же лучше, чем просто умереть с голоду. *(Помолчав.)* А зачем в этой комнате третья кровать?

АДМИНИСТРАТОРША. А здесь еще один постоялец спит, политрук Иванов.

СТУДЕНТ. Как? Разве у вас нет номеров на двух человек?

АДМИНИСТРАТОРША. Чего нет, того нет. А вы напрасно сердитесь: человек он тихий, вам одно удовольствие будет с ним жить. Он тут у нас давно живет, и обеды ему так же носят.

СТУДЕНТ. Очень приятно спать в одной комнате с чужим человеком!

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Что же тут такого?

СТУДЕНТ. Может быть, ты еще прикажешь мне лечь с ним в одну постель?

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Как хочешь.

СТУДЕНТ. Или ты сама предпочтешь это сделать?

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Не откажусь.

АДМИНИСТРАТОРША *(элегически)*. Милые ссорятся – только тешатся. Пойду, с девушкой договорюсь. *(Уходит.)*

СТУДЕНТ. Что ты злишься?

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Я устала. Сначала эта дорога, потом ты заставил меня таскаться по всем этим монастырям и церквям. Мы с утра ничего не ели.

А твои глупые разговоры выведут из себя кого угодно.

СТУДЕНТ. Что же здесь глупого? Неизвестно еще, что это за человек, да и неудобно как-то спать втроем.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Какие у тебя еще мещанские представления обо всем.

СТУДЕНТ (*смутившись*). Я имею в виду совсем не то. Но может быть, у него потеют ноги. Нам будет тяжело переносить этот запах.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Для мужчины это не такой уж страшный недостаток.

СТУДЕНТ. Но, вероятно, он храпит по ночам.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Я знаю тысячи культурных и интересных мужчин, которые храпят, и не вижу в этом ничего плохого.

СТУДЕНТ. Но, я думаю, он пьет. Не исключено, что он возвращается по вечерам вдрызг пьяным, матерится и блюет.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Я еще не знала ни одного мужчины, который бы не матерился. А на тот случай, если его вырвет, можно попросить у администраторши тазик.

СТУДЕНТ. Но у меня предчувствие, что он бабник. Он будет каждую ночь приводить с собой девиц.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Что особенного ты тут видишь! Я даже не подозревала, что ты моралист почище раскаявшейся проститутки.

СТУДЕНТ. Как ты груба! Я ухожу от тебя на почту: мне нужно отправить письмо.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Хорошо, уходи.

Студент уходит.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ (одна). Ну и черт с ним! (Подумав.) Но все-таки надо подкрасить ресницы. Как это все же важно, следить за собой.

Подкрашивает ресницы. В это время входит невысокий пожилой человек. Это политрук Иванов.

ПОЛИТРУК. Здравствуйте. Я не помешал вам?

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Нисколько. Вы, по-видимому, наш сосед?

ПОЛИТРУК. Да, я политрук Иванов. Мне уже сказала о вас администраторша внизу.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Надеюсь, мы с вами окажемся добрыми соседями.

ПОЛИТРУК. Конечно. Вы надолго сюда?

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ (кокетливо). Нет, всего на два дня.

ПОЛИТРУК. Сюда летом многие приезжают осматривать местные достопримечательности.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ (продолжая красить ресницы). Скажу откровенно: это довольно скучное занятие – таскаться по церквям. Сейчас ради какой-то развалюхи мне пришлось лезть в грязь.

ПОЛИТРУК. Да, это возмутительно. Я слышал, есть правительственный проект о сношении всех церквей.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ (*смотрит в зеркало на ресницы*). Давно пора.

ПОЛИТРУК. Какие у вас красивые ресницы: они длинные и пушистые.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Вы так находите?

ПОЛИТРУК (*подумав*). Да. Скажу больше: вы сами очень красивая и толстая женщина.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ (*смеется*). О, вы шутите, должно быть.

ПОЛИТРУК (*грустно*). Я не умею шутить. Это действительно так: вы мне очень нравитесь.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Я столько уже раз слышала эту фразу...

ПОЛИТРУК. Я понимаю. Едва ли я интересен вам: я такой некрасивый и невысокий.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ (*живо*). Для меня вовсе не важно, чтобы мужчина был высок ростом и красив.

ПОЛИТРУК (*поражен ее ответом*). Какая вы необыкновенная женщина!

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Правда?

ПОЛИТРУК (*смотрит на нее*). И как вы привлекательны: у вас такие могучие бедра. Я думаю, перед вами не устоит ни один мужчина. Ваш друг, вероятно, очень ревнует вас.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ (*с осуждением*). Нет, он совсем этого не ценит. Я не хочу хвастаться, но буквально всюду, куда бы я не пришла, на меня обращают внимание. Даже сегодня, пока он лазил по своим монастырским стенам, со мной пытался заговорить какой-то мужчина. Он спросил меня, как пройти в лес. Конечно, я ему ничего не ответила. Помимо всего прочего, я и не знаю, есть ли тут вообще лес.

ПОЛИТРУК. А какой он?

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Он грубоватый, но высокий и интересный, одет во что-то вроде гимнастерки.

ПОЛИТРУК (*ревниво*). Мне кажется, это не очень хороший человек. (*Помолчав.*) Я уже не молод, жизнь проходит, и так хочется встретить в ком-нибудь настоящее сочувствие.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Чего встретить?

ПОЛИТРУК. Понимание и сочувствие. Так хочется встретить женщину, которая понимала бы тебя.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Ну, мало ли женщин. Сегодня, пока мы гуляли, я насчитала восемнадцать женщин и только четырех мужчин.

ПОЛИТРУК (*заинтересованно*). Да? Это важное демографическое сведение. (*Что-то записывает.*) Но эти женщины меня мало интересуют. Есть только одна женщина в мире, способная понять меня.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Да? Кто же это?

ПОЛИТРУК. Она находится здесь.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ (*оглядывается*). Я ее не вижу.

ПОЛИТРУК. Это вы.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ (*смеется*). Вы шутник.

ПОЛИТРУК. Клянусь вам. Я не могу без вас жить. Согласны ли вы стать моей женой?

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Ну уж сразу и женой. Надо подумать.

ПОЛИТРУК (*настойчиво*). Клянусь, я не могу жить без вас. Мне уже за пятьдесят, пора подумать о личном счастье.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Да, вы правы. Не буду скрывать, я тоже уже не юная девушка. Пора как-то устраивать свою судьбу.

ПОЛИТРУК. Это справедливое замечание. Я совершенно убежден: мы предназначены друг для друга.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Ну хорошо. Если так, то я согласна. (*Целует его.*) Но как ты думаешь, что нам теперь делать?

ПОЛИТРУК (*деловито*). Мы можем пока снять здесь комнату. Эта гостиница уже опротивела мне. Я думаю, сейчас необходимо предупредить твоего друга.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ (*грустно*). Бедный мальчик. Он так влюблен в меня. Это будет для него страшным ударом.

ПОЛИТРУК (*ревниво*). Ну, не таким уж страшным.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Ты просто ничего не понимаешь. Мы очень любим друг друга. Я даже боюсь ему сказать.

ПОЛИТРУК (*нежно*). Давай пока сходим посмотрим домик, где мы поселимся, а потом я вернусь сюда и поговорю с ним сам.

Входит администраторша.

АДМИНИСТРАТОРША. А, вы уже и познакомились.

ПОЛИТРУК (*сухо*). Да. А вы что хотите?

АДМИНИСТРАТОРША. Чего ж я, мое дело маленькое. Я зашла сказать, что с девушкой договорилась, она вам сейчас обед принесет.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Спасибо. Мы сейчас едва ли будем обедать.

ПОЛИТРУК. Мы сейчас уходим.

АДМИНИСТРАТОРША (*возлюбленной*). Ну, может, дружок ваш захочет?

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Может быть.

Политрук и возлюбленная уходят.

АДМИНИСТРАТОРША (*одна*). Ну и дела творятся, бог ты мой. То подавай ей обед, то есть не буду. Не к добру все это, не к добру. Недаром мне сон сегодня приснился, будто иду я, маленькая де-

вочка, по кладбищу и цветы срываю... Давно уж мне сны не снились, лет шесть, почитай.

Входит студент.

АДМИНИСТРАТОРША. А приятельница ваша только-только ушла. Велела передать, что нескоро воротится.

СТУДЕНТ. Вот как?

АДМИНИСТРАТОРША. Сама ума не приложу, что бы это значило. Обедать вы будете?

СТУДЕНТ. Буду. Я уже проголодался.

АДМИНИСТРАТОРША. Оно и понятно, годы молодые. Вам сейчас девушка принесет, я уже сказала. *(Помолчав.)* А вот дамочка ваша обедать отказалась.

СТУДЕНТ. Не похоже на нее.

АДМИНИСТРАТОРША. Хе-хе-хе. Мое дело, конечно, сторона, но она у вас, видно, женщина не-серьезная.

СТУДЕНТ. Да?

АДМИНИСТРАТОРША. Уж вы меня простите, вы человек молодой, а я женщина старая.

СТУДЕНТ. Да, я вижу это.

АДМИНИСТРАТОРША. Да уж у вас, молодых, свои обычаи: сходитесь, расходитесь, и хоть бы что. В старину этого не было.

СТУДЕНТ. А что же было в старину? Меня вообще интересуют старые обычаи.

АДМИНИСТРАТОРША. В старину известно какой был обычай: от законного мужа не гулять. (*Помолчав.*) А обычаи, конечно, разные бывают. Говорят, что будто есть такая страна – Англия, так там разведенные муж и жена заново друг с другом расписываются и опять вместе живут. И будто бы у них так это все делают. Как по-вашему, может это быть?

СТУДЕНТ (*подумав*). Не знаю. Мы еще мало знаем народные обычаи разных стран.

АДМИНИСТРАТОРША. И я не знаю. Уж больно чудно кажется. (*Помолчав.*) Нагулялись вы сегодня, видно, вид у вас усталый.

СТУДЕНТ. Да, мы многое осмотрели. Мне здесь очень понравилось у вас. (*Входит девушка. Студент продолжает, не замечая ее.*) Особенно один монастырь. Сейчас там колония для малолетних преступниц, и нас не хотели пускать туда. Но я упросил, и меня пустили все же. Предупредили только, чтобы я не разговаривал с девушками. И вот, когда я осматривал росписи в одном из храмов и был совсем один, туда вошла девушка, в стоптанных туфлях, рваной кофте и с голубыми глазами, и сказала мне: здравствуйте, – и я ответил ей: здравствуйте. И тогда вошла еще одна девушка и сказала: здравствуйте, – и я ответил ей. И передо мной прошло много девушек, и я здоровался со всеми и всем вежливо кланялся, так что запомнил только их, а не росписи. Но я не жалею об этом:

кажется, это были скверные росписи XIX века. Я очень плохо рассказал вам это, но эти девушки были ужасно трогательны. Я так и не знаю, почему они все приходили, чтобы здороваться со мной. Может быть, они просто обрадовались случаю, что кто-то вежливо и дружески отвечает им.

АДМИНИСТРАТОРША. Но, стало быть, вы нарушили запрет разговаривать.

ДЕВУШКА (*перебивая ее*). Вот я принесла вам обед.

СТУДЕНТ. О, я вас и не заметил.

ДЕВУШКА. Я такая незаметная?

СТУДЕНТ. Нисколько.

АДМИНИСТРАТОРША. Ну ладно, посидела, пора и честь знать. Пойду, дел много.

СТУДЕНТ. Заходите еще.

АДМИНИСТРАТОРША. Зайду непременно. (*Уходит.*)

ДЕВУШКА. Вам всегда в это время обед приносить?

СТУДЕНТ. Как вам удобно. Впрочем, мы здесь всего на два дня.

ДЕВУШКА. Ага. Ну я зайду потом за посудой. (*Хочет уйти.*)

СТУДЕНТ. Куда же вы? Садитесь, пожалуйста. Может быть, вы пообедаете со мной?

ДЕВУШКА (*садится*). Это ни к чему.

СТУДЕНТ. Вы очень хорошенькая девушка. Я очень рад, что вы пришли и я увидел вас.

ДЕВУШКА. Ну, у вас еще будут случаи меня увидеть.

СТУДЕНТ. У вас красивые черные глаза и тонкие щиколотки.

ДЕВУШКА *(обрадованно)*. Правда?

СТУДЕНТ. Да. Вы живете здесь?

ДЕВУШКА. Да. А вы откуда?

СТУДЕНТ. Я из Москвы. Мы только сегодня приехали сюда.

ДЕВУШКА. Вы новичок здесь. Вам нужно быть осторожнее.

СТУДЕНТ. Да? Разве меня подстерегают какие-нибудь опасности?

ДЕВУШКА. Я этого не говорю, но лучше держать язык за зубами.

СТУДЕНТ. Разве я сказал что-нибудь лишнее?

ДЕВУШКА. Вы напрасно говорили администраторше, что разговаривали в колонии.

СТУДЕНТ. Почему? Она производит впечатление очень милой женщины. Она говорила сегодня о Ленинграде, словно о чудесном граде Китеже.

ДЕВУШКА. Напрасно вы о ней так думаете.

СТУДЕНТ. Разве? Вы знаете о ней что-нибудь плохое?

ДЕВУШКА. Я вообще знаю гораздо больше, чем вам кажется.

СТУДЕНТ. Что же? Скажите мне.

ДЕВУШКА. Я и так сказала вам больше, чем надо. *(Помолчав.)* Опасайтесь также откровенных разговоров с незнакомыми мужчинами.

СТУДЕНТ. Но почему?

ДЕВУШКА. Я не могу вам этого сказать.

СТУДЕНТ. Зачем тогда заводить этот разговор. Я вам не верю.

ДЕВУШКА. Если бы вы узнали, кто я, вы бы мне поверили.

СТУДЕНТ. Кто вы? *(Девушка молчит.)* Ну скажите мне, вы видите, как меня мучит ваше молчание. Скажите мне, в чем дело, или я сделаю бог знает что!

ДЕВУШКА. Хорошо, я скажу. Здесь действует резидент китайской разведки Цу Сяо, и вы по неосторожности можете попасть в неприятную историю.

СТУДЕНТ. Откуда ты знаешь о нем?

ДЕВУШКА. Я один из его агентов. *(В отчаянии.)* Не знаю, зачем я говорю тебе это, я погублю себя!

СТУДЕНТ. Не бойся. Я не скажу никому ни слова.

ДЕВУШКА. Правда?

СТУДЕНТ. Да. Ты можешь быть уверена во мне. Но как ты стала его агентом?

ДЕВУШКА. Он соблазнил меня, когда я была еще совсем юной девочкой, и вовлек меня потом в свою работу. Но не подумай о нем плохо. Он совсем не плохой старик, и ему приходится очень трудно.

СТУДЕНТ. Сколько же тебе было лет, когда это случилось?

ДЕВУШКА. Мне было семнадцать, а сейчас мне двадцать два.

СТУДЕНТ. Как ему удалось соблазнить тебя?

ДЕВУШКА. Просто меня очень разобрало любопытство.

СТУДЕНТ. И тебе было хорошо с ним?

ДЕВУШКА. Да. Жаль только, что он почти всегда молчит.

СТУДЕНТ. Ты находишь, что в это время нужно о чем-нибудь говорить?

ДЕВУШКА (*поморщившись от плоской шутки*). Нет, не в это. Но до и после. Вот в соседнем номере месяца два назад останавливался один молоденький математик из Москвы, очень симпатичный, и перед самым отъездом он затащил меня к себе в номер. Так он рассказывал, как его любит мама и обо всяких других семейных радостях.

СТУДЕНТ. До или после?

ДЕВУШКА. Немножко до, но главным образом

после. (*Помолчав.*) Но, мне кажется, не стоит рассказывать о таких интимных вещах.

СТУДЕНТ. Прости, я не буду расспрашивать тебя о том, чего ты не хочешь. Скажи, администраторша – тоже агент Цу Сяо?

ДЕВУШКА. Совсем наоборот. Мне кажется, она приставлена тут наблюдать за всеми.

СТУДЕНТ. Как интересно. А ты работаешь только на китайцев?

ДЕВУШКА. Нет. Только не говори никому: я работаю также на американскую разведку. Я была завербована сотрудником ЦРУ Папаяки. Он приезжал в Суздаль под видом археолога.

СТУДЕНТ. Странная фамилия – Папаяки. Она не похожа на английскую.

ДЕВУШКА. Он грек по национальности, но родился в Соединенных Штатах. Его родители эмигрировали из Смирны.

СТУДЕНТ. Как же он завербовал тебя?

ДЕВУШКА. Он подарил мне туфли на шпильках. Я получаю всего сорок рублей, а они стоили сорок пять. Я так мечтала тогда о них, знаешь, каждая девушка хочет нарядней одеться. (*Помолчав.*) Я кажусь тебе плохой девушкой?

СТУДЕНТ. Нет. (*Помолчав.*) А какой он, этот Папаяки?

ДЕВУШКА. Ничего, он такой веселый, заводной парень. У него очень толстые ноги. Брюки так обтягивают их, что он походит на индуса.

СТУДЕНТ. Откуда ты знаешь об индусах?

ДЕВУШКА. Что тебя удивляет? Еще в школе я увлекалась древней индийской литературой. Ты читал 'Мудраракшасу' Вишакхадатты, сына махараджи Бхаскарадатты, внука саманты Ватешварадатты?

СТУДЕНТ. Читал. Если не верите, смотрите – вот ведут на казнь государственного преступника старшину Чанданадасу с женой и сыном. Вы спрашиваете, господа, есть ли для него какая-нибудь возможность получить свободу? Есть, господа, если он выдаст семью советника Ракшасы. Что вы говорите? 'Из любви к тем, кто искал у него убежища, он не совершит подобную низость ради спасения собственной жизни'. Господа, в таком случае можете быть уверены в его блаженном уходе из мира. К чему теперь ваше беспокойство о его спасении?

ДЕВУШКА. Увы! Или нет различия между злодеями и невиновными? Дорогой друг, почему ты ни слова не скажешь в ответ? Но в такое время едва ли увидишь вблизи кого-либо из друзей.

СТУДЕНТ (*со слезами*). Вот он, наш дорогой друг. Отвернув изнуренное от горя лицо, с глазами, потускневшими от плача, он следует за мной, проливая потоки слез, хотя тело его влечется прочь отсюда.

ДЕВУШКА. Благородный Чанданадаса, ты пришел на место казни. Отошли своих домашних.

СТУДЕНТ. Жена, возвращайся теперь с сыном

обратно. Не приличествует вам провожать меня далее.

ДЕВУШКА (*со слезами*). Но ведь в другой мир, господин, не в другую страну ты уходишь.

СТУДЕНТ. Госпожа, я гибну ради друга, не за грех свой человеческий. Поэтому перестань горевать обо мне.

ДЕВУШКА. Господин, если даже так, не время верной жене уходить отсюда.

СТУДЕНТ. Что же ты решила делать, жена моя?

ДЕВУШКА. Благословить себя на то, чтобы последовать по стопам супруга.

СТУДЕНТ. Я не подозревал, что ты так начитана.

ДЕВУШКА. Правда? Ты еще плохо меня знаешь. Папаяки тоже удивлялся: он сначала считал меня пустой девушкой.

СТУДЕНТ. Он тоже был твоим любовником?

ДЕВУШКА. Едва ли подходит это слово. Он ночевал у меня всего один раз.

СТУДЕНТ. Как он домогался твоей любви?

ДЕВУШКА. Он упал на колени и стал целовать мне ноги.

СТУДЕНТ. Он был пьян? Может быть, он просто не мог держаться на ногах?

ДЕВУШКА. Что за глупости ты говоришь. Просто он очень страстный, как все греки.

СТУДЕНТ. И что же вы с ним делали в течение всей ночи?

ДЕВУШКА. Мы разговаривали о половых извращениях.

СТУДЕНТ. Это так интересно?

ДЕВУШКА. Чему ты улыбаешься? Оказалось, он очень много знает. Он знает, например, что такое эксгибиционизм.

СТУДЕНТ. Что же это такое?

ДЕВУШКА. Я не могу рассказать своими словами.

СТУДЕНТ. А какими извращениями страдает он сам?

ДЕВУШКА. Он ничего не говорил. Он очень скрытный, как все разведчики. Он рассказывал только, что у него была возлюбленная в Нью-Йорке, которая оказалась лесбиянкой. Она работала стюардессой в какой-то авиакомпании. С тех пор я стала мечтать... Нет, ты не поймешь этого.

СТУДЕНТ. Почему же?

ДЕВУШКА. Вы, мужчины, все на один лад. Вы не можете понять, что девушка может мечтать о чем-то другом.

СТУДЕНТ. Ты ошибаешься.

ДЕВУШКА. Хорошо, я скажу тебе, только, пожалуйста, не смейся надо мной. Я стала мечтать, что стану стюардессой и улечу из этой проклятой Суздала куда-нибудь. *(Помолчав.)* Я кажусь тебе глупой и мечтательной девушкой?

СТУДЕНТ. Ты кажешься мне самой прекрасной женщиной на свете.

ДЕВУШКА. Правда?

СТУДЕНТ. Да. Ты самая красивая и самая умная.
(Хочет обнять ее.)

ДЕВУШКА. Не надо. Я должна уходить. В столовой давно уже ждут меня.

СТУДЕНТ. Но ведь мы увидимся еще?

ДЕВУШКА. Хорошо.

СТУДЕНТ. Когда?

ДЕВУШКА. Я не знаю.

СТУДЕНТ. Сегодня вечером.

ДЕВУШКА. Хорошо. Если ты хочешь, я зайду сегодня вечером.

СТУДЕНТ. Я провожу тебя. Я все равно не могу сидеть здесь и пойду погуляю немного.

ДЕВУШКА. Не надо. Я выйду одна. До вечера.
(Уходит.)

Занавес

Действие II.

Та же комната. Часы показывают между пятью и шестью. Сидит политрук и слушает радио. Голос диктора: '...Мы передавали последние известия'. Политрук выключает радио. Входит студент.

СТУДЕНТ. Здравствуйте.

ПОЛИТРУК. Добрый вечер. Вы, видимо, наш новый сосед?

СТУДЕНТ. Да. Вы политрук Иванов?

ПОЛИТРУК. Он самый. Очень рад познакомиться. Я думаю, мы уживемся с вами.

СТУДЕНТ. Надеюсь.

ПОЛИТРУК. Как вам нравится у нас? Я, правда, сам приезжий, но уже считаю себя почти суздальцем.

СТУДЕНТ. Очень нравится. Подчас я испытываю такое волшебное впечатление, словно перенесся на несколько веков назад. Но вы, видимо, безразличны к старине, и вам непонятны эти восторги.

ПОЛИТРУК. Наоборот. Я втайне думаю, ради этих прекрасных и неповторимых старых церквей я и остался здесь надолго. Вы многое уже успели осмотреть?

СТУДЕНТ. К сожалению, очень поверхностно. Но я успел побывать уже во всех монастырях.

ПОЛИТРУК (*удивленно*). Во всех? Кажется, в одном женская колония.

СТУДЕНТ. Да. Но нас пустили туда.

ПОЛИТРУК. Как вам понравился монастырь?

СТУДЕНТ. Сказать по правде, я даже не рассмотрел его как следует. Не поймите меня неправильно, но все заслонили эти девушки.

ПОЛИТРУК. Я понимаю вас.

СТУДЕНТ. Они не зря сюда попали, конечно, но у них такие наивные детские лица. Во дворе они

рыли какую-то канаву. Меня ужасно неприятно поразил их надзиратель. Крупный высокий мужчина в какой-то полувоенной форме. Но самое ужасное: его лицо. Это выражение тупой силы и упоения собственной властью я не могу вам передать. При виде таких людей меня охватывает жалкое чувство собственной беспомощности. Это жалкое чувство, да?

ПОЛИТРУК. Не знаю.

СТУДЕНТ. Но соборы заставляют забывать обо всем этом. Вернее, они создают мир, как бы существующий совершенно в ином времени и пространстве, чем наш, и поэтому нельзя находиться одновременно в этих двух мирах. Или вы так не думаете?

ПОЛИТРУК. Я понимаю вас. Подчас, когда я гляжу на какие-либо из этих храмов или на старые стершиеся фрески, я испытываю странное и мучительное чувство. Как вам его описать? Я испытываю ощущение, что у меня нет какого-то органа, необходимого для восприятия всего этого. Я, как Моисей, вижу землю обетованную, но не могу проникнуть туда. Вам интересно то, что я говорю?

СТУДЕНТ. Да.

ПОЛИТРУК. Но, может быть, чувство это можно назвать сознанием невозможности обладания. Ни к чему другому это определение не применимо так, как к старой архитектуре. Если картину – или репродукцию картины – мы можем купить – или предположить, что мы ее купим, – и таким образом

создать для себя – пусть только кажущуюся – возможность всегда – когда-то в будущем – проникнуть в эту картину, потому что эта картина находится в нашей собственности, зажить одной жизнью с нею и стать как бы этой картиной, не становясь в то же время материалом, из которого она сделана, и сознание этой возможности дает нам, таким образом, представление о обладании когда-то в будущем, представление, которое не становится менее ценным от того, что, по мере того как идет время, осуществление этой возможности отодвигается все дальше и дальше, то даже внешне мы не можем стать собственниками этих храмов и претворить их красоту в более осязаемые для нас ценности. Или вы не думаете так?

СТУДЕНТ. Я думаю очень близко.

ПОЛИТРУК. Таким образом, они ведут свою жизнь, и содержание их жизни есть, по-видимому, созерцание самих себя, и из-за этого мы лишены каких-либо точек соприкосновения с ними. О, Суздаль. Подчас я чувствую здесь то же самое, что я чувствовал в Падуе, глядя на фрески Джотто.

СТУДЕНТ. Вы были в Италии?

ПОЛИТРУК. Да, проездом из Египта. Я был там как турист и видел знаменитые пирамиды.

СТУДЕНТ. Как они вам понравились?

ПОЛИТРУК. Это грандиозные сооружения. Их построили люди, имевшие иероглифическую систему письменности и темный цвет кожи.

СТУДЕНТ. Вы знаете, в продолжение всей нашей беседы меня не покидало чувство какой-то двусмысленности и недоговоренности. Сейчас я понял, отчего оно проистекало. Вы не рассердитесь на мою откровенность, если я скажу вам, в чем дело.

ПОЛИТРУК. Нисколько. Пожалуйста, говорите.

СТУДЕНТ. Так вот. Вы не политрук Иванов, вы – Цу Сяо, резидент китайской разведки в Суздали.

ПОЛИТРУК. Почему вы так думаете?

СТУДЕНТ. Я пришел к этой мысли дедуктивным методом.

ПОЛИТРУК. Простите?

СТУДЕНТ. Я был однажды на совещании политработников. Они говорили обо всем не так, как вы.

ЦУ СЯО (*припертый к стене логическим умозаключением студента*). Да, вы правы: я Цу Сяо. Что вы собираетесь делать?

СТУДЕНТ. Ровным счетом ничего. Личное право каждого быть тем, кем он хочет.

ЦУ СЯО. В таком случае не следовало громко говорить, кто я. Здесь и стены имеют уши.

СТУДЕНТ. Простите, я этого не знал.

ЦУ СЯО. Хорошо, не будем больше говорить об этом. (*Меняет тему.*) Вы, кажется, приехали не один?

СТУДЕНТ. Да, я приехал со своей возлюбленной, но она куда-то пропала.

ЦУ СЯО. Я слышал, она немного старше вас.

СТУДЕНТ. Да, по крайней мере раза в два.

ЦУ СЯО. Должно быть, очень интересно иметь дело с женщиной, которая настолько старше. Я, к сожалению, уже упустил эту возможность. (*Помолчав.*) Вы любите ее?

СТУДЕНТ. Да.

ЦУ СЯО. А как вы познакомились с ней?

СТУДЕНТ. Я встретил ее впервые у своей бабушки, и меня поразили ее ноги. Вопреки очевидности казалось, что они не сходятся у нее под юбкой, а расходятся куда-то, неизвестно куда. Это первое впечатление было самым значительным для меня. Никогда потом ее ноги не казались мне уже такими интересными, как в тот вечер.

ЦУ СЯО. И вы тогда же сошлись с ней?

СТУДЕНТ. Немного позже. Пожалуй, инициатива исходила даже от нее самой. К сожалению, я вообще очень робок с женщинами.

ЦУ СЯО. Иногда с годами это проходит.

СТУДЕНТ. Надеюсь.

ЦУ СЯО. Не подумайте только, что я говорю так с вами, как старший с младшим.

СТУДЕНТ. О, я нисколько не думаю. Мы сошлись с ней недели через две.

ЦУ СЯО. И тогда вы смогли рассмотреть ее ноги?

СТУДЕНТ. Да. Ее ноги – ноги стареющей женщины – вообще производили очень трогательное впечатление на меня, особенно почему-то синие тонкие прожилки. Помню, я зажигал ночью свет и долго смотрел на ее ноги, а когда этого мне становилось недостаточно и какое-то невнятное чувство переполняло меня, я, чтобы получить разрядку, проводил ладонью по ее ноге, начиная от кончиков пальцев до самого верха.

ЦУ СЯО. И что вы при этом испытывали?

СТУДЕНТ. Мне трудно объяснить это.

ЦУ СЯО. А ей не казалось скучным такое времяпрепровождение?

СТУДЕНТ. Она просто спала. Она ужасная соня. *(Помолчав.)* Но, конечно, я трогал не только ее ноги.

ЦУ СЯО. И как это происходило?

СТУДЕНТ. Я трогал ее за ухо.

ЦУ СЯО. И что вы при этом испытывали?

СТУДЕНТ. Почти ничего. Потом по щеке я спускался к подбородку.

ЦУ СЯО. И что вы чувствовали при этом?

СТУДЕНТ. Моя рука чувствовала ее старческую кожу. Потом я спускался к ее шее и слегка сжимал ее. Она говорила: перестань, мне больно.

ЦУ СЯО. Она так говорила?

СТУДЕНТ. Да. Потом я спускался ниже, и моя рука, не задерживаясь на ключице, попадала ей на грудь.

ЦУ СЯО. И что вы испытывали при этом?

СТУДЕНТ. Я испытывал странное чувство. Но я шел дальше, и моя рука двигалась по ее животу, задерживаясь у пупка.

ЦУ СЯО. И что вы чувствовали при этом?

СТУДЕНТ. Я не сумею объяснить вам этого. Потом я шел дальше.

ЦУ СЯО. И что вы чувствовали при этом?

СТУДЕНТ. Я чувствовал очень странное и ни с чем не сравнимое чувство. Как описать вам его?

Стук в дверь.

ЦУ СЯО и СТУДЕНТ (оба). Кто там?!

Входит высокий человек в полувоенной форме, с мешком в руках. Это надзиратель.

НАДЗИРАТЕЛЬ. Извините за компанию. Шел мимо, дай, думаю, зайду. Или, может, не ко времени?

ЦУ СЯО. Нет, нет. Что вы.

НАДЗИРАТЕЛЬ (садится). Вас, папаша, я знаю, вы у нас давно живете. (Студенту.) А вы вроде человек приезжий?

СТУДЕНТ. Да, я приехал только сегодня.

НАДЗИРАТЕЛЬ. Вы что же, жизнью нашей интересуетесь или так просто приехали?

СТУДЕНТ. Осматривать монастыри. Я студент.

НАДЗИРАТЕЛЬ. А... Вы и у нас в колонии вроде были?

СТУДЕНТ. Да. Я только что рассказывал, какое сильное впечатление на меня произвели ваши девушки.

НАДЗИРАТЕЛЬ. Для вас, приезжих, это, конечно, вроде спектакля. А для нас это работа. Я уж по-другому на них смотрю.

СТУДЕНТ. А за что они попали сюда? По-моему, это все девочки лет двенадцати-пятнадцати.

НАДЗИРАТЕЛЬ. За проституцию, в основном. Здесь такие, которые лет с десяти с мужчинами путаются. А у нас их здесь перевоспитывают. Экскурсию им устраивали в Москву, так ни одна не захотела поехать.

СТУДЕНТ. Да? Почему же?

НАДЗИРАТЕЛЬ. А потому, что нечего с ними и няньчиться. Если бы от меня зависело, я бы всех проституток просто перестрелял, как в Китае. Верно, папаша?

ЦУ СЯО. Мне кажется, китайцы подошли к делу формально-бюрократически, подменив живую воспитательную работу голым администрированием.

НАДЗИРАТЕЛЬ. Может быть, может быть, я ничего не говорю.

СТУДЕНТ. Но вам, с вашими взглядами, не стоило бы в таком случае работать с этими девушками.

НАДЗИРАТЕЛЬ. Вам тут легко указывать, что можно, а что нельзя. Со стороны всегда просто критику наводить. Тут вот тоже приезжал один писатель, писал потом, что у нас в Суздали хлеба нет. Ну нет, ну и что ж тут такого! У нас хлеба нет, а у него за душой ничего нет и от рождения не было, кроме гнили интеллигентской. И у нас еще печатают его!

ЦУ СЯО. Но значит ответственные товарищи находят, что его можно печатать.

НАДЗИРАТЕЛЬ. Конечно, конечно, с этим я не спорю. Нам, на местах, не все факты известны. (*Доверительно.*) Но наверху, скажу я вам, тоже не всё понимают. Взять бардаки, например. Это у нас запрещено. Выходит, такое важное дело пустили на самотек. Верно я говорю, молодой человек?

СТУДЕНТ. Я не знаю.

НАДЗИРАТЕЛЬ. Для нас главное – это крепкая семья. Будь у нас бардаки, так никаких любовных связей, лжи всей этой не было бы, первым делом семья бы укрепилась. Так что мы и на местах понимаем кой-что.

СТУДЕНТ (*Цу Сяо*). Что-то долго нет моей приятельницы, попробую сходить поискать ее. (*Надзирателю.*) До свиданья.

НАДЗИРАТЕЛЬ. Пока.

НАДЗИРАТЕЛЬ (*осуждающе*). С завихрениями молодой человек, а туда же учит. Откуда только такие у нас берутся? Вы какого мнения на этот счет, папаша?

ЦУ СЯО. Ума не приложу.

НАДЗИРАТЕЛЬ. Стало быть, не знаете?

ЦУ СЯО. Нет.

НАДЗИРАТЕЛЬ (*неожиданно*). Руки на стол! (*Достает из мешка автомат.*) Всякое запирательство бесполезно. Мне известно, кто вы такой.

ЦУ СЯО (*руки на столе*). Я политрук Иванов.

НАДЗИРАТЕЛЬ. Вы – Цу Сяо, агент китайской разведки. Сегодня я получил верные доказательства этого.

ЦУ СЯО. Да, я Цу Сяо.

НАДЗИРАТЕЛЬ (*торжественно*). Товарищ Цу Сяо, чистосердечное признание во всем облегчит вашу вину. Отвечайте, когда вы начали здесь вашу шпионскую работу.

ЦУ СЯО. В 1957 году.

НАДЗИРАТЕЛЬ (*записывает*). Вы прибыли прямо из Китая?

ЦУ СЯО. Нет, из Египта. Я выполнял там ответственную работу по поручению наших руководителей.

НАДЗИРАТЕЛЬ. Мухаммед Саям, личный повар полковника Насера, — это вы?

ЦУ СЯО. Да, я. Но это была слишком беспокойная работа, и я попросил перевода в Суздаль.

НАДЗИРАТЕЛЬ. Так вы стали политруком Ивановым?

ЦУ СЯО. Да. Был еще вариант отправить меня в штат Миссисипи негритянским священником для организации сидячих демонстраций. Меня спасло только незнание английского языка.

НАДЗИРАТЕЛЬ. Вы ведете здесь работу шестой год. Кроме распространения клеветнических измышлений о политике мирного сосуществования, вы занимались вербовкой агентов. Отвечайте, кто они?

ЦУ СЯО (*с готовностью*). Двести двадцать пять миллионов советских людей.

НАДЗИРАТЕЛЬ (*записывает*). Так. (*Деловито.*) Называйте фамилии.

ЦУ СЯО (*припоминает*). Ааронов, Абарбарчук, Абрамович, Абель, Авзельман, Аронсон, Абакумов... По памяти всех не помню.

НАДЗИРАТЕЛЬ. Где хранятся списки?

ЦУ СЯО. Отосланы в Пекин.

НАДЗИРАТЕЛЬ. Это усугубляет вашу вину. Вам поможет только полное признание ошибочности ваших догматических взглядов и вашей раскольнической деятельности.

ЦУ СЯО. Никогда. Кто не разоблачает действия, представляющие собой измену марксизму-ленинизму и пролетарскому интернационализму, тот недостоин быть коммунистом.

НАДЗИРАТЕЛЬ. Не слишком ли много вы на себя берете, вмешиваясь в наши внутренние дела?!

ЦУ СЯО (*вежливо*). К сожалению, ваше утверждение бессвязно, бьет мимо цели, неубедительно и не может служить хоть в какой-то мере приличным оправданием моего допроса.

НАДЗИРАТЕЛЬ. Так вы не считаете, что главная опасность сейчас – догматизм?

ЦУ СЯО. Главную опасность представляют югославские ревизионисты – ударный отряд американского империализма.

НАДЗИРАТЕЛЬ (*с лицемерным сожалением*). До сих пор такие речи мы слышали только от самых оголтелых буржуазных мракобесов.

ЦУ СЯО. Долой ревизионизм!

НАДЗИРАТЕЛЬ (*наводя автомат*). Если не одумаетесь, буду стрелять!

ЦУ СЯО. Ветер с Востока одолевает ветер с Запада!

НАДЗИРАТЕЛЬ. Стреляю!

ЦУ СЯО. Стреляйте! Да здравствует мировая революция!

*Автоматная очередь. Цу Сяо падает.
Вбегают администраторша.*

АДМИНИСТРАТОРША. Батюшки-светы! За что же вы его так?

НАДЗИРАТЕЛЬ. За дело.

АДМИНИСТРАТОРША. Вы ж его до смерти убили! Я думала, вы между собой по-товарищески поговорите, да миром дело и кончите.

НАДЗИРАТЕЛЬ. Это закоренелый догматик. Необходимо было заткнуть ему рот: еще секунда – и он сказал бы, что в нашей стране существуют классы.

АДМИНИСТРАТОРША (*в ужасе*). Ах ты господи! А таким приличным человеком казался!

НАДЗИРАТЕЛЬ. На вид они все приличные. (*Деловым тоном.*) Необходимо произвести обыск. Вы будете понятым.

АДМИНИСТРАТОРША. Понятно. А чего это?

НАДЗИРАТЕЛЬ. Это необходимо для соблюдения законности. (*Заглядывает под подушку Цу Сяо, обрадованно.*) А вот и вещественные доказательства: номер газеты 'Женьминь жибао' от 14 июня и список агентов в Суздали. Вот повезло: завтра же всех поубиваю.

АДМИНИСТРАТОРША. Ну и дела творятся, ну и дела... Вот уж истинно сказано: один ты, господи, веси.

НАДЗИРАТЕЛЬ (*смотрит в список*). Много народу. Есть и служащие гостиницы.

АДМИНИСТРАТОРША (*в ужасе*). Ах ты господи! Кто же это?!

НАДЗИРАТЕЛЬ. Девушка из столовой.

АДМИНИСТРАТОРША. Ах она паскуда! То-то она к нему все бегала. А я, дура, думала – любовь промежду ними. (*Осуждающе.*) Такая гордячка: ходит, губы выставив, никогда первая не поздороваётся.

НАДЗИРАТЕЛЬ (*желая сделать приятное администраторше*). С нее завтра и начну. Мне еще внушил подозрение этот парень, что сейчас вышел. Он уже нарушил одно запрещение в колонии. О чем они до моего прихода говорили?

АДМИНИСТРАТОРША. Да нет, этот молодой человек совсем ни при чем. Они с ним все о церквях говорили и о полюбовницах своих. Это мальчик скромный.

НАДЗИРАТЕЛЬ. Чего вы защищаете всякую антисоветскую нечисть?! С этого все и начинается. Сегодня он устраивает оргии со своими любовницами, а завтра – резидент китайской разведки в Москве.

АДМИНИСТРАТОРША. Да нет, говорю вам. Он мальчик скромный.

НАДЗИРАТЕЛЬ. Вы, я вижу, сами с завихрениями. Но хорошо: пусть возвращается в Москву. А если спросит, где политрук, отвечайте: уехал до-

клад читать колхозникам о международном положении.

АДМИНИСТРАТОРША. Понятно. А куда мы его денем?

НАДЗИРАТЕЛЬ. Мы его сейчас спрячем в мешок, вы его тащите к выгребной яме, — и концы в воду. А я устрою здесь засаду, на случай, если кто придет.

АДМИНИСТРАТОРША. Понятно. А кто придет?

НАДЗИРАТЕЛЬ. Вдруг кто-нибудь из его агентов.

Прячут Цу Сяо в мешок.

АДМИНИСТРАТОРША. Тяжелый какой! Боюсь, не стащить мне его.

НАДЗИРАТЕЛЬ. Стащите. А если кто спросит, что тащите, отвечайте: пищевые отходы для свиней.

АДМИНИСТРАТОРША. Понятно, что для свиней. *(Кряхтя, тащит мешок из комнаты.)*

НАДЗИРАТЕЛЬ *(один)*. Здорово я его, и глазом моргнуть не успел. *(Задумчиво.)* Но если всех китайцев, к примеру, из автомата расстреливать, то никакой жизни не хватит, так их, гадов, много. Наверху тоже об этом подумать следует.

Шаги по коридору. Надзиратель с автоматом прячется за тумбочку. Входит возлюбленная студента.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Пусто. Куда же он мог деваться?

НАДЗИРАТЕЛЬ (у нее за спиной, игриво). Гав-гав!!

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Ах!!

НАДЗИРАТЕЛЬ (хохочет). Здорово я вас напугал!

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Так и до смерти напугать можно. А кто вы такой?! Что вы здесь делаете?

НАДЗИРАТЕЛЬ. А вы меня не узнаете? Помните, мы сегодня с вами в монастыре разговаривали. Вы еще были с каким-то молодым человеком.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Вот как? Мне трудно всех запомнить, кто со мной заговаривает. А что вам здесь надо?

НАДЗИРАТЕЛЬ. Я друг товарища Иванова.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. А... Я как раз его ищу.

НАДЗИРАТЕЛЬ. Зачем он вам нужен?

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Какое ваше дело! (Помолчав.) Мы решили с ним пожениться, а он ушел куда-то и пропал.

НАДЗИРАТЕЛЬ. Он обещал на вас жениться?

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Да. А что тут такого?

НАДЗИРАТЕЛЬ. Из этого ничего не выйдет.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Это почему же?

НАДЗИРАТЕЛЬ. Товарища Иванова вообще не существует.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Как так не существует?! Всего полчаса назад он меня обнимал. Что же, по-вашему, я с призраком обнималась?

НАДЗИРАТЕЛЬ. Нет, я этого не говорю, это было бы идеализмом. (*Торжественно.*) Вам известно, что политрук Иванов в действительности презренный китайский шпион и диверсант Цу Сяо?

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ (*пораженная*). Нет. Я ничего не знала.

НАДЗИРАТЕЛЬ (*в наступательном темпе*). Зачем, вы думаете, он хотел на вас жениться?

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ (*неуверенно*). Он влюбился в меня. Мы хотели снять здесь комнату.

НАДЗИРАТЕЛЬ (*торжественно*). Вы были ему нужны только в целях конспирации. Он нуждался в конспиративной квартире.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Но он говорил мне все совсем не так.

НАДЗИРАТЕЛЬ (*иронически*). Он говорил совсем не так! Неужели вы думаете, что у резидента китайской разведки в таком городе, как Суздаль, только и дела, что объясняться вам в любви?! Если бы вы не были нужны ему в его шпионских целях, он дал бы вам пинок в зад вместе со всеми вашими романтическими чувствами. Да, да, пинок в зад, и может быть, даже в прямом, а не только в переносном смысле.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ (*пораженная*). Неужели это правда?

НАДЗИРАТЕЛЬ. А вы что думали! Это он только кажется вам таким хорошим, а если бы вы узнали о нем, что знаю я, вы бы содрогнулись от омерзения.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Но я бы благотворно влияла на него.

НАДЗИРАТЕЛЬ. Бросьте это. Куда вам влиять на него! Это же матерый шпион. В лучшем случае вы могли бы повлиять на кого-либо из его незначительных агентов. Я боюсь, что он сам сумел уже оказать на вас дурное влияние. Он не предлагал вам выполнять агентурную работу?

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Нет, нет...

НАДЗИРАТЕЛЬ. А не сообщали ли вы ему каких-либо сведений экономического или политического характера?

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Нет, нет... Я рассказывала ему только, как одна моя приятельница изменяла своему мужу. Просто в виде веселого анекдота.

НАДЗИРАТЕЛЬ *(с негодованием)*. Хорош анекдот! Ведь теперь китайцы смогут сделать вывод о моральном разложении советских людей!

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ *(с ужасом)*. Я совсем не подумала об этом!

НАДЗИРАТЕЛЬ. Вот видите. А туда же спорите со мной.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ *(робко и кокетливо)*. Я не спорю...

НАДЗИРАТЕЛЬ *(смягчаясь)*. Так что бросьте все это. Вам лучше надо подумать о своей собственной судьбе.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ *(нежно)*. Да?

НАДЗИРАТЕЛЬ. Вам надо связать свою судьбу с человеком более достойным.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ (*пудрит нос*). Но с кем же?

НАДЗИРАТЕЛЬ. Скажу честно: то чувство, которое я почувствовал к вам сегодня в монастыре, все крепнет и крепнет.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ (*кротко*). Правда?

НАДЗИРАТЕЛЬ. Да. Я только не умею объясняться, но мои чувства говорят сами за себя. (*Пытается обнять ее.*)

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ (*отстраняясь*). Но я не могу выйти за вас замуж: все-таки я уже дала слово Цу Сяо.

НАДЗИРАТЕЛЬ (*с досадой*). Цу Сяо больше нет: его покарал революционный суд.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. В таком случае это меняет дело. (*Грустно.*) Бедненький, он был так влюблен в меня. А ты меня любишь? (*Надзиратель мычит от страсти. Возлюбленная убеждена.*) Ну хорошо, я согласна.

НАДЗИРАТЕЛЬ. Ура! (*Пытается завалить ее.*)

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Нет, нет! Мы должны проверить наше чувство четыре года.

НАДЗИРАТЕЛЬ. Это слишком долго. Я умру от любви.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Тогда достаточно одного дня. Только уйдем отсюда: здесь все связано с тяжелыми воспоминаниями.

НАДЗИРАТЕЛЬ. Пошли.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Подожди. Я напишу записку моему прежнему возлюбленному. Бедный мальчик, он никогда не простит мне этого. *(Пишет записку.)* Вот что я написала: 'Прощай навсегда. Наши пути расходятся. Когда-то твоя, а теперь ничья...'

НАДЗИРАТЕЛЬ *(ревниво)*. Зачем ты пишешь, что ты ничья?

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ. Боже мой, как вы все мужчины все-таки грубы и тупы в том, что касается настоящих чувств.

Уходят.

Занавес

Действие III.

Та же комната. Часы показывают между девятью и десятью. Студент читает записку.

СТУДЕНТ. Прощай навсегда, наши пути расходятся. Когда-то твоя... Что за глупые выражения! *(Стук в дверь.)* Войдите.

Входит девушка.

ДЕВУШКА. Ты один?

СТУДЕНТ. Да. Я очень рад, что ты пришла.

ДЕВУШКА. Я принесла тебе ужин.

СТУДЕНТ. Спасибо.

ДЕВУШКА. Сосиски с макаронами. Ты их любишь?

СТУДЕНТ. Нет, особенно макароны.

ДЕВУШКА. Ты из-за этого такой грустный?

СТУДЕНТ. Нет. От меня ушла возлюбленная. Она была прекрасна, как восходящее солнце.

ДЕВУШКА. Это та толстая тетка, что приехала с тобой утром?

СТУДЕНТ. Да.

ДЕВУШКА. Нашел о ком жалеть.

СТУДЕНТ. Почему же?

ДЕВУШКА. Что в ней хорошего? У нее тяжелые несимметричные черты лица, черные мутные глаза без всякого выражения и растрепанные волосы.

СТУДЕНТ. Вот как? А мне она говорила, что имеет большой успех у мужчин.

ДЕВУШКА. Не знаю. Может быть, она очень умна, поэтому. Администраторша говорила мне, что она необычайно умна. Но уж никак не красива. Я просто поражаюсь твоему вкусу. Тебе всегда нравились такие уродливые женщины?

СТУДЕНТ. До нее я имел дело всего только с одной женщиной.

ДЕВУШКА. Какая она?

СТУДЕНТ. Очень противная.

ДЕВУШКА. Зачем же ты сошелся с ней?

СТУДЕНТ. Она была моей учительницей. Я учился в десятом классе, а она преподавала у нас немецкий язык. Она была очень упитанная, и тискать ее было одно наслаждение. Она очень гордилась этим и постоянно говорила, что мужчины делятся на две категории: на тех, которые любят толстых женщин, и тех, которые говорят, что их не любят.

ДЕВУШКА. К какой же категории она относила тебя?

СТУДЕНТ. По-видимому, ко второй. У нее были черные усики, бегающие черные глазки и прыщи на подбородке и на лбу. Ее любимым писателем был Генрих Бёлль. Впрочем, я ночевал у нее только один раз.

ДЕВУШКА. Очень романтическая история.

СТУДЕНТ. Да. О самом романтическом ты еще не знаешь: это был поцелуй на бульваре.

ДЕВУШКА. Кто же кого целовал?

СТУДЕНТ. Она меня. *(Помолчав.)* В игривом состоянии духа я укусил ее за грудь, и она нашла, что не следует извинять такие вольности своим ученикам. Так кончился наш роман.

ДЕВУШКА. Ты рассказываешь очень трогательно. По-видимому, ты сильно страдал?

СТУДЕНТ. Нет. Ведь она не вызывала у меня ничего, кроме отвращения, у меня от отвращения выпячивалась верхняя губа, и эта губа была для нее вечным немым упреком. Иногда она замечала

это и говорила: 'Твоя верхняя губа необычайно выразительна'.

ДЕВУШКА. Значит у тебя остались неприятные воспоминания о школьных годах?

СТУДЕНТ. Не совсем. Это было, когда я учился в десятом классе, а когда я учился в восьмом, я влюбился в нашу буфетчицу.

ДЕВУШКА. Она тоже была толстая?

СТУДЕНТ. Она была средняя, с румянцем во всю щеку, и продавала какие-то худосочные завтраки в нашем школьном буфете. Помнится, в них была вареная свекла. Ты любишь свеклу?

ДЕВУШКА. Нет. А ты?

СТУДЕНТ. Не переносу. Так вот, однажды, когда раздался звонок и все побежали в классы, я остался в буфете с нею наедине и решил: была не была.

ДЕВУШКА. Ешь, а то остынет.

СТУДЕНТ. Я ем.

ДЕВУШКА. Что же было дальше?

СТУДЕНТ. Ничего особенного. Я сказал, что люблю ее и жить без нее не могу, и обнял ее. А она сказала: уходи скорей – сейчас придет завуч. Завуч, как я узнал потом, был ее любовником. Я так смутился, что тут же ушел и больше с ней никогда не заговаривал. Но это чувство оставило во мне большой след: мне ужасно нравятся девушки, работающие в столовых и еще, пожалуй, в продовольственных магазинах, и вместе с тем я всегда

очень робею с ними. Быть любовником одной из них кажется мне настолько прекрасным, что даже сама возможность этого представляется в моих глазах совершенно недостижимой для такого заурядного человека, как я.

ДЕВУШКА. Не расстраивайся. Ты довольно хорошенький мальчик, только тебе не нужно так коротко стричься.

СТУДЕНТ. Ты думаешь?

ДЕВУШКА. Да. *(Помолчав.)* Эта буфетчица была твоей первой любовью?

СТУДЕНТ. Пожалуй, да. Если не считать детских увлечений.

ДЕВУШКА. А что у тебя было в детстве?

СТУДЕНТ. Ничего интересного. Когда мне было девять лет, я жил зимой на даче у одной старухи, латышки. Так вот, однажды ее двенадцатилетняя внучка залезла ночью ко мне в постель. Я был очень испуган и не мог понять, чего она хочет. Хорошо, меня спасла ее бабушка, которая проснулась и надавала ей шлепков. Да она мне и не нравилась нисколько. Она была острижена и походила на мальчишку. Скорее, я был влюблен в ее сестру. Ей было девятнадцать лет, у нее была большая грудь, ее присутствие всегда волновало меня.

ДЕВУШКА. Ты же говоришь, ты ничего не понимал.

СТУДЕНТ. Да, но я всегда чувствовал влечение к женщинам. Я вспоминаю сейчас, что мысли о жен-

щинах занимали меня уже в пять лет. Моему детскому воображению представлялось почему-то много голых женщин, а так как женская анатомия была мне совершенно неизвестна, то возможность удовлетворения, как я сказал бы теперь, связывалась у меня почему-то с женской пяткой, с возможностью трогать женские пятки. Сам не знаю, почему. И много лет спустя, когда эти детские переживания были совершенно вытеснены у меня из головы, слово 'пятка' казалось мне почему-то очень неприличным, я не смог бы произнести его вслух и очень удивлялся и смущался, услышав его в разговоре или встретив в книге. И хотя в юности я совсем забыл о своих инфантильных вожделениях, меня всегда волновала мысль, что я когда-нибудь коснусь женской пятки.

ДЕВУШКА. И ты сделал это впоследствии?

СТУДЕНТ. Почему-то нет. С учительницей я просто забыл об этом, а потом пятка почему-то уже не привлекала меня.

ДЕВУШКА. А что же ты чувствовал, когда впервые имел дело с учительницей?

СТУДЕНТ. Трудно сказать. Это очень напомнило мне мои сны, которые снились лет в четырнадцать, примерно. А что чувствовала ты первый раз?

ДЕВУШКА. Мне было больно. И противно. Не спрашивай меня, пожалуйста, об этом. Я не могу об этом говорить так, как ты. (Помолчав.) Еще до этого, в детстве, со мной был случай, когда я впервые столкнулась с чем-то таким, ну, ты понимаешь.

СТУДЕНТ. Что же за случай?

ДЕВУШКА. Только ты не рассказывай никому. Мне было лет двенадцать. Я собирала цветы на кладбище, и вдруг слышу, как кто-то говорит: 'Дорогая... дорогая...' И я вижу: ко мне из кустов идет мужчина, протягивая руки вперед. Он был молодой уже и совсем голый, но шел очень медленно и все время с мольбой повторял: 'Дорогая... дорогая...' Я так испугалась, что не могла пошевелиться сначала, а он все шел ко мне. Но так как он шел медленно, я так же медленно собрала свои рассыпанные цветы, поднялась и только потом побежала. Я так бежала, так бежала, мне почему-то казалось, что он гонится за мной и сейчас настигнет, хотя он и не думал бежать. А потом на дороге я наткнулась на каких-то людей, и заплакала от волнения, и сказала только, что испугалась на кладбище, и шла все время вместе с ними, потому что боялась остаться одна. *(Помолчав.)* А потом мне иногда снилось... – только ты не думай никаких гадостей – потом мне снился иногда этот мужчина, и будто он, голый, обнимает и целует меня. Это гадко, да?

СТУДЕНТ. Я не знаю.

ДЕВУШКА. А что за сны, ты говорил, тебе снились в четырнадцать лет?

СТУДЕНТ. Ну, я думаю, самые обычные сны, какие снятся мальчикам в этом возрасте. Потом, лет в восемнадцать, я очень увлекался снами и довел себя до того, что прямо во сне мог анализировать свой сон и часто разгадывал, что он значит и по-

чему он мне снится. Не всегда это, впрочем, удавалось. Так, мне приснилось однажды, что я встретил какую-то женщину в длинном узком коридоре, обнял ее и взял ее за грудь. Я понимаю при этом, что все это во сне – поэтому я и обращаюсь с ней так решительно – но раз это во сне, думаю я, то значит в действительности моя рука тискает не женскую грудь, а что-то другое. Из любознательности я пренебрегаю удовольствием от женской груди и делаю усилие, чтобы проснуться и увидеть, что это такое наяву. Я просыпаюсь и вижу, что обнимал велосипедную раму.

ДЕВУШКА. Велосипедную раму?

СТУДЕНТ. Да. Но нечего говорить, что это просто продолжается сон. Так просыпаться во сне можно несколько раз: в действительности это просто один сон сменяется другим.

ДЕВУШКА. Мне тоже снятся сны. Может быть, я расскажу тебе... потом. (*Помолчав.*) Но скажи, была у тебя когда-нибудь настоящая большая любовь?

СТУДЕНТ (*подумав*). Пожалуй, однажды. В кино я увидел одну девушку, и она поразила меня. Она была едва мне по плечо, у нее был большой зад и короткие толстые ноги, а спереди маленький вздернутый нос и тусклые голубые глаза. Какие у нее волосы, я не рассмотрел. После сеанса я вышел следом и долго шел за ней, не решаясь заговорить. От страсти у меня пересохло во рту.

ДЕВУШКА (*восхищенно*). На какое чувство ты все-таки способен! Но ты заговорил с ней наконец?

СТУДЕНТ. Да. Оказалось, что ей девятнадцать лет и она работает чертежницей. Но она отказала мне в свидании. Она сказала, что у нее уже есть молодой человек. Я был удивлен таким доводом, но оставил ее в покое.

ДЕВУШКА (*разочарованно*). Значит это было только увлечение. Если бы это была настоящая любовь, ты бы так ее не оставил.

СТУДЕНТ. Может быть. Мне вообще часто приходится встречать на улице женщин, которые мне нравятся.

ДЕВУШКА. И с каждой ты стараешься познакомиться?

СТУДЕНТ. Что ты. В большинстве случаев я даже не решаюсь к ним подойти, и именно поэтому мне каждый раз начинает казаться, что эта женщина именно та, с которой я был бы счастлив. Но поскольку я так думаю каждый раз при виде понравившейся незнакомки, само это служит гарантией того, что подобные встречи будут еще не раз, и в каждом отдельном случае это легко заставляет примириться с потерей.

ДЕВУШКА (*собирает посуду*). Ну, я пойду.

СТУДЕНТ. Куда же ты? Ведь мы договорились встретиться сегодня вечером.

ДЕВУШКА (*неуверенно*). Мне нужно отнести посуду в столовую.

СТУДЕНТ. Я никуда не пущу тебя.

ДЕВУШКА. Да? Почему?

СТУДЕНТ. Потому что я тебя люблю. (*Обнимает ее.*)

ДЕВУШКА. Ты, должно быть, говоришь так всем девушкам.

СТУДЕНТ. Нет, только тебе одной. Я нравлюсь тебе?

ДЕВУШКА. Не знаю.

СТУДЕНТ. У тебя красивые тонкие руки и длинные пушистые ресницы. Волосы твои, как стадо коз, сбегаящих с гор Галаадских, а живот твой — круглая чаша, в которой не истощается ароматное вино.

ДЕВУШКА. Как странно ты говоришь. Скажи еще что-нибудь.

СТУДЕНТ. Кобылице моей в колеснице фараоновой я уподобил тебя, возлюбленная моя... Больше я не помню.

ДЕВУШКА. Ты это не сам придумал?

СТУДЕНТ. Нет.

ДЕВУШКА. А я думала, ты.

СТУДЕНТ. Кой-что я сам. Самое главное. Ты мне веришь?

ДЕВУШКА. Не знаю. (*Помолчав.*) Знаешь, мне ужасно хочется уехать отсюда. Куда-нибудь, только уехать. Я просто не могу здесь быть, я даже плачу иногда по ночам.

СТУДЕНТ. Моя любимая, бедная девочка. Мы уедем отсюда.

ДЕВУШКА. Правда?

СТУДЕНТ. Да, мы уедем вместе.

ДЕВУШКА. Как хорошо! Куда ты думаешь?

СТУДЕНТ. В Ленинград или в Москву, если ты хочешь.

ДЕВУШКА. Как интересно. Я никогда не была там.

СТУДЕНТ. Еще можно поехать в Таллин. Там, в старом городе, такие узкие улицы, что, стоя на одной стороне, ты можешь дотронуться до противоположного дома.

ДЕВУШКА (*мечтательно*). Мы поедем туда.

СТУДЕНТ. А там мы сядем на огромный белый пароход и поедем в Лондон. Там, на здании парламента, есть знаменитые часы. Они называются Биг Бен.

ДЕВУШКА (*мечтательно*). Биг Бен... Когда я произношу это слово, оно оставляет вкус на губах, словно меня поцеловал мой любимый.

СТУДЕНТ. А потом мы будем путешествовать по Англии в кабинах грузовых автомобилей. Английские шоферы – очень общительный народ, они угощают пассажиров печеньем и рассказывают о своих детях, о женах и любовницах и о том, как в дальних разъездах они изменяют своим женам.

ДЕВУШКА. И мы объездим всю Англию?

СТУДЕНТ. Да. А потом мы сядем на самолет и полетим на запад, и через несколько часов мы увидим внизу огромную и удивительную страну с синими озерами на севере и широкими реками, текущими на юг. И мы спросим: что это за страна? – и стюардесса ответит нам: это Америка. Помнишь, ты мечтала быть стюардессой?

ДЕВУШКА (*мечтательно*). Да... А что потом?

СТУДЕНТ. А потом мы будем много путешествовать от Нью-Йорка до Лос-Анжелеса и от Орегона до Майями, и никто никогда не даст нам почувствовать, что мы чужие в этой стране.

ДЕВУШКА. Как бы это было здорово. Знаешь что – только ты не сердись – давай возьмем с собой Цу Сяо.

СТУДЕНТ. Цу Сяо?

ДЕВУШКА. Да. Ты не думай ничего плохого – он мне был почти как отец. Ведь он гораздо старше меня. Когда я боялась иногда и плакала, он гладил мои волосы и говорил: 'Не плачь, маленькая русская девочка, мне больно от твоих слез'. Он такой простой, наивный и мечтает жениться на толстой русской женщине. Ему хочется, чтобы она была немолодая и хозяйственная. Но он очень интересный и хороший. Иногда он рассказывал мне разные истории. Ты знаешь китайские истории о лисах?

СТУДЕНТ. Нет.

ДЕВУШКА. О, это очень интересно. Это рассказы о лисицах оборотнях, они принимают человеческий облик и иногда подолгу живут среди людей, женятся, выходят замуж и рожают потомство, а лисы в образе ученых обнаруживают отменную эрудицию. Их лисья порода обнаруживается только во время сна или в присутствии собаки. Хочешь, я расскажу тебе что-нибудь о них?

СТУДЕНТ. Расскажи.

ДЕВУШКА. Только я не помню все точно. Ну ничего, слушай. В годы Чжэнь-юань у уездного чиновника Бэйя родом из Цзян-лина тяжело заболел сын десяти с лишним лет. Был он умным и образованным, изящного вида. Бэй стал искать монаха-даоса, который бы заклинаниями вылечил сына. И вот однажды кто-то постучал в ворота, назвал себя ученым Гао и объяснил, что его ремесло – заклинания. Бэй тотчас пригласил его, и тот начал лечить мальчика. Тому стало лучше, но полностью он не поправился и Гао приходил каждый день. А как-то пришел еще один ученый, Ван, объявил, что обладает тайной силой и может изгонять бесовские недуги, и пожелал увидеть ребенка. Бэй показал ему сына, и Ван в испуге заявил: ‘Этот мальчик болен от лисы. Скоро не вылечишь’. Тут Бэй рассказал ему о ученом Гао. Ван засмеялся: ‘Как знать, не лиса ли этот Гао’. Тут как раз вошел Гао и стал браниться: ‘Кто позвал эту лисицу в дом!’ ‘Так и есть! Эта вредная лиса как раз сегодня пришла!’ – кричал в ярости Ван. Бэй страшно поразился. В это время пришел какой-то монах и попросил принять его. Едва оба ученых завидели монаха, как стали

страшно поносить его, говоря, как смеет эта лисица выдавать себя за монаха и обманывать людей! Тот в свою очередь стал ругать их, тотчас закрыл дверь и начал драться с ними. Бэй совершенно перепугался. Только к вечеру, когда все затихло, он открыл дверь и увидел, что лежат три мертвых лисицы. Сын его в следующем месяце выздоровел.

СТУДЕНТ. Как называется эта история?

ДЕВУШКА. 'Лисы ссорятся'. Она понравилась тебе?

СТУДЕНТ. Да. А еще ты знаешь что-нибудь?

ДЕВУШКА. Я знаю еще одну историю, только она очень грустная.

СТУДЕНТ. Расскажи, пожалуйста.

ДЕВУШКА. Она называется 'Прекрасная Жень'. *(Рассказывая, она не сидит на месте, а показывает, как все происходило.)* Это произошло в девятый год Небесной драгоценности. Было два друга: Инь, девятый в своем роде, и Чжэн, шестой, оба всегда выпивали и развратничали вместе, хотя Инь был очень богат, а Чжэн очень беден. Однажды они поехали в веселый квартал, но Чжэн сказал по дороге: 'У меня есть дело поблизости, я приду позже'. Но когда Чжэн отъехал от этого места – а он был верхом на осле, – то увидел девушку, необычайно красивую, которая шла вместе с двумя женщинами, своими служанками. Он долго ехал за ней, не решаясь заговорить. Но девушка смотрела на него и поощряла его, и наконец он решился и сказал: 'Такое изящество и идет пешком... Почему так?'

Она ответила ему, и он предложил ей своего осла, и так они ехали и разговаривали, и касались друг друга, пока не стали совсем бесстыдны. Они приехали к этой девушке, которая жила во дворце, и провели удивительную ночь. Чжэн вышел из дворца под утро, а когда он пришел туда позже, то увидел только старые развалины и встреченный торговец рассказал ему, что здесь живет молодая лисица, которая часто водит к себе любовников, и он понял, что был у лисы.

СТУДЕНТ. Это все?

ДЕВУШКА. Нет. Слушай, что было дальше. Инь упрекал Чжэна, что тот не пришел, но Чжэн ничего не рассказал ему. И вот однажды он вновь увидел эту девушку на базаре. Она закрыла лицо руками и хотела скрыться, но Чжэн догнал ее и спросил, почему она убегает. 'Но ты же знаешь, кто я, – ответила она, – это должно быть ужасно стыдно'. Но Чжэн поклялся ей, что это не стыдно, и умолял ее, чтобы она стала его женой. Она очень обрадовалась и согласилась. Тогда Чжэн пошел к Иню и сказал ему, что женится на необычайной красавице, и попросил у него подушки и покрывала, так как у него самого ничего не было. 'Что еще за красавица, вероятно, страшная уродина', – сказал Инь, но дал все, что просил Чжэн, потому что они были друзьями. А потом он послал своего слугу, чтобы тот рассмотрел жену Чжэна. Слуга вернулся и рассказал, что это самая красивая женщина, гораздо красивее всех, кого знает Инь. Когда Инь услышал об этом, он пошел к ней в отсутствие Чжэна и хотел соблазнить ее. И так как она отказывала ему, он

пытался овладеть ею силой, и она говорила тогда: ‘Хорошо, я согласна’, – чтобы он отпустил ее, и так продолжалось до шести раз. А когда она увидела, что силы вот-вот покинут ее, она сказала: ‘Я согласна, но мне жаль Чжэна’. ‘Почему же?’ – спросил Инь. ‘Он силен и высокого роста, но не может защитить свою жену, потому что он живет в твоём доме, на нём твоя одежда и у него твоё оружие’. Тогда Инь сказал: ‘Я не смею’, – и ушел, ибо он был рыцарем и справедливым человеком. Потом Жэнь и Чжэн долго жили вместе, и Инь любил ее и покупал ей платья, а Жэнь находила ему прекрасных женщин среди лисиц и человеческих дочерей.

СТУДЕНТ. Это вся история?

ДЕВУШКА. Нет. Чжэн поступил на государственную службу и однажды должен был поехать на месяц в далекую провинцию. Он хотел взять с собой Жэнь, но та отказалась. ‘Гадалка нагадала мне, что я умру в дороге’, – сказала она, но Чжэн сказал: ‘Что за глупости!’ – и настоял, чтобы она поехала. И вот в дороге они наткнулись на большую охоту с собаками. И не успел Чжэн опомниться, как Жэнь соскочила с лошади, превратилась в лисицу и бросилась бежать от собак, а они гнались за нею. Чжэн скакал следом и пытался отогнать собак, но они быстро догнали ее и растерзали на куски. Чжэн купил у охотников ее останки и похоронил их. Когда Инь по возвращении спросил его, где Жэнь, Чжэн ответил, что ее по дороге растерзали собаки. ‘Собаки очень злы, но не случилось, чтобы они растерзали человека’, – ответил Инь, и тогда Чжэн рассказал ему, что Жэнь была лисой. Инь горько

плакал, и они вдвоем поехали на ее могилу. Она была удивительной лисицей: обычно лисы не любят людей и вредят им. Но Чжэн любил ее красоту и мало интересовался ее душой. Впоследствии он был назначен военным инспектором. Дом его очень разбогател, и он имел в стойлах более десяти лошадей. Шестидесяти пяти лет он умер. Инь пережил его и рассказал эту историю.

СТУДЕНТ. Значит, все это правда?

ДЕВУШКА. Конечно. Цу Сяо знает много таких историй. Он знает все истории Танской эпохи, собранные Ли Фаном в сборнике Тай-пин гуан-цзи. В нем пятьсот томов.

СТУДЕНТ. И все о лисах?

ДЕВУШКА. Нет, о лисах только десять, а о бесах – сорок. Сборник состоит из нескольких разделов. Первый называется Бессмертные.

СТУДЕНТ. А второй?

ДЕВУШКА. Феи, следующий Магия.

СТУДЕНТ. Затем Волшебники.

ДЕВУШКА. Далее Странные люди.

СТУДЕНТ. Необычайные монахи.

ДЕВУШКА. Буддийские подвижники.

СТУДЕНТ. Воздаяния, Предзнаменования, Предсказания.

ДЕВУШКА. Награды и наказания.

СТУДЕНТ. Пророчества.

ДЕВУШКА. Знаменитые мудрецы.

СТУДЕНТ. Бескорыстие, Мужество.

ДЕВУШКА. Понимающие люди.

СТУДЕНТ. Расследование, Умение.

ДЕВУШКА. Умные, Таланты, Ученые.

СТУДЕНТ. Избранники, Чиновники, Сановники, Военачальники.

ДЕВУШКА. Храбрецы, Рыцари.

СТУДЕНТ. Натура, Сочинения, Слава, Конфуцианство.

ДЕВУШКА. Музыка, Письмо, Живопись, Счет.

СТУДЕНТ. Гадание, Врачевание, Физиогномика.

ДЕВУШКА. Ловкость, Театр, Утварь, Вино, Пища.

СТУДЕНТ. Дружба, Расточительность, Хитрость, Лесть, Ошибки.

ДЕВУШКА. Систематичность, Поспешность, Шутки, Смех.

СТУДЕНТ. Неотесанность, Невозмутимость, Надменность, Жестокость.

ДЕВУШКА. Женщины, Чувства, Слуги и служанки.

СТУДЕНТ. Сны, Ворожба, Чары, Наваждения.

ДЕВУШКА. Боги, Бесы, Демоны, Душа.

СТУДЕНТ. Чертовщина, Призраки, Сверхъестественное, Перерождения.

ДЕВУШКА. Воспоминание прежних перерождений.

СТУДЕНТ. Кладбища, Надгробия.

ДЕВУШКА. Гром, Дождь, Горы, Камни, Воды, Драгоценности.

СТУДЕНТ. Растения, Драконы, Тигры, Домашние животные.

ДЕВУШКА. Лисицы, Змеи, Птицы, Водяные твари, Насекомые, Варвары.

СТУДЕНТ. Повести и рассказы.

ДЕВУШКА. Разные записи. Всего девяносто два раздела.

СТУДЕНТ. Это все рассказал тебе Цу Сяо?

ДЕВУШКА. Да. Я очень любила его слушать. Мы возьмем его с собой?

СТУДЕНТ. Хорошо. Мы возьмем его с собой, и будем путешествовать втроем.

ДЕВУШКА *(бросается к нему на шею)*. Я так рада, я так рада, ты не можешь представить себе, как я рада! *(Отодвигается от него.)* Я глупая, да?

СТУДЕНТ. Да, глупая.

ДЕВУШКА. А еще какая?

СТУДЕНТ. Еще ты золотая и серебряная. *(Обнимает ее.)*

ДЕВУШКА. Правда?

СТУДЕНТ. Да. Ты лучшая девушка в мире. Я хочу сказать сейчас тебе... Я всегда был одинок, но мне кажется, что сегодня я нашел друзей, тебя и Цу Сяо.

ДЕВУШКА. Милый, мы никогда не расстанемся, да?

СТУДЕНТ. Да.

ДЕВУШКА. Знаешь, что я хочу сказать тебе. Я прилегла сегодня днем после обеда, и мне приснился странный сон. Будто стало известно, что должно погаснуть солнце, и мы хотим улететь, чтобы спастись. Будто мы – я, ты и Цу Сяо – у нас на чердаке в гостинице строим плот с парусом, чтобы улететь на нем. Мы очень торопимся. И вдруг стало совершенно темно и подул сильный ветер: это солнце погасло. И больше я ничего не помню. Глупый сон, правда? Отчего это вдруг солнце должно погаснуть?

СТУДЕНТ (*подходит к окну*). Смотри, какая луна. Она такая большая, круглая и красная, что я подумал сначала, что это солнце садится.

ДЕВУШКА (*нежно*). Какой ты еще неопытный: сразу видно, что это луна.

СТУДЕНТ (*обнимает ее*). Какая ты опытная... Моя любимая, ты любишь меня?

ДЕВУШКА (*внезапно бросается к приемнику*). Боже мой! Мы опоздали! (*Включает радио.*)

СТУДЕНТ. Что такое?!

ДЕВУШКА. Мы опоздали вовремя включить приемник!

СТУДЕНТ. Зачем?!

ДЕВУШКА. Все постояльцы обязаны слушать радио, когда передают последние известия. Ведь нельзя людей надолго предоставлять самим себе. Я как служащая гостиницы в первую очередь была обязана включить приемник. Администраторша следит за всеми номерами.

Из нагретшегося приемника доносится голос диктора: '... Воодушевленные этим призывом, колхозники области обязались собрать хлеб вовремя и без потерь...'

СТУДЕНТ (*поворачивая ручку приемника*). Но это же страшно скучно. Поищем чего-нибудь веселей.

Крутит ручку. Визг. Голоса. Музыкальные такты.

ДЕВУШКА (*в ужасе*). Что ты делаешь! Она же услышит!

СТУДЕНТ. Я все беру на себя. Я ее не боюсь.

Крутит ручку. Джаз. Гудение. Неожиданно резкий голос диктора: '... Мы передавали новости дня. Вы слушаете Голос Америки из Вашингтона. Сейчас мы передадим лекцию 'Искусство древней Суздали' из цикла 'Почему американцам дорога русская культура'. У нашего микрофона известный американский специалист по русскому средневековью доктор Папаяки'. Короткое молчание. Студент и девушка склонились к радиоприемнику. Русский голос с американским акцентом: 'Суздаль – один из древнейших городов Руси, красоте старинной архитектуры которого могут позавидовать даже многие западноевропейские города...'

ДЕВУШКА. Это он. Я узнаю его голос.

Голос продолжает: 'Тем большее удивление и боль испытываешь, глядя на то разрушение и запустение, в котором находится сейчас некогда знаменитый город'. Включают глушители. Под нарастающее гудение опускается

занавес.

1963,
Москва

Четырнадцать любовников некрасивой Мери – Энн

Пьеса в одном действии

Действующие лица

Мери-Энн

Сказочник

Автомобилист

Принц

Соседи Мери-Энн

Однокомнатная квартира Мери-Энн на пятом этаже. Слева, отделенная занавеской, кухня. Справа дверь на лестницу. В комнате большое окно. Мери-Энн, некрасивая девушка с голубыми глазами, лежит в постели. Сказочник сидит и завязывает шнурки на ботинках.

МЕРИ. Милый, куда ты так торопишься?

СКАЗОЧНИК. Боюсь, жена уже начала беспокоиться.

МЕРИ. Ты боишься ее?

СКАЗОЧНИК. Нет. Просто мне надоели ее скандалы. Каждый раз, когда я опаздываю домой, мне приходится выносить бог весть что от нее.

МЕРИ (*решительно*). Так надо положить этому конец. Всякое насилие отвратительно.

СКАЗОЧНИК. Конечно. Я много раз пытался положить конец этому. Иногда я даже бью ее.

МЕРИ (*она удивлена*). Как? Ты бьешь ее?

СКАЗОЧНИК. Да. Но редко.

МЕРИ (*она все еще удивлена*). Прямо-таки берешь ее и бьешь?

СКАЗОЧНИК. Да. Все происходит очень банально. Сначала я даю ей пощечину.

МЕРИ. О-о-о!

СКАЗОЧНИК. Если бы ты знала, как она при этом взвизгивает! Потом я даю ей кулаком в челюсть и сразу же в живот. Тут главное не медлить ни секунды.

МЕРИ. (*заинтересованно*).. Да?

СКАЗОЧНИК. Да. Если бы ты видела, как она корчится при этом! Не давая ей опомниться, я валю ее с ног и начинаю бить чем попало.

МЕРИ. О-о-о...

СКАЗОЧНИК (*воодушевляясь*). Я топчу ее ногами и бью бутылкой по голове, пока бутылка не разобьется, а осколки со всей силы загоняю ей между ребер. Потом я рву у нее волосы на голове и кусаю ее в щеки, в грудь и в живот, так что на теле остаются кровоточащие ранки.

МЕРИ (*стонет*). О-о-о...

СКАЗОЧНИК. Потом я раскрываю ей рот, запускаю руку глубоко в горло – видишь, какая у меня узкая аристократическая рука, – и начинаю рвать ей внутренности.

МЕРИ (*стонет*). О-о-о...

СКАЗОЧНИК (*из любви к истине*). Впрочем, я делаю это не всегда. Иногда вместо этого я просто душу ее, то сжимая, то отпуская горло. Если бы ты слышала, как она при этом хрипит!

МЕРИ. Ну, должно быть, это не так уж приятно.

СКАЗОЧНИК (*слегка уязвленный*). Да? Может быть. Но зато если бы ты знала, что бывает, если мне в руки попадет бритва или перочинный нож! Тогда я разрисовываю ей все тело, особенно ляжки. Знаешь, иногда мне хочется вырезать что-нибудь посложней.

МЕРИ (*осуждающе*). Я заметила, что ты любишь все усложнять.

СКАЗОЧНИК. Да, это моя беда. Я много страдал из-за этого. Подчас даже отношения с моим лучшим другом настолько усложнились и запутывались, что становились мучительны для меня. Мой друг очень хороший художник, он делает конструкции из дерева и проволоки...

МЕРИ (*перебивая*). Так чем же кончается все это, с женой?

СКАЗОЧНИК. Ах, с женой... Ну, к этому времени я почти совершенно обессиливаю и присаживаюсь покурить немного. При этом я обычно поджигаю спичкой волосы у нее на лобке. Они потрескивают, словно дрова в печке. (*Задумчиво.*) Знаешь, это всегда напоминает мне детство. Мы жили в старом доме, и зимой бабушка каждое утро топила печь. И вслед за этим, как бесконечная лента из цилиндра фокусника – тоже воспоминание детства, – тянутся мысли о елке, долгих зимних вечерах, проведенных за книжками с картинками, страшных сказках: там была девочка, у которой изо рта при каждом слове выскакивала жаба, о поломанных игрушках – среди них была одна заводная, впрочем, завод испортился задолго до того, как она попала ко мне...

МЕРИ (*перебивая*). Так ты не кончил о своей жене.

СКАЗОЧНИК. Ах, о жене... Потом я гашу сигарету о ее губы и, чтобы покончить со всем этим, выбрасываю жену в окно.

МЕРИ. Но как она, интересно, реагирует на все это?

СКАЗОЧНИК (*поморщившись*). Самым некрасивым образом. Она доносит на меня властям. Уже два раза меня осуждали на две недели, и я мел улицу в обществе каких-то хулиганов.

МЕРИ. Бедный малыш! Я понимаю, как тяжело тебе было.

СКАЗОЧНИК (*уточняет*). Нравственно тяжело. Что там значит мести улицу! Но представь: по улице едет автомобиль и давит всех подряд. Это – власть. Беспредемонное вмешательство в наши интимные отношения – вот что тяготит! (*Патетически, впадая в тон обычных интеллигентских разговоров.*) Нет, в этой стране нельзя ни на минуту почувствовать себя свободным человеком! Моральное давление испытываешь даже тогда, когда садишься писать сказки.

МЕРИ. Ты пишешь сказки? У меня есть подружка, которая тоже пишет сказки.

СКАЗОЧНИК (*задетый тем, что кто-то пишет сказки, кроме него*). Да? Что же это за сказки?

МЕРИ. Ну, разные, про любовь, про принцев. А ее самая знаменитая сказка – про зеленые штаны.

СКАЗОЧНИК. О чем же она там пишет?

МЕРИ. Я не поняла всего. Она очень умная, гораздо умней меня, и красивее, похожа на испанку. Она видела удивительный сон и потом описала его в этой сказке. Ей приснилось, будто какое-то су-

щество бежит к урне, оно бежит, бежит, и так проходит вся жизнь.

СКАЗОЧНИК (*иронически*). Какое существо? Какая урна?

МЕРИ (*недовольная его иронией*). Ах, я не знаю. (*Припоминает.*) И еще там мертвые появляются вместе с живыми.

СКАЗОЧНИК (*иронически*). А при чем здесь зеленые штаны?

МЕРИ (*рассерженная*). Ни при чем! Ты, я вижу, ничего не понимаешь, а всем очень нравятся ее сказки.

СКАЗОЧНИК (*с мнимой снисходительностью*). Все это очень мило, но дело в том, что искусство – это не свободное излияние каких-то своих впечатлений или, допустим, снов. Создание литературного произведения – это прежде всего организация материала. А это у твоей подруги как раз и не выходит.

МЕРИ (*утратившая интерес к этой теме*). Не выходит, и не надо. Скажи лучше, как ты мог ладить с женой после таких ее... (*подыскивает слова*) гнусных поступков?

СКАЗОЧНИК. Ах, с женой... Ладили как-то. Но, видишь, наконец мое терпение истощилось, и я решил изменить ей.

МЕРИ (*она поражена*). Как?! Ты первый раз изменяешь жене?

СКАЗОЧНИК. Да, первый раз. До тебя я не изменял ей ни разу. Я вообще не знал никакой другой

женщины. Мы поженились, когда нам было девятнадцать лет, и оба были совершенно неопытны.

МЕРИ (*все еще не веря*). Значит, я твоя вторая женщина?

СКАЗОЧНИК. Да. Мне дался этот шаг не без душевной борьбы.

МЕРИ. Я понимаю. Ты такой тонкий.

СКАЗОЧНИК. А сколько мужчин было у тебя?

МЕРИ. У меня? Подожди, дай подумать. (*Припоминает.*) Ты четырнадцатый.

СКАЗОЧНИК. О, как много. Выходит, ты опытная женщина.

МЕРИ. Пожалуй.

СКАЗОЧНИК (*с внутренним ожиданием*). И как тебе понравилось со мной?

МЕРИ (*подумав*). Ничего. Ты очень милый.

СКАЗОЧНИК (*разочарованно*). И только?

МЕРИ. Знаешь, за двух человек до тебя у меня был один молодой человек, после которого уже все мужчины кажутся мне... Ну, в общем, они не идут в сравнение с ним. Я получила тогда такое полное наслаждение, что... (*Обрывает себя.*) Ты такой циник, тебе все это совершенно непонятно.

СКАЗОЧНИК (*ревниво*). Почему же. Я все понимаю.

МЕРИ (*продолжает*). Я сказала ему об этом и по-

благодарила его за ту радость, которую он мне доставил.

СКАЗОЧНИК (*ревниво*). И что он ответил?

МЕРИ (*вздыхнув*). Он сказал, что слышал это не от меня одной. (*Помолчав.*) И все-таки я понравилась ему больше, чем другие женщины.

СКАЗОЧНИК (*ревниво*). Да?

МЕРИ (*гордо*). Да. Он прислал мне потом письмо.

СКАЗОЧНИК. Вот как. Что же он там пишет?

МЕРИ (*гордо*). Он пишет, что я его ласточка и кошечка!

СКАЗОЧНИК (*иронически*). Как мило! А кто он такой?

МЕРИ (*недовольная его иронией*). Ты его не знаешь. Он студент.

СКАЗОЧНИК. Сколько ему лет?

МЕРИ. Девятнадцать.

СКАЗОЧНИК. Что же он изучает?

МЕРИ. Химическое машиностроение. (*Сказочник хохочет. Мери обиженно.*) Что тебя так рассмешило?!

СКАЗОЧНИК. Прости. Меня просто поразило сочетание страстной любви и химического машиностроения. Это очень неожиданно. Я думаю даже, что это можно будет использовать в какой-нибудь моей сказке.

МЕРИ (*в ярости*). Если ты сделаешь это, ты будешь негодяем! Тебе ничего нельзя сказать!

СКАЗОЧНИК. Не сердись. Это останется между нами. Я умею хранить чужие тайны. (*Помолчав.*) Но скажи, как тебе удалось занять столько любовников?

МЕРИ. Что же тут удивительного? Я очень привлекательна.

СКАЗОЧНИК. Вот как?

МЕРИ. Да. Разве ты не видишь сам?

СКАЗОЧНИК. Я не успел как следует рассмотреть тебя вчера.

МЕРИ (*кокетливо*). Можно это сделать сегодня. (*Задирает ноги.*) Смотри, какие у меня красивые ножки.

СКАЗОЧНИК (*посмотрев*). Правда.

МЕРИ (*встает с постели*). Смотри, какие бедра. (*Поворачивается.*)

СКАЗОЧНИК. Но у тебя нет зада.

МЕРИ. Подумаешь! Вполне достаточно.

СКАЗОЧНИК. И плоская грудь.

МЕРИ. Сам ты плоский! Смотри! (*Вытячивает грудь.*)

Стук в дверь.

МЕРИ. Ах! (*Завертывается в одеяло.*) Кто там?

ГОЛОС (*за дверью*). Можно?

МЕРИ. Милый, открой.

Сказочник открывает. Входит человек в крагах и зеленых штанах, с ведром в руках. Это автомобилист.

АВТОМОБИЛИСТ. Простите, нельзя ли у вас ведро воды попросить? А то в радиаторе вся вода выкипела.

МЕРИ. Стоило ради ведра воды подниматься на пятый этаж!

АВТОМОБИЛИСТ. Так никто внизу двери не открывает. Все чудные какие-то. Боятся, что я их обокраду, что ли.

СКАЗОЧНИК. Сейчас население специально предупреждают, что в городе действует опасная банда. Они выдают себя за электриков или газовщиков и так проникают в квартиры.

МЕРИ. Мне рассказывала одна женщина, что это не банда, а действует один садист. Он ничего не берет, а только отрезает жертве уши и нос или просто пырнет ножом и скроется.

АВТОМОБИЛИСТ. Для чего же он все это делает?

МЕРИ. Мне рассказывали, что это протест какой-то против чего-то, кажется, против всеобщей бесчеловечности, я всего не поняла.

СКАЗОЧНИК. Во всяком случае сейчас постороннему человеку не очень-то откроют. Все запуганы.

АВТОМОБИЛИСТ. Оно и видно. Я, правда, не знал этого ничего. Меня месяц в городе не было.

МЕРИ (*недоверчиво*). Где же вы были?

АВТОМОБИЛИСТ. Ездил на автомобильные соревнования. Сейчас как раз возвращаюсь оттуда. Я автомобильный тренер.

СКАЗОЧНИК (*обрадованно*). Как удачно в таком случае, что я вас встретил. Вы присядьте. Я собираюсь покупать себе машину, так хочу у вас проконсультироваться, трудно ли получить права.

Мери-Энн выходит на кухню и в продолжении следующей сцены одевается там.

АВТОМОБИЛИСТ (*который удобно сел*). Трудно ли получить права? А это кому как.

СКАЗОЧНИК. Простите, как так кому как? Вы, например, как получили?

АВТОМОБИЛИСТ. Я с трудом.

СКАЗОЧНИК. Почему? Вы же профессионал.

АВТОМОБИЛИСТ. Это верно. Но я дальтоник.

СКАЗОЧНИК. А-а... Ведь все это проверяют.

АВТОМОБИЛИСТ. Еще бы.

СКАЗОЧНИК. Пришлось это как-то обойти, а?

АВТОМОБИЛИСТ. Само собой.

СКАЗОЧНИК. Я понимаю. Но я как раз не дальтоник.

АВТОМОБИЛИСТ. Но это было не главным препятствием.

СКАЗОЧНИК. А что же еще?

АВТОМОБИЛИСТ. Я еще шизофреник.

СКАЗОЧНИК. А-а... Это еще сложнее.

АВТОМОБИЛИСТ. Еще бы не сложнее.

СКАЗОЧНИК. Ну и... все это как-то обошлось?

АВТОМОБИЛИСТ. Обошлось не без труда.

СКАЗОЧНИК. Понятно. Я не шизофреник, к счастью.

АВТОМОБИЛИСТ. Шизофрения-то обошлась, да тут еще кой-что случилось.

СКАЗОЧНИК. Что же тут случилось?

АВТОМОБИЛИСТ. Тут у меня инсульт случился, и всю правую сторону парализовало. Какие уж тут права!

СКАЗОЧНИК. Да, тяжелая ситуация. Мне, впрочем, инсульт пока не грозит.

АВТОМОБИЛИСТ (*с торжеством*). И все-таки, едва я оправился, как права тут же и получил. Правду говорят, мир не без добрых людей. (*Довольный хохочет.*)

СКАЗОЧНИК. И еще: не имей сто рублей, а имей сто друзей. А? (*Понимающе хохочет.*)

АВТОМОБИЛИСТ. Одно пугает. Веду я так машину, и вдруг меня опять паралич разобьет. Это ведь каждую минуту может случиться, стоит мне только переволноваться.

Входит Мери-Энн.

СКАЗОЧНИК. Да, я представляю: машина с парализованным водителем, он не может пошевелить ни рукой, ни ногой, а машина мчится и давит всех подряд. Нечто подобное уже приходило мне сегодня в голову. Я думаю даже, этот сюжет можно использовать для сказки.

АВТОМОБИЛИСТ (*пренебрежительно*). Для сказки?! Я вам еще не рассказал, как я, после инсульта не придя в себя, триппер подхватил. Триппер, это вам штука не для детской сказочки.

СКАЗОЧНИК (*как тонкий человек чувствует, что нужно сказать что-то значительное*). Да, нелегко у вас сложилась жизнь...

МЕРИ (*перебивает*). Ну, вы тут говорите, а я сбегаю куплю чего-нибудь выпить.

СКАЗОЧНИК. Хорошо бы коньяку, моя любовь.

Мери-Энн уходит.

АВТОМОБИЛИСТ. Жена ваша?

СКАЗОЧНИК. Знакомая.

АВТОМОБИЛИСТ. Понятно. (*Помолчав.*) А это кто такой? (*Показывает на фотографию молодого человека, приколотую над постелью.*)

СКАЗОЧНИК. Не знаю. Ее приятель, вероятно.

АВТОМОБИЛИСТ. Личность мне знакомая.

СКАЗОЧНИК (*заинтересованно*). Вы его знаете? Кто он такой?

АВТОМОБИЛИСТ (*неохотно*). Студент один.

СКАЗОЧНИК. Что он изучает? Не химическое машиностроение?

АВТОМОБИЛИСТ. Вроде бы.

СКАЗОЧНИК. Откуда вы его знаете?

АВТОМОБИЛИСТ. Я давно его знаю. Я с ним вместе в школе учился.

СКАЗОЧНИК. Какое совпадение! Мы как раз сегодня говорили о нем с Мери-Энн.

АВТОМОБИЛИСТ. Не знаю, чего вы там говорили, но я уж ничего хорошего о нем сказать не могу. Я в школе был хулиган отчаянный и уж скорее бы умер, чем выдал товарища, а этот был вроде первого ученика и такой скользкий, что не ухватишь. (*Помолчав.*) Мы, впрочем, одно время друзьями с ним были. Натворили хороших дел. Начали мы с малого: стащили классный журнал и сожгли, а потом учительнице в стол помочились. Но самую великолепную штуку, которую мы с ним откололи, это – когда уже постарше были – учительницу географии изнасиловали. (*Не может сдержать улыбки при воспоминании.*) Она вся была такая старая и дряблая, но мы мальчишками были, ничего в женщинах еще не понимали.

СКАЗОЧНИК. Да, мы в юности многое неверно понимаем.

АВТОМОБИЛИСТ. Только кончилось все плохо. Пронюхал директор, пригрозил ему, тот все и выложил. Тут это дело замяли, но меня потом при

первой же возможности из школы выкинули, а этот (указывает на фотографию) чуть ли не с серебряной медалью закончил.

СКАЗОЧНИК. И поступил в институт?

АВТОМОБИЛИСТ. Нет, он сначала лет десять художником был или скульптором, не знаю, как это у них называется.

СКАЗОЧНИК. Что вы говорите! Я как раз большой любитель живописи.

АВТОМОБИЛИСТ. Я в этом ничего не понимаю. Правда, я к нему как к школьному товарищу, хоть и подлецу, и после школы иногда заходил, видел все эти штуки. Он чуть ли не новое какое-то направление изобрел. Сколачивал из досок ящики, красил масляной краской и обтягивал проволокой, вроде как детские кроватки, чтоб дети не вывалились. Внутри зажигал лампочки и под симфонию все это показывал. Собирались к нему придурки вроде него самого, смотрели и ахали. Потом он им про философию чего-то объяснял, и на этом представление заканчивалось. (*Помолчав.*) Вот как вы думаете, он не педераст?

СКАЗОЧНИК. Не знаю. Но почему?

АВТОМОБИЛИСТ. Да вроде бы нормальному человеку такие штуки в голову не придут. Он и в детстве спектакли устраивал: поймает кошку, повесит ее за хвост и смотрит, как она дергается и орет.

СКАЗОЧНИК. А как же он стал изучать химическое машиностроение?

АВТОМОБИЛИСТ. Очень просто. Увидел он, что все это лажа, что смотреть все смотрят, а денег никто не платит, забросил свои ящики с философией вместе и подался в технический вуз.

СКАЗОЧНИК. Жаль, что в минуту духовного кризиса рядом с ним не было друга, который поддержал бы его и вернул ему веру в себя как художника.

АВТОМОБИЛИСТ (*соглашается*). Да, жаль беднягу.

СКАЗОЧНИК. Меня удивляет Мери-Энн, она такая чуткая, любит искусство, а не пришла ему на помощь. Они ведь были близки, он часто бывал в этой комнате и спал на этой постели. (*Подходит к постели.*)

АВТОМОБИЛИСТ (*тоже подходит к постели*). Это с девицей этой, вашей знакомой?

СКАЗОЧНИК. Да.

АВТОМОБИЛИСТ. Он не теряется. Про любовь ей, должно быть, чего-нибудь загибал. Бабы это любят. И письма, вероятно, писал?

СКАЗОЧНИК (*подумав*). Не знаю.

Недолгое молчание. Открывается дверь. Входит Мери-Энн, за ней молодой человек. Это принц.

МЕРИ (*ставит на стол бутылку коньяка*). Этот молодой человек – принц. Ему восемнадцать лет. Он сказал мне, что я самая прекрасная женщина в мире.

СКАЗОЧНИК (*разыгрывая из себя хозяина дома*).
Позвольте, ваше высочество ...

ПРИНЦ. Зовите меня просто Майкл.

АВТОМОБИЛИСТ. Правильно. Надо держать себя попроще.

ПРИНЦ (*благодарно*). Я очень рад познакомиться с вами.

МЕРИ (*принцу*). Садись, что ты стоишь.

АВТОМОБИЛИСТ (*сказочнику*). Садитесь, что вы стоите.

Мери-Энн и принц садятся в одном углу сцены, автомобилист и сказочник в другом.

МЕРИ (*принцу*). Ну, скажи мне что-нибудь.

СКАЗОЧНИК (*автомобилисту*). Ну, что вы на это скажете?

ПРИНЦ (*Мери*). Ты очень красива.

АВТОМОБИЛИСТ (*сказочнику*). Мое дело сторона.

МЕРИ (*принцу*). Ну что ты, я уродина. Посмотри, какой у меня нос.

ПРИНЦ (*Мери*). У тебя прекрасный нос, и глаза, и черные волосы. Ты испанка?

СКАЗОЧНИК (*автомобилисту*). А вы не боитесь?

АВТОМОБИЛИСТ (*сказочнику*). Чего мне бояться?

МЕРИ (*принцу*). Не знаю. Какие испанки?

СКАЗОЧНИК (*автомобилисту*). Не знаю. Все-таки он иностранец, ведь в нашей стране нет принцев, я до сих пор и понятия не имел, какие они.

ПРИНЦ (*Мери*). Такие, как ты, только хуже.

АВТОМОБИЛИСТ (*сказочнику*). Не хуже нас с вами.

МЕРИ (*принцу*). Какой ты милый. Хочешь, я тебя поцелую?

СКАЗОЧНИК (*автомобилисту*). Все-таки это опасно. Иностранец – и вдруг зашел в частный дом. Могут подумать, что мы тут бог весть о чем говорили.

ПРИНЦ (*Мери*). Я хочу, чтобы ты стала моей возлюбленной.

МЕРИ (*принцу*). Вот чего захотел!

АВТОМОБИЛИСТ (*сказочнику*). Всем сразу придет это в голову.

ПРИНЦ (*Мери*). Но я люблю тебя. Как я должен добиваться твоей любви?

МЕРИ (*принцу*). Как-нибудь романтично.

СКАЗОЧНИК (*автомобилисту*). У меня определенное общественное положение. Я литератор.

АВТОМОБИЛИСТ (*сказочнику*). Мне, правда, нечего терять. Но все равно.

ПРИНЦ (*Мери*). Все будет очень романтично. На

заре я приеду к тебе под окно на коне и протрублю в рог.

МЕРИ (*принцу*). Я распахну окно, прыгну вниз, и ты подхватишь меня, мой милый.

ПРИНЦ (*Мери*). И не будет рассвета и долгого дня, только топот коня, только шепот: 'Ты – мой, я – твоя'.

СКАЗОЧНИК (*автомобилисту*). Мы даже не знаем, как его полностью зовут.

АВТОМОБИЛИСТ (*сказочнику*). Можно узнать.

МЕРИ (*принцу*). Нет, милый, это невозможно. У меня ревнивый муж, он ждет меня.

СКАЗОЧНИК (*автомобилисту*). Не благоразумнее ли будет просто уйти? Тем более, что меня ждет жена.

АВТОМОБИЛИСТ (*сказочнику*). Внезапный уход вызовет большие подозрения, нас могут остановить.

ПРИНЦ (*Мери*). Меня это не остановит. Я люблю тебя еще больше.

МЕРИ (*принцу*). Но ты видишь, сколько у меня недостатков.

СКАЗОЧНИК (*автомобилисту*). Вы думаете, что за домом наблюдают?

ПРИНЦ (*Мери*). Я ничего не вижу. Я вижу только, как ты красива.

АВТОМОБИЛИСТ (*сказочнику*). Я ничего не думаю. Я думаю только, что мое дело сторона.

МЕРИ (*принцу*). Это еще что! Вот ты посмотришь, какая я голая!

СКАЗОЧНИК (*автомобилисту*). Я не могу уйти еще и потому, что не могу оставить Мери-Энн с ним одну.

ПРИНЦ (*Мери*). Но говорят, у тебя нет зада.

АВТОМОБИЛИСТ (*сказочнику*). Говорят, она не слишком строга с иностранцами.

МЕРИ (*принцу грустно*). Зада у меня действительно нет.

СКАЗОЧНИК (*автомобилисту*). Это гнусная клевета. Просто она очень неопытна, и он сможет воспользоваться этим.

ПРИНЦ (*Мери*). И плоская грудь.

АВТОМОБИЛИСТ (*сказочнику*). А вам-то что?

МЕРИ (*принцу*). Вот уж глупости! У меня такая грудь, кто понимает. За мной бегали пятидесятилетние старички. Уж они знают толк в девочках.

СКАЗОЧНИК (*автомобилисту*). У меня есть чувство долга. Я останусь здесь, пусть это даже грозит мне тюрьмой.

МЕРИ (*принцу*). Вот только колени у меня некрасивые.

АВТОМОБИЛИСТ (*сказочнику*). Ну, тюрьмой... (*Делает жест, означающий невозможность попасть из-за этого в тюрьму.*)

ПРИНЦ (*Мери*). Ну, колени... (*Делает жест, означающий, что некрасивые колени не препятствие для любви.*)

МЕРИ (*принцу, игриво приподнимая юбку*). Вот, смотри, какие у меня коленки!

СКАЗОЧНИК (*Мери, тоном строгой гувернантки*). Мери-Энн, что ты делаешь! Прекрати сейчас же!

АВТОМОБИЛИСТ (*сказочнику*). Ну, вы как хотите, а я пойду. (*Проходит в кухню и наливает в ведро воду из крана. Все напряженно следят за ним. Автомобилист Мери.*) Спасибо, хозяйка. (*Всем.*) Привет всей компании.

Все кивают. Автомобилист уходит.

СКАЗОЧНИК (*в раздумье*). Выходить, говорит, опасно, а сам ушел, однако.

МЕРИ. И хорошо. Зачем он нам нужен. Несимпатичный какой-то парень.

СКАЗОЧНИК. Он и мне показался очень неприятным.

МЕРИ. Черт с ним. Сейчас застелю постель, и выпьем все вместе. (*Идет к постели, кокетливо оглядываясь на принца.*) А то неудобно — чужие люди и такой разгром.

Мери застилает постель. Сказочник откупоривает бутылку.

МЕРИ (*внезапно*). Боже мой! Где мое письмо?!

СКАЗОЧНИК. Какое письмо?

МЕРИ. Письмо моего друга, студента. Оно лежало под подушкой и теперь пропало.

СКАЗОЧНИК. Должно быть, оно завалилось куда-нибудь.

МЕРИ (*ищет*). Нет, нигде нет. Его украли! (*Хнычет.*) Больше мне никто так трогательно не напишет...

СКАЗОЧНИК (*соображая*). Это, вероятно, автомобилист. То-то он так внезапно ушел.

МЕРИ. Вот негодяй! (*Хнычет.*) Какая я несчастная...

СКАЗОЧНИК. Но ведь ты помнишь, что было в письме.

МЕРИ. В том-то и дело, что не помню. (*Всхлипывает.*) Он писал, что я его ко-о-оше-ечка...

ПРИНЦ (*недоумевая*). Неужели это такая уж потеря?

МЕРИ (*всхлипывает*). Что я его ла-а-асто-очка...

СКАЗОЧНИК. Во всяком случае, все это очень опасно. Да и студенту, если он узнает, едва ли понравится, что крадут его письма.

ПРИНЦ (*недоумевая*). Но чего нам бояться?

СКАЗОЧНИК. Никто не знает, чего именно нужно бояться. Вы знаете, например, что было в этом письме кроме ласточки и кошечки?

ПРИНЦ. Нет, не знаю.

СКАЗОЧНИК. А кто такой этот студент и кто автомобилист?

ПРИНЦ. Нет, не знаю.

СКАЗОЧНИК. То-то и оно. А мне вот только что стало известно, что этот так называемый автомобилист долгое время вращался в весьма сомнительных художественных кругах и даже принимал участие в их мистических оргиях.

ПРИНЦ. Вот так штука.

СКАЗОЧНИК (*Мери*). Твой друг, он точно был студент?

МЕРИ (*всхлипывая*). Откуда я знаю? Сказал, что студент, а может быть, и не студент вовсе.

СКАЗОЧНИК. Но ему девятнадцать лет?

МЕРИ (*всхлипывая*). Откуда я знаю? Может быть, и все тридцать девять.

СКАЗОЧНИК (*принцу*). Видите. Вот как оборачивается дело.

ПРИНЦ. Но зачем автомобилисту письмо?

СКАЗОЧНИК. В том-то и дело. Откуда мы знаем, куда сейчас он пошел с этим письмом!

МЕРИ и ПРИНЦ (*вместе*). Мы не знаем.

СКАЗОЧНИК. Тут возможны, по-моему, два случая. Первое: он похитил письмо ответственного специалиста по машиностроению, чтобы опубликовать его за границей. Представляете, что нас

ожидает за потерю бдительности! (*Делает паузу.*) Но это еще не самое страшное. (*Мери-Энн и принц с ужасом смотрят на него. Он прямо-таки витийствует.*) Второе: он захватил письмо сомнительного лжехимика, компрометирующее Мери-Энн и всех нас, с тем чтобы доставить его куда следует. Вы меня поняли?

Мери-Энн заламывает руки.

ПРИНЦ (*пытаясь возразить*). Но неужели вы думаете, что все обстоит так мрачно и так плохо кончится? Может быть, все и не так.

СКАЗОЧНИК (*с укором*). Молодой человек, поверьте, я старше вас и видел многое, чего вам не дай бог увидеть. Думаю, я лучше понимаю положение. Да и, кроме всего прочего, вы иностранец. Вам улыбаются, жмут руку, гостиничный швейцар даже подносит ваш чемодан к такси. Изнанка вещей вам не видна, наши обычаи вам совершенно не известны.

ПРИНЦ. Ну почему, я немного знаком с местными обычаями: в гостинице уже трижды обыскивали мой чемодан.

СКАЗОЧНИК (*с чувством превосходства*). Ну, это мелкий факт. По таким фактам вы едва ли сможете представить себе общую картину.

ПРИНЦ (*робко, опасаясь новой нотации сказочника*). Я немного представляю общую картину: когда я ехал сюда, я слышал, что каждый четвертый является осведомителем.

СКАЗОЧНИК (*уточняет*). Каждый третий, включая женщин и иностранцев.

МЕРИ (*с женским простодушием*). Нас как раз трое.

Смотрят друг на друга. Недолгое молчание. Снизу доносится невнятный гул голосов и топот ног.

ПРИНЦ. Что это за шум?

Шум нарастает. Топот усиливается. Шум у самой двери. Громкий стук в дверь.

МЕРИ. Кто там?!

ГОЛОСА (*за дверью*). Открывайте!!

Побледневшая Мери-Энн открывает дверь. Двое соседей вносят автомобилиста. Его лицо перекошено. Правая рука словно сведена судорогой. За дверью толпятся соседи.

МЕРИ. Что это?

СОСЕД (*держит автомобилиста за ноги*). Удар случился внизу с человеком, когда он воду в радиатор заливал. (*Вопросительно.*) Видели вроде, как он от вас вышел?

МЕРИ (*растерянно*). Да, он от нас вышел.

СОСЕД. Вот и хорошо. А то куда с ним деться: правая сторона парализована и ни слова сказать не может. Врача вызвать надо.

МЕРИ (*растерянно*). Да, сейчас я вызову.

Двое соседей укладывают автомобилиста на кровать.

СОСЕД. Ну, мы пошли. Вы не расстраивайтесь, девушка.

Соседи выходят. Мери-Энн, принц и сказочник около лежащего автомобилиста.

СКАЗОЧНИК (*объясняет*). Это у него уже второй инсульт. Может и не выжить. (*Резонерствуя*.) Хорошо все-таки, что это случилось, прежде чем он сел за руль, иначе не миновать человеческих жертв.

МЕРИ. Но отчего это с ним?

СКАЗОЧНИК. Я думаю, он слишком перевозился: у нас тут с ним был довольно-таки неприятный разговор. (*Объясняет*.) Людям, уже перенесшим инсульт, всякое волнение категорически противопоказано.

АВТОМОБИЛИСТ (*приходя в себя, невнятно*). Вот... вот...

МЕРИ (*сказочнику*). Что он говорит?

СКАЗОЧНИК (*объясняет*). Он говорит: вот, вот.

МЕРИ. Вот-вот? Что это значит?

СКАЗОЧНИК. Откуда я знаю? Скорее всего, он бредит.

АВТОМОБИЛИСТ (*сердась*). Нет! Вот! Сеть! Сеть!

МЕРИ (*сказочнику*). Что он хочет?

СКАЗОЧНИК. Он просит какую-то сеть. (*Вопросительно автомобилисту*.) Что за сеть?

АВТОМОБИЛИСТ (*в ярости*). Нет! Вот! Нет!

ПРИНЦ. Вероятно, он хочет сесть.

АВТОМОБИЛИСТ (*обрадованно*). Да! Да! Да! Да!

Сказочник и принц сажают автомобилиста на кровати. Тот сидит, свесив ноги. Постепенно он приходит в себя и говорит все более отчетливо.

МЕРИ. Надо спросить у него про письмо.

СКАЗОЧНИК. Подожди. Ты видишь, с человеком несчастье.

АВТОМОБИЛИСТ (*силится что-то сказать*). Вот... вот... (*Наконец выговаривает.*) Покое кисьмо?

МЕРИ (*вопросительно*). Что вы говорите?

АВТОМОБИЛИСТ (*раздраженно*). Покое кисьмо? Покое кисьмо?

МЕРИ (*сказочнику*). Может быть, он хочет эскиммо?

СКАЗОЧНИК. Нет, он просит оставить его в покое.

АВТОМОБИЛИСТ (*в ярости*). Нет! Вот! Нет!

ПРИНЦ. Вероятно, он спрашивает, какое письмо.

АВТОМОБИЛИСТ (*обрадованно*). Да! Да! Да! Да!

СКАЗОЧНИК (*заботливо*). Об этом поговорим потом. Сейчас вам надо отдохнуть.

АВТОМОБИЛИСТ (*в ярости*). Нет! Вот! Нет!

МЕРИ (*примирительно*). Верните письмо, и дело с концом.

АВТОМОБИЛИСТ (*с трудом подыскивая слова*).
Чье... это... письмо?

МЕРИ. Мое. Моего знакомого, студента... Зачем
вы его взяли?

АВТОМОБИЛИСТ (*подыскивая слова*). Я... его...
не... брал.

МЕРИ (*сердась*). Не вы, так кто же!

АВТОМОБИЛИСТ (*медленно ворочая языком*).
Это... он. (*Указывает на сказочника*.)

МЕРИ (*удивленно*). Он?

СКАЗОЧНИК (*иронически*). Я? (*Объясняет Мери-
Энн и принцу*.) Это следствие его болезни. Наруше-
ние мозгового кровообращения часто приводит к
самым неожиданным сдвигам в сознании.

АВТОМОБИЛИСТ (*так же медленно говорит ска-
зочнику, не обращая внимания на его слова*). Давай...
письмо. (*Протягивает левую руку*.)

СКАЗОЧНИК (*тоном здорового, разговаривающего
с тяжелобольным*). Успокойтесь, не думайте об
этом. Потом мы всё обсудим.

АВТОМОБИЛИСТ (*так же медленно*). Давай...
письмо. А не то... плохо... будет.

СКАЗОЧНИК (*иронически*). Ну, ну...

АВТОМОБИЛИСТ (*угрожающе*). Я дам... тебе...
в морду.

СКАЗОЧНИК (*иронически*). Ну, ну...

АВТОМОБИЛИСТ (*говорит с трудом, но уже несколько лучше*). Ты получишь в челюсть и сразу же в живот. Я не буду медлить ни секунды.

СКАЗОЧНИК (*Мери-Энн и принцу*). Он бредит.

АВТОМОБИЛИСТ (*Мери-Энн и принцу*). Вы увидите, как он скорчится при этом. (*Сказочнику.*) Ты не успеешь опомниться, как я свалю тебя с ног и начну бить чем попало.

СКАЗОЧНИК (*он несколько растерян*). Полно, полно, что с вами...

АВТОМОБИЛИСТ (*воодушевляясь*). Я буду топтать тебя ногами и бить по голове бутылкой (*потрясает бутылкой с коньяком*), пока бутылка не разобьется, а осколки со всей силы загоню тебе между ребер. Потом я буду рвать у тебя волосы на голове и кусать тебя в щеки, в грудь и в живот, так что твое тело покроется кровоточащими ранками.

СКАЗОЧНИК (*он уже испуган*). Бр-р-р...

АВТОМОБИЛИСТ (*говорит уже своим нормальным голосом, но медленно, и до конца не может подняться и пошевелить правой рукой*). Потом я раскрою тебе рот, засуну руку глубоко в горло – видишь, какая у меня рука (*показывает волосатую лапу*), – и начну рвать тебе внутренности.

СКАЗОЧНИК (*дрожит*). О-о-о...

МЕРИ. О-о-о... Он будет рвать ему внутренности...

АВТОМОБИЛИСТ (*подумав*). Или, может быть, я буду просто душить тебя, то сжимая, то отпуская горло. Посмотрим, как ты захрипишь при этом!

СКАЗОЧНИК (*дрожит*). О-о-о ...

МЕРИ. О-о-о ... Он будет душить его ...

ПРИНЦ. Но мне кажется, всякое насилие отвратительно.

АВТОМОБИЛИСТ (*слегка уязвленный*). Да? Может быть. Но зато что будет, если мне в руки попадется бритва или перочинный нож! (*Сказочнику*.) А я всегда ношу с собой перочинный нож. Тогда я разрисую тебе все тело, особенно ляжки. Я люблю ... вырезать ... что-нибудь ... посложней.

СКАЗОЧНИК (*дрожит*). О-о-о ...

Автомобилист замолкает. Видно, что он очень устал. Достает левой рукой сигарету, хочет, но не может закурить. Мери-Энн зажигает ему спичку.

АВТОМОБИЛИСТ (*Мери-Энн*). Спасибо. (*Закуривает. Сказочнику, держа зажженную спичку.*) А потом я подожду тебе волосы в паху ...

Следующая сцена во все более быстром темпе.

СКАЗОЧНИК (*дрожит*). О-о-о ...

МЕРИ. О-о-о ... Волосы в паху ...

АВТОМОБИЛИСТ. Отрежу тебе уши ...

СКАЗОЧНИК (*дрожит*). О-о-о ...

АВТОМОБИЛИСТ. Нос...

СКАЗОЧНИК (*дрожит*). О-о-о...

МЕРИ. О-о-о... Он отрежет ему нос...

АВТОМОБИЛИСТ. Я пырну тебя ножом в живот...

СКАЗОЧНИК (*дрожит*). О-о-о...

АВТОМОБИЛИСТ. Потушу сигарету о твои губы...

СКАЗОЧНИК (*дрожит*). О-о-о...

МЕРИ (*стонет*). О-о-о... Сигарету о губы...

АВТОМОБИЛИСТ (*спокойным тоном*). И, чтобы со всем этим покончить, выброшу тебя в окно.

СКАЗОЧНИК (*падает на колени*). Ради бога, не делайте этого!

АВТОМОБИЛИСТ. Ага, ты боишься! Ты не хочешь этого! Так давай письмо!

Сказочник достает из кармана письмо и протягивает автомобилисту.

МЕРИ (*хлопая в ладоши*). Вот оно, мое письмо! (*Хочет взять его у автомобилиста.*)

АВТОМОБИЛИСТ. Подожди, это потом. (*Сказочнику, тоном школьного учителя.*) А сейчас встань и расскажи нам, зачем ты это сделал.

МЕРИ. Да, пусть он расскажет.

СКАЗОЧНИК (*встает с колен и немного приободря-*

ется). Я приревновал Мери-Энн к студенту и потому взял письмо.

АВТОМОБИЛИСТ. А почему ты приревновал к нему Мери?

СКАЗОЧНИК. Она так хвалила его, говорила, что он идеальный любовник и талантливый студент.

АВТОМОБИЛИСТ. И ты позавидовал ему?

СКАЗОЧНИК. Да.

АВТОМОБИЛИСТ. Ревность дурное чувство и зависть тоже.

МЕРИ (*осуждающе*). Он позавидовал его успеху у женщин!

ПРИНЦ (*осуждающе*). Он позавидовал его успеху в науках!

АВТОМОБИЛИСТ (*назидательно*). Слышишь, что говорят твои товарищи. Ты понимаешь теперь, что ты сделал?

МЕРИ (*пожалев сказочника*). Не надо осуждать его слишком строго. Я знаю, что у него очень тяжелая домашняя обстановка: ему постоянно устраивают скандалы и всячески тиранят его. Это дурное влияние семьи толкнуло его на такой шаг, а теперь он раскаивается. Он больше не будет.

АВТОМОБИЛИСТ (*строго*). Подожди. Пусть он сам нам ответит, понимает ли он, что сделал.

СКАЗОЧНИК (*с готовностью*). Да, понимаю. Я больше не буду.

АВТОМОБИЛИСТ. Сомневаюсь. Вспомни, как ты поливал грязью студента, как ты издевался над его научной работой. Не удивительно, что ты захотел похитить его письмо и повредить ему. (*С пафосом.*) Да понимаешь ли ты, на что ты посягал! Раз встав на этот путь, ты уже шел до конца! Ведь ты понимал, что, вредя студенту, ты вредишь тем самым развитию химического машиностроения! Что пытаешься дискредитировать растущие научные кадры, ты ставишь под угрозу выполнение наших планов! Или ты не знаешь, что значит для нас химическое машиностроение?!

СКАЗОЧНИК (*всхлипывает*). Я знаю... Я не хотел посягать...

АВТОМОБИЛИСТ. Ах, ты не хотел. А как ты докажешь это?

СКАЗОЧНИК (*всхлипывает*). Я докажу... Я искуплю свою вину...

АВТОМОБИЛИСТ. Чем?

СКАЗОЧНИК (*придумывает, чем искупить вину*). Я напишу сказку о химическом...

АВТОМОБИЛИСТ. Это не то. Здесь нужна не сказка, мы не дети. (*Подсказывает.*) Нужен лозунг, призыв.

СКАЗОЧНИК (*силится*). Да здравствует... Да здравствует...

АВТОМОБИЛИСТ (*нетерпеливо*). Ну!

СКАЗОЧНИК (*с внезапным озарением творческого*

работника). Да здравствует химическое машиностроение!

АВТОМОБИЛИСТ (*одобрительно*). Это другое дело. А ну-ка еще раз!

СКАЗОЧНИК. Да здравствует химическое машиностроение!

АВТОМОБИЛИСТ. Громче! Или ты не радуешься нашим успехам?!

СКАЗОЧНИК (*кричит*). Да здравствует химическое машиностроение! (*Вдохновляясь*.) Да здравствует техническая интеллигенция!

АВТОМОБИЛИСТ (*тоном отца-командира*). Молодец. Водку пьешь?

СКАЗОЧНИК (*стыдливо*). Пью иногда.

АВТОМОБИЛИСТ. А коньяк пробовал?

СКАЗОЧНИК (*почтительно*). Не приходилось.

АВТОМОБИЛИСТ (*наливает ему коньяк из бутылки*). На, выпей. (*Сказочник робеет*.) Пей, пей, не стесняйся.

СКАЗОЧНИК (*выпивает залпом, тоном бравого солдата*). Да здравствует техническая интеллигенция!

АВТОМОБИЛИСТ (*Мери и принцу*). А вы что молчите? Или вас это не касается?!

МЕРИ (*опешившая, неуверенным голосом*). Да здравствует химическое машиностроение!

АВТОМОБИЛИСТ. Ну, все хором! (*Дирижирует левой рукой.*)

МЕРИ и СКАЗОЧНИК (*вразнобой*). Да здравствует химическое машиностроение! Да здравствует техническая интеллигенция!

Принц молчит.

АВТОМОБИЛИСТ. А тебе что, требуется особое приглашение?! Почему ты не кричишь?

ПРИНЦ (*с достоинством*). Я принц. Мне не позволяет кричать мое достоинство.

АВТОМОБИЛИСТ (*в ярости*). Щенок! Я знаю цену этой демагогии о человеческом достоинстве! Мы не потерпим среди нас маловеров и нытиков! (*Мери и сказочнику.*) Выбросьте его в окно!

МЕРИ (*неуверенно*). Но все же он принц, он иностранец.

АВТОМОБИЛИСТ. Ничего. Иностранцы тоже люди. Давайте!

Мери-Энн и сказочник колеблются.

АВТОМОБИЛИСТ (*нетерпеливо*). Ну!

Мери-Энн и сказочник берут несопротивляющегося принца за ноги и за руки.

АВТОМОБИЛИСТ. Начали! (*Дирижирует левой рукой. Мери-Энн и сказочник раскачивают принца.*) Раз... два... три!

Мери-Энн и сказочник выбрасывают принца в окно. Не удаляющийся, а нарастающий шум падающего тела. Громкий шлепок.

СКАЗОЧНИК. **Готов!**

АВТОМОБИЛИСТ (*удовлетворенно*). Теперь нам никто не помешает. Давайте хором! (*Дирижирует.*)

МЕРИ и **СКАЗОЧНИК**. Да здравствует химическое машиностроение! Да здравствует техническая интеллигенция!

Мери-Энн неожиданно всхлипывает.

АВТОМОБИЛИСТ (*в ярости*). Что это такое?!

МЕРИ (*всхлипывая*). И все-таки мне его жалко...

АВТОМОБИЛИСТ (*в ярости*). Это саботаж! (*Сказочнику.*) Выброси в окно эту идиотку!

Сказочник хватается за Мери-Энн и тащит к окну.

МЕРИ (*отбивается*). Пусти! Я больше не буду! Пусти!

СКАЗОЧНИК (*тяжело сопит*). Нет, будешь! Нет, будешь!

МЕРИ (*хватаясь за раму*). Пусти! Что ты делаешь! Я хочу жить! Я хочу жить! Я молодая! Я красивая! Посмотрите, какие у меня ножки!

АВТОМОБИЛИСТ (*неумолимо*). Но у тебя плоский зад!

Заслышав его голос, сказочник на мгновение отпускает Мери-Энн.

МЕРИ (*стоя на подоконнике*). Это ложь! Смотрите, какой у меня обольстительный зад! (*Поворачивается спиной и выпячивает зад.*)

АВТОМОБИЛИСТ. Глупости! (*Делает знак сказочнику.*)

Сказочник дает Мери-Энн пинок в зад.

МЕРИ. А-а-а!!!

Снова нарастающий шум. Громкий шлепок.

СКАЗОЧНИК. Готова!

АВТОМОБИЛИСТ. А теперь покажи класс! Тебе придется кричать за троих.

СКАЗОЧНИК. Да здравствует химическое машиностроение! Да здрав... (*Срывается и хрипит: от волнения и крика он насадил голос.*)

АВТОМОБИЛИСТ (*раздраженно*). Давай же!

СКАЗОЧНИК. Да здра... (*Хрипит.*)

АВТОМОБИЛИСТ (*в ярости*). Негодяй! Ну погоди! Дай мне только подняться – я и тебя выброшу в окно! Дай мне только подняться!

Сказочник дрожит.

Занавес

1964,
Москва

Сказка про белого бычка

Пьеса в одном действии

*Действующие
лица*

Ники

Коки

Мать

Дочь

Продавщица

Маленький магазин игрушек. Прямо – вход в магазин и стеклянная витрина. Через нее видна улица. Справа – небольшой прилавок и полки с игрушками. Слева – два кресла около маленького столика. За прилавком продавщица, хорошенькая девушка. Она зеваает и потягивается: ей очень скучно. Сквозь витрину видно, как справа появляются Ники и Коки, молодые люди лет двадцати пяти, подталкивают друг друга локтями и показывают глазами на продавщицу. Та принимает строгий вид. Ники и Коки входят в магазин. Ники смотрит на игрушки, потом на продавщицу. Так [?]поторгается несколько раз.

НИКИ (Коки). Ну, что ты мне посоветуешь?

КОКИ. Ты можешь купить вот эту куклу. (Указывает на куклу.)

НИКИ. Эту? Но она совсем голая.

КОКИ. Голая? Ну и что?

НИКИ (он озадачен). Но мы не знаем даже, мужчина эта кукла или женщина.

КОКИ (не хочет забегать вперед). В свое время мы все узнаем. (Объясняет продавщице.) У его маленькой сестренки сегодня день рождения. (Продавщица кивает, Коки воодушевляется.) У него есть сестренка, она такая вот маленькая. Ей пять лет. (Продавщица кивает, Коки еще более воодушевляется.) Она еще не говорит, но уже ходит. Конечно, родители уделяют главное внимание ей, и Ники их очень ревнует. Вы даже не подозреваете, насколько он болезненно чувствителен и как все переживает. Самая ничтожная мелочь может стать для него источником страданий.

НИКИ. Пожалуй, ты прав. Остановимся на этой.

(*Снова в нерешительности.*) Но как ты думаешь, она понравится сестре?

КОКИ (*он не хочет принимать на себя ответственности*). Трудно сказать так сразу.

НИКИ (*соглашается*). Да, сразу сказать трудно.

КОКИ (*более определенно*). Если она ей не понравится, тогда останется нам.

НИКИ. Нам? Зачем она нам?

КОКИ. Мы сможем играть в нее не хуже твоей сестры. Даже лучше, мы как-нибудь постарше и поумней.

НИКИ (*он колеблется*). Ты думаешь? Но во что играть?

КОКИ. Мало ли игр, в дочки-матери хотя бы. (*Желая увлечь Ники.*) Посмотри, какая она красивая.

НИКИ (*все еще колеблется*). Но интересно, сколько она стоит?

КОКИ (*соглашается*). Да, это очень интересно.

НИКИ (*указывая глазами на продавщицу*). Спроси ее, сколько она стоит.

КОКИ. Почему я? Спроси сам.

НИКИ. Ты же знаешь, как тяжелы мне всякие разговоры с незнакомыми людьми. Особенно с продавцами: это очень грубые и неделикатные люди.

КОКИ (*заигрывая с продавщицей*). Зачем же мазать всех черной краской. Не все продавцы на одно лицо.

НИКИ. Я не могу рисковать. Ты же знаешь, как я чувствителен к малейшей грубости.

КОКИ. Я тоже чувствителен.

НИКИ. Я более чувствителен.

КОКИ. Но сейчас твоя очередь. Я спрашивал в прошлый раз.

НИКИ. Значит ты уже заговорил с ней. Тебе будет легче это снова сделать.

КОКИ (*лезет в бутылку*). Мне не трудно, но раз мы договорились, что будем спрашивать по очереди...

ПРОДАВЩИЦА (*перебивая*). Эта кукла стоит десять рублей.

НИКИ. Десять рублей?! Но это совсем не дешево.

КОКИ. Это просто дорого.

НИКИ (*он подошел к делу с другой стороны*). Но, видимо, не спроста за нее берут такие деньги...

КОКИ. Да, явно не спроста.

ПРОДАВЩИЦА (*нетерпеливо*). Значит, вы берете ее?

НИКИ. Коки, мы ее берем?

КОКИ. Решай сам. Твоя сестра, а не моя.

НИКИ. Но ты же знаешь, как мне трудно принимать решения.

КОКИ. Мне тоже трудно принимать решения.

НИКИ. Но мне трудней.

КОКИ. Сейчас твоя очередь принимать решение. Я принимал, когда мы выбирали подарок твоей маме.

НИКИ. Вот видишь, ты уже привык принимать решения, тебе будет легко это сделать.

КОКИ (*обиженно*). За других всегда просто говорить, легко им или не легко.

ПРОДАВЩИЦА (*видно, что она заинтересована в покупке*). Я вам советую купить эту куклу. Она умеет открывать и закрывать глаза.

НИКИ (*почти уверенный*). В таком случае мы ее покупаем.

КОКИ (*с укоризной*). Вот решил же – не умер!

ПРОДАВЩИЦА (*она заинтересована в покупке, но не желает в то же время показаться навязчивой таким чувствительным людям*). Но если она вам все же не очень нравится или кажется слишком дорогой, вы можете купить что-нибудь подешевле. Например, эту куклу. (*Показывает другую куклу.*)

НИКИ (*неожиданно со слезами в голосе*). Вы сами кукла! Холодная и бездушная кукла! Сначала вы говорите, чтоб мы покупали, а потом, когда мы уже совсем решили купить, вы говорите нам, чтоб мы не покупали, и совсем сбиваете нас с толку! Вы бездушно играете с нами! Можно подумать, что мы для вас не люди, а... (*подыскивает слова*) игрушки!

КОКИ. Не говори все время 'мы'. Говори 'я'. Ведь это ты покупаешь куклу, а не я.

НИКИ (*обиженно*). Я говорю 'мы', потому что считаю тебя своим другом.

КОКИ (*он растроган*). Спасибо, я всегда верил в твою дружбу.

НИКИ. Еще бы. Ты помнишь, сколько нам пришлось пережить вместе...

КОКИ. Да, помню... А ты помнишь?

НИКИ. Помню...

КОКИ (*желая, чтоб и продавщица не осталась безучастной*). Да, мужская дружба много значит. Прошу вас, не сердитесь на него за эту вспышку. В действительности он совсем не такой. Просто он очень легко раним и пытается скрыть свои настоящие чувства под напускной грубостью и суровостью. Вот вы увидите, у него нежное и любящее сердце. Может быть, именно в этот момент он проклинает себя за то, что накричал на вас.

ПРОДАВЩИЦА (*миролюбиво*). Пустяки. Я не сержусь.

КОКИ (*Ники*). Ну вот, все улажено. (*Отдавая теперь ему должное.*) А это ты замечательно сказал: мы люди, а не игрушки! Мне очень нравится в тебе чувство человеческого достоинства.

НИКИ (*устало*). Я предпочел бы не иметь этого чувства. Слишком дорого оно обходится мне.

КОКИ. Во всяком случае совсем не дешево.

ПРОДАВЩИЦА (*она хочет решить вопрос с куклой*). Так какую куклу вы берете – голую или одетую?

КОКИ (*переспрашивает в раздумье*). Куклу голую или куклу одетую?

НИКИ (*переспрашивает в раздумье*). Куклу-женщину или куклу-мужчину?

КОКИ (*вопросительно*). Голая – женщина, а одетая – мужчина?

НИКИ. Скорее, голая – мужчина, а одетая – женщина.

Выкрикивают, наступая друг на друга.

КОКИ. Голая – женщина!

НИКИ. Голая – мужчина!

КОКИ. Женщина! Женщина!

НИКИ. Мужчина! Мужчина!

КОКИ. Одетая – мужчина!

НИКИ. Одетая – женщина!

КОКИ. Голая! Голая!

НИКИ. Одетая! Одетая!

КОКИ. Голая – одетая!

НИКИ. Одетая – голая!

КОКИ. Женщина – мужчина!

НИКИ. Мужчина – женщина!

КОКИ (*внезапно успокаивается*). Вот видишь, Ники, из-за твоего упрямства ты все напутал. Теперь ничего нельзя понять.

НИКИ (*с византийским лукавством разыгрывает мнимое уничижение*). Ты прав, Коки. Выберем ту, которую ты посоветуешь.

КОКИ (*желая быть галантным*). Одетую. На ней платье, как на нашей продавщице.

Продавщица польщена.

НИКИ. Но у голой прическа, как у нашей продавщицы.

Продавщица смущена.

КОКИ. Тогда не знаю, решай сам.

НИКИ (*его мысли приняли новое направление*). И глаза, как у нашей продавщицы...

КОКИ. Ты преувеличиваешь.

НИКИ (*продолжает*). И нос...

КОКИ. Ну уж и нос!

НИКИ. И губы...

КОКИ. Что-то не похоже!

НИКИ. И шея...

КОКИ. Это ты хватил!

НИКИ (*более определенно*). И такие же прекрасные уши!

ПРОДАВЩИЦА. Вы смеетесь надо мной.

КОКИ. Ты над ней смеешься.

НИКИ. Скажи ей, что я не смеюсь.

КОКИ. Скажи сам. Почему все должен делать я?

НИКИ. А почему я?

КОКИ. Потому что ты все это придумал.

НИКИ. Я придумал? Что из этого?

КОКИ. А то, что стоит тебе палец в рот положить, как ты норовишь отхватить всю руку.

НИКИ (*увлеченно*). И такие же, как у нее, тонкие руки и длинные музыкальные пальцы.

КОКИ (*смотрит на продавщицу*). У нее вовсе толстые руки и корявые пальцы.

Продавщица прячет руки за спину.

НИКИ (*продолжает свое*). И такая же девичья высокая грудь.

ПРОДАВЩИЦА. Прекратите, пожалуйста, или я рассержусь.

НИКИ (*не слушая*). И такие же стройные ноги.

КОКИ. Прекрати, или она рассердится. У нее вислая грудь и кривые ноги.

НИКИ (*удивленно*). Она на меня сердится?

КОКИ. Да, очень. Она даже не хочет на тебя смотреть. Видишь, она отвернулась. (*Продавщица и не думала отворачиваться.*) Возьми свои слова обратно, если ты не хочешь неприятностей.

НИКИ (*закрывает лицо руками*). Нет, я не могу этого сделать!

КОКИ (*удивленно*). Почему?

НИКИ. Я ее люблю.

КОКИ (*апеллирует к здравому смыслу Ники*). Но ведь пять минут назад ты ее не любил.

НИКИ. А теперь полюбил.

Продавщица хихикает.

КОКИ (*уточняет*). Я правильно тебя понял? Ты полюбил продавщицу?

НИКИ. Да. Скажи ей это.

КОКИ. Сам скажи.

НИКИ. Но теперь твоя очередь говорить.

КОКИ. Разве моя?

НИКИ. Да, ведь только что я с ней говорил. Скажи ей, что я люблю ее больше жизни.

Продавщица, как все женщины, нетерпеливо ожидает объяснения в любви.

КОКИ (*потеряв терпение, грубо продавщице*). Он вас любит.

Продавщица делает вид, что смущена.

КОКИ (*Ники*). Вот, сказал. Это все?

НИКИ. Что она ответила?

КОКИ (с торжеством). Ничего.

НИКИ. Это разрывает мне сердце.

КОКИ (продавице, не желая упустить случай лишний раз показать свою правоту). Видите, я же говорил вам, что под напускной суровостью он скрывает нежное и любящее сердце.

НИКИ. Скажи ей еще раз, что я люблю ее.

КОКИ. Теперь твоя очередь.

НИКИ. Но я слишком чувствителен для таких объяснений.

КОКИ (грубо). А если чувствителен, то не стоило и начинать!

НИКИ (грубо). А вот сейчас посмотрим, стоило или не стоило. (Продавице.) Я вас очень люблю. Скажите же мне что-нибудь.

ПРОДАВЩИЦА (у нее есть готовый трафарет). Мы так мало знаем друг друга...

КОКИ. Вот видишь. Вы слишком мало знаете друг друга. Еще вчера ты даже не знал о ее существовании.

НИКИ (грустно). Да, это было вчера.

КОКИ (уточняет). А также позавчера, третьего дня и все дни до сегодняшнего.

НИКИ (он удивлен). О, как долго, однако, мы не видели друг друга и томились в разлуке. (Смотрит на продавщицу.)

ПРОДАВЩИЦА (*романтично*). Любовь проверяется разлукой.

КОКИ (*Ники*). Уверен ли ты, что твоя любовь выдержала это испытание?

НИКИ (*неуверенно*). Уверен ли я? А ты как думаешь?

ПРОДАВЩИЦА (*обиженно*). Интересно, что вы сами об этом думаете, ведь это вы в меня влюблены, а не он.

КОКИ. Да, это ты влюблен, а не я.

НИКИ. Зачем вы спрашиваете меня?! Вы же знаете, как мне трудно отвечать на вопросы.

КОКИ (*назидательно*). Не нужно бояться трудностей. Развивай в себе волю и смелость. Будь мужчиной.

НИКИ. Легко сказать – будь. А как это сделать?

КОКИ. Чтобы закалить свою волю, ты можешь по утрам обливаться холодной водой.

ПРОДАВЩИЦА. Делать зарядку.

КОКИ. Заниматься спортом. Например, боксом.

ПРОДАВЩИЦА. Или фехтованием.

КОКИ. Или играть в футбол.

ПРОДАВЩИЦА. В волейбол.

КОКИ. В баскетбол.

ПРОДАВЩИЦА. В гандбол.

КОКИ. В бадминтон.

ПРОДАВЩИЦА. В крокет.

КОКИ. Удить рыбу.

ПРОДАВЩИЦА. Ходить на охоту.

КОКИ. Колоть дрова.

ПРОДАВЩИЦА. Сажать деревья.

КОКИ. Поливать цветы.

ПРОДАВЩИЦА. Мести пол.

КОКИ. Мыть посуду.

ПРОДАВЩИЦА. Штопать носки.

КОКИ. Нянчить детей.

НИКИ (*растерявшийся под этим натиском*). Но с чего начать?

КОКИ (*спокойным тоном*). А это ты решаешь сам. Ведь это ты хочешь стать мужчиной, а не я.

В этот момент в магазин входят молодая женщина с девочкой: мать и дочь. Если пьеса когда-нибудь будет поставлена, вовсе не обязательно, чтобы дочь играла девочка. Это может быть взрослая девушка небольшого роста. Не нужно точного подобия маленькой девочки, но пусть она будет одета в детское платьице и иногда ведет себя, как пятилетняя девочка. Ники, Коки и продавщица молча смотрят на вошедших. Дочь восхищенно смотрит на игрушки.

МАТЬ (*дочери*). Ну, какую куклу ты хочешь, моя мышка? (*Объясняет продавщице.*) Сегодня день ее рождения, ей исполнилось пять лет, и я обещала подарить ей куклу.

Ники с интересом смотрит на мать.

КОКИ (*заигрывая с матерью*). Это ваша дочь, не правда ли? Вы обещали подарить ей куклу? (*Мать кивает, Коки воодушевляется.*) О щедрые материнские сердца! Моя мать тоже, я помню, ничего для меня не жалела. (*Заигрывая с дочерью.*) Какая милая девочка. Но хорошо ли она вела себя в этом году? Слушалась ли маму? Не делала ли ночью в постельку?

МАТЬ. О, нет, нет. (*Вопросительно дочери.*) Этого ведь с нами не случается?

ДОЧЬ. Случается и не это.

Коки с интересом смотрит на дочь.

ПРОДАВЩИЦА (*у нее большой запас ходячих мыслей*). Да, в жизни всякое случается.

КОКИ (*философски*). Жизнь слишком сложная штука, чтобы все можно было предусмотреть, не так ли?

МАТЬ. Я согласна с вами. Знание жизни приходит только с годами.

КОКИ (*матери, желая быть галантным*). В таком случае вам еще очень далеко до него. (*Продавице из вежливости.*) И вам тоже далеко.

НИКИ (*он хочет показать себя с выгодной стороны*). Пожалуй, Коки, одному мне не далеко, потому что я с детства выбрал правильный путь. Скажи им это.

КОКИ (*не желая спорить*). Да, тебе уже не далеко.

МАТЬ (*дочери*). Слышишь, мышка, что говорит дядя? Выбирать дорогу в жизни нужно с детства.

ДОЧЬ (*перебивает*). Я хочу вот эту куклу!

ПРОДАВЩИЦА. Но эту, кажется, уже выбрали молодые люди.

КОКИ (*дочери*). Мы можем уступить тебе эту куклу. Тем более, что мы ее еще не совсем выбрали. Правда, Ники?

НИКИ (*матери*). Конечно, мы охотно уступим вам эту куклу, тем более, что мы еще не решили окончательно, берем ли мы ее. Правда, Коки?

КОКИ (*продавщице*). Видите, вот еще пример, какое у него доброе сердце: он уступает свою любимую куклу. Таким сердцем нельзя играть.

ПРОДАВЩИЦА (*покорно*). Я не буду играть.

НИКИ (*Коки, кивая на мать*). Скажи и ей, чтоб она тоже не играла.

КОКИ (*матери*). И вы тоже не играйте.

МАТЬ. Хорошо, не буду.

КОКИ (*Ники удовлетворенно*). Ну, все в порядке. Ты видишь теперь, что я настоящий друг. (*Объясняет матери.*) Он влюбился в продавщицу и теперь не находит себе места. Он даже сказал мне, что не считает меня своим другом, а ведь мы дружим с ним с самого детства. Мы вместе ходили в детский сад, и однажды я объелся там малины и

меня вырвало прямо за столом. Моя мама сразу же потащила меня к доктору. Всякие желудочные заболевания очень опасны в детском возрасте, не правда ли?

МАТЬ (дочери). Слышишь, мышка, что говорит дядя? Желудочные заболевания особенно опасны в детстве.

ДОЧЬ (перебивает). А глаза у нее закрываются?

КОКИ (берет куклу). Можно посмотреть.

ДОЧЬ (решительно взяв Коки за руку). Давай посмотрим. (Тянет его к столу.) Пойдем посмотрим, закрываются ли у нее глаза.

Удивленный Коки идет за ней. Мать, Ники и продавщица остаются у прилавка. Отныне действие будет переходить от одной группы к другой: пока, например, разговаривают Коки и дочь, мать, Ники и продавщица молча ждут своей очереди и наоборот. Сейчас действие происходит у столика.

ДОЧЬ (садится в кресло и начинает укачивать куклу). Баю-бай... Баю-бай...

КОКИ (тоном взрослого). Ну как, закрываются глаза?

ДОЧЬ (сурово). Закрываются и открываются.

КОКИ (тоном взрослого). Ну, вот хорошо. Теперь ты можешь в нее играть.

ДОЧЬ (решительно). Мы будем играть вдвоем.

КОКИ. Вдвоем?

ДОЧЬ (*решительно*). Ну да. Хочешь играть в дочки-матери?

КОКИ (*недоуменно*). Но кто же из нас будет дочкой и кто матерью?

ДОЧЬ. Я буду матерью, а она (*указывает на куклу*) дочкой.

КОКИ (*недоуменно*). А кем же буду я?

ДОЧЬ. Там посмотрим.

Действие переходит.

МАТЬ (*нежно*). Посмотрите, они уже играют вместе, словно старые друзья. Просто удивительный случай: моя мышка обычно очень застенчива и даже не разговаривает с посторонними людьми.

НИКИ. Я понимаю ее. Я сам очень застенчив. Коки наоборот очень развязен и самоуверен.

МАТЬ. Ну, мне он показался очень милым мальчиком. Именно такого приятеля я и хотела бы для дочери. Он ваш племянник?

НИКИ. Нет, он уже не так юн. Он даже вдвое старше меня.

МАТЬ. Что вы говорите! Я думала, вы гораздо старше, вы обнаружили такую зрелость в ваших суждениях о жизни. (*Продавщице.*) Как порой трудно бывает определить возраст!

ПРОДАВЩИЦА. Говорят, что мужчине столько лет, сколько ему дает женщина, а женщине столько, сколько она дает себе сама.

НИКИ (*недоверчиво*). Ну, сама женщина себе много не даст. (*В продолжение следующей сцены он молча смотрит то на мать, то на продавщицу, как бы сравнивая их.*)

МАТЬ (*разочарованно*). Вот как вы о нас думаете...

ПРОДАВЩИЦА (*сурово*). Вот как вы о нас, оказывается, думаете.

МАТЬ (*уязвленно*). Вы думаете о нас хуже, чем мы есть на самом деле.

ПРОДАВЩИЦА (*обиженно*). Вы плохо нас знаете, а уже говорите о нас всякие гадости.

МАТЬ (*строго*). Если у вас такие знакомые, не нужно на этом основании мазать черной краской всех женщин.

ПРОДАВЩИЦА (*ей представилась возможность высказать еще одну ходячую мысль*). Нужно уметь выбирать себе знакомых.

МАТЬ. Конечно, если общество каких-нибудь сомнительных девиц вам дороже общества порядочных женщин...

ПРОДАВЩИЦА (*с горечью*). Я чувствую, что они ему дороже... (*Матери.*) А мне он говорил совсем о другом.

МАТЬ (*грустно*). Ну да, он говорил вам, вероятно, что любит вас.

ПРОДАВЩИЦА. Да, он говорил, что любит меня больше жизни.

МАТЬ. И вы поверили ему?

ПРОДАВЩИЦА (*почти шепотом*). Да, поверила...

МАТЬ (*грустно*). Бедное дитя... И я в ваши годы была так же доверчива, я еще не знала тогда, что самое сильное чувство в мужчине это вовсе не любовь, а... (*многозначительно*) эгоизм.

Действие переходит.

ДОЧЬ (*Коки*). Скажи мне, ты понимаешь что-нибудь в чувствах?

КОКИ (*он сбит с толку*). В каких чувствах?

ДОЧЬ (*скромно*). В любви.

КОКИ (*тоном взрослого*). Это сложный вопрос.

ДОЧЬ. Что же тут сложного! Ты сам был влюблен в кого-нибудь?

КОКИ. Я? (*Припоминает.*) Кажется, нет.

ДОЧЬ. А Ники?

КОКИ. Ники? (*Припоминает.*) Кажется, тоже нет.

ДОЧЬ. А я слышала, что он любит продавщицу.

КОКИ (*соглашается*). Да, он очень ее любит и будет любить до самой смерти.

ДОЧЬ. А как он будет любить ее?

КОКИ (*делает неопределенный жест*). Ну, будет любить... как это обычно делается.

ДОЧЬ (*уточняет*). Он будет щипать ее за попку, да?

КОКИ. Пожалуй, пожалуй, что и за... это место.

ДОЧЬ (*с особой интонацией*). Знаешь что?

КОКИ (*взволнованный*). Что?

ДОЧЬ. Помнишь, как я вошла сюда вместе с мамой?

КОКИ. Да, помню, ты еще была в таком голубом платье.

ДОЧЬ. С открытой шеей, да?

КОКИ. Да, с открытой шеей.

ДОЧЬ. Ты стоял с твоим другом и даже не посмотрел на меня.

КОКИ. Нет, я сразу заметил тебя, но не решился заговорить.

ДОЧЬ. А потом, помнишь, как ты спросил меня?

КОКИ. Да, помню... А ты помнишь?

ДОЧЬ. Помню...

КОКИ (*мечтательно*). А помнишь, как мы встретили старика с собакой?

ДОЧЬ. Мы сидели с тобой на почте, и вдруг он вошел.

КОКИ. Ты была еще в твоём красивом сером платье, которое я так любил.

ДОЧЬ. Это с оборками, да?

КОКИ. Да, с оборками.

ДОЧЬ. Я так тогда испугалась, ты сказал: не бойся, я с тобой.

КОКИ. Ты помнишь?

ДОЧЬ (*нежно*). Да, помню. (*Робко.*) Знаешь что... если ты хочешь... (*решается*) ты можешь ущипнуть меня за попку.

КОКИ (*он растерялся*). Ты думаешь? Если ты находишь, что это необходимо...

ДОЧЬ (*надменно*). Не надо, если не хочешь. (*Качая куклу, ей тихо.*) Спи, моя доченька. Баю-бай, баю-бай... (*Все время до конца пьесы она продолжает укачивать куклу, но ее почти не слышно.*)

Действие переходит.

ПРОДАВЩИЦА (*ее мысль мучительно работала над последней фразой матери*). Да, есть только два сильных чувства: женская любовь и мужской эгоизм.

НИКИ (*как бы про себя*). Эти банальные суждения, выдаваемые за собственные мысли... Припадки чувственности, которые она называет любовью... Слащавое сюсюканье, прикидывающееся нежностью... И вдобавок ее глупая ревность... Боже мой, как я был слеп! Но эти два года многому научили меня... Я помню нашу первую встречу, крашенные рыжие волосы, вырез платья, длинные ногти... Потом почти всегда черные... (*Продавщица прячет руки.*) Каким смешным теперь все это кажется.

ПРОДАВЩИЦА (*Ники*). Что ты говоришь? Я не узнаю тебя. Раньше ты так не говорил!

НИКИ. А теперь заговорил.

ПРОДАВЩИЦА. Но все, пережитое нами вместе, наши радости, огорчения, слова, которые ты шептал мне, неужели это ничего не значит для тебя?

НИКИ. Ничего.

ПРОДАВЩИЦА (*грустно*). Ты не любишь меня больше?

НИКИ. Не люблю.

ПРОДАВЩИЦА (*грустно*). А ведь ты говорил – на всю жизнь.

НИКИ. К чему эти бессмысленные упреки, эти ужасные слова: на всю жизнь, навсегда, никогда... Не будем мучить друг друга. Я полюбил другую женщину. (*Быстро*.) Пойми меня: она ближе мне: по интеллекту, по своим взглядам, даже по возрасту.

ПРОДАВЩИЦА (*грустно*). Даже по возрасту?

НИКИ. Да, она старше тебя, у нее есть дочь, я постараюсь заменить ей отца, я куплю ей куклу с закрывающимися глазами.

ПРОДАВЩИЦА (*грустно*). С закрывающимися и открывающимися?

НИКИ (*твердо*). Да, и с открывающимися. Мы втроем будем играть в дочери-матери.

ПРОДАВЩИЦА (*грустно*). И кто же из вас будет дочкой и кто матерью?

НИКИ. Моя любимая и ее дочь.

ПРОДАВЩИЦА (*ревниво*). И ты будешь целовать эту женщину?

НИКИ. Да. Я буду целовать ее в плечи, а потом в грудь.

ПРОДАВЩИЦА (*грустно*). Даже в грудь?

НИКИ (*гордо*). Да.

ПРОДАВЩИЦА. Но скажи, кто она? Ты раньше ничего не говорил о ней.

МАТЬ. Но скажите, кто она? До сих пор мы ничего о ней не слышали.

НИКИ (*матери*). Неужели вы еще не догадываетесь? Я все время говорю о вас, я люблю вас.

Продавица заливается слезами.

МАТЬ (*строго*). Видите ли, мне уже не семнадцать лет, чтобы я могла поверить в любовь с первого взгляда.

НИКИ (*говорит бессвязно, время от времени поднимая руки, словно хочет обнять ее*). О нет, не с первого... Я видел вас раньше, два года назад, третьего дня, вчера... Я всю жизнь ждал вас... Вы должны понять меня... Вы не знаете, что значит непрерывная цепь неудач... Несчастливая любовь... Измена друзей... Одиночество, столь полное, что не с кем было сказать двух слов... Поймите мое

отчаяние... Все надежды... они разбивались одна за другой... Мне казалось временами, что незачем жить... И вдруг появляется вы... Какой глубокий смысл получило все сразу... Разве я смогу теперь жить без вас... Вы значите для меня все... все...

МАТЬ (*она еще не знает, как повести себя*). Я вижу, я понимаю, вас, но, право...

КОКИ (*он подошел ближе, неожиданно перебивает*). Ники, можно тебя на минутку?

НИКИ. Что такое? Зачем? Ты же видишь, что меня сейчас никак нельзя беспокоить. (*Со слезами в голосе.*) Твоя неделикатность поистине безмерна, ты ни в чем не знаешь меры, вспомни хотя бы, как ты объелся малины.

КОКИ. Какая там малина! Это важное дело, касающееся в первую очередь тебя. (*Матери, с претензией на хорошие манеры.*) Простите, мы на одну минуту. (*Отводит Ники в сторону.*)

НИКИ. В чем дело?

КОКИ. Я должен тебя предостеречь. Это мой долг как твоего друга.

НИКИ (*с опаской*). Предостеречь? А что такое?

КОКИ. Я хочу предостеречь тебя относительно этой женщины.

НИКИ. Не смей так говорить о ней! Это святая женщина.

КОКИ. Ники, ты жестоко ошибаешься. Я не хотел говорить тебе сразу, чтоб не волновать тебя. Я знаю ее.

НИКИ (*волнуется*). Да? Кто она?

КОКИ. Помнишь, я рассказывал тебе о женщине, которая соблазнила меня, когда мне было четырнадцать лет?

НИКИ. Да.

КОКИ. Это она. Она была подругой моей матери и иногда заходила к нам вместе со своим мужем, профессором древнегреческой литературы. Ты не читал его книгу об античных мифах?

НИКИ (*сокрушенно*). Не читал.

КОКИ. Прочти. Очень серьезное исследование. Оно переведено даже на немецкий язык, а ведь немцы славятся своей классической филологией.

НИКИ. Я включу ее в свой список книг для самообразования.

КОКИ (*отдавая должное Ники*). Это ты замечательно придумал. Мне очень нравится в тебе тяга к знаниям. (*С осуждением.*) А вот его жена совсем не интересовалась наукой, у нее в голове были одни мужчины.

НИКИ. Но тебе интересно с ней хотя бы было? Как это у тебя с ней обычно происходило?

КОКИ. Обычно она стояла у окна, облокотившись на подоконник, и смотрела, не идет ли муж. А я находился сзади, полуприкрытый занавеской.

НИКИ (*заинтересованно*). Замысловатая поза.

КОКИ. Это она научила меня, а ее, вероятно, муж как знаток античности. (*Вспоминает.*) Мы прини-

мали и не такие позы! Каким только гадостям она меня не учила! Потом мне это очень пригодилось.

НИКИ (*на нем уже сказалось знакомство с продавщицей: его тянет на общие места*). Век живи – век учись.

КОКИ (*грустно*). Больше у меня уже не было случаев научиться столь многому сразу.

НИКИ. Так значит тебе нравилось иметь с ней дело?

КОКИ (*тоном мальчика, желающего выглядеть мужчиной*). Как с женщиной, да.

НИКИ. А ты ей понравился? Что она сказала тебе после первого раза?

КОКИ (*с осуждением*). Она сказала, что у меня большой член, а что у меня большое сердце она даже не заметила!

НИКИ. Но это понятно, ведь ты был тогда еще маленьким ребенком.

КОКИ (*соглашается*). Да, совсем ребенком.

НИКИ. И ты только теперь вновь увидел ее?! Как долго вы томились в разлуке!

КОКИ (*назидательно*). Любовь проверяется разлукой.

НИКИ. Уверен ли ты, что ваша любовь выдержала это испытание?

КОКИ. Не совсем уверен. (*Оправдывается*). Она выдержала бы, если бы эта женщина не оказалась лесбиянкой.

НИКИ (*он патриот*). Как, разве в нашей стране существуют лесбиянки?!

КОКИ (*он тоже патриот*). К счастью, их осталось уже мало. Всего одна или две.

НИКИ (*потрясенный*). И именно она оказалась лесбиянкой?!

КОКИ (*уверенно*). Ну да. Мужчины ей просто омерзительны.

НИКИ (*все еще не верит*). Но ты сам говорил, что она была замужем.

КОКИ. Да, и ушла от мужа.

НИКИ. Но у нее есть дочь.

КОКИ. В действительности это дочь ее мужа от первого брака.

НИКИ (*никак не может поверить*). Раньше я читал об этом только в романах, но чтоб увидеть такое в жизни!...

КОКИ (*торжествующе*). Жизнь слишком сложная штука, чтобы все можно было предусмотреть, не так ли?

Действие переходит.

ПРОДАВЩИЦА (*она плакала, облокотившись на прилавок*). Нет, я не подозревала, я не подозревала, что жизнь так жестока... Все пронеслось, словно какой-то сон...

МАТЬ. Бедная девочка, вы еще плохо знаете, на что способны мужчины, потому и удивляетесь.

ПРОДАВЩИЦА. Хорошо вам говорить! Ведь он бросил меня ради вас!

МАТЬ (*грустно*). Меня он тоже успел бросить. Мы с вами в одинаковом положении, мое дитя. Мы две бедные покинутые женщины.

ПРОДАВЩИЦА (*содрогается*). Он просто страшный человек!

МАТЬ. Он садист! Он ненавидит женщин и видит смысл своего существования в том, чтобы причинять нам страдания, словно мы не люди, а... (*подыскивает слова*) игрушки.

ПРОДАВЩИЦА. Боже мой! Боже мой! Какой ужас! И мы чуть было не попали к нему в руки! (*Плачет.*)

МАТЬ. Ну, не плачь... Давай я осушу твои слезки, поцелую тебя в глазки (*целует*) и в носик...

ПРОДАВЩИЦА (*заподозрив нечто*). Ну уж сразу и в носик!

МАТЬ (*увлеченно*). И в губки... и в шейку... и в ушко...

ПРОДАВЩИЦА (*элегически*). Разве это сможет утешить меня в моем горе?

МАТЬ (*укоризненно*). Подумай и о моем горе тоже!

Действие переходит.

КОКИ. Вот так оно и бывает. (*Поэтично.*) Мы делаем один лишь шаг, и перед нами разверзается бездна...

НИКИ. Да, бездна... (*Помолчав.*) Ты знаешь, Коки, как я чувствителен и как принимаю все близко к сердцу. Мне кажется, еще чуть-чуть... и бездна... поглотит меня.

КОКИ (*торжественно*). Ники, крепись. Я еще не сказал тебе самого страшного.

НИКИ (*в ужасе*). Что еще? Что?!

КОКИ (*торжественно*). Эта женщина...

НИКИ. Женщина...

КОКИ. Которой ты чуть было не открыл свое сердце...

НИКИ. Мое большое сердце...

КОКИ. Ты знаешь, кто она?

НИКИ (*в ужасе*). Кто?!

КОКИ (*быстро*). Твоя переодетая сестра.

НИКИ. Моя сестра?! Не может быть! Она и ходить-то почти не умеет.

КОКИ. Но вот сумела же.

НИКИ. Но ведь еще утром она не умела говорить!

КОКИ. Но вот заговорила же, когда приперло.

НИКИ (*все еще не веря*). А девочка, где она взяла девочку?

КОКИ. В детском саду. Она попросила ее у воспитательницы на полчаса, чтобы маскарад был полный. Как видишь, все объясняется очень просто.

НИКИ (*в отчаянье*). Но зачем ей это понадобилось?

КОКИ. Она же ненавидит тебя. Ей все кажется, что родители любят тебя больше, чем ее. Вот она и придумала способ, чтобы проникнуть тебе в доверие и погубить тебя.

НИКИ (*в отчаяньи*). Ужасно! Это находится за пределами моего сознания!

КОКИ (*соглашается*). Да, это за пределами сознания. (*Подумав.*) Это все уже в подсознании.

НИКИ (*с надеждой на какой-то выход*). В подсознании?

КОКИ (*уверенно*). Да, в подсознании. Недаром же Фрейд сказал: ищите люки в подсознание.

НИКИ (*уцепившись за Фрейда, как утопающий за соломинку*). Да, да, ищите люки!

Оба мечутся по сцене и ищут.

КОКИ. Ищите двери!

НИКИ. Окна!

КОКИ. Щели!

НИКИ. Дыры!

КОКИ. Скважины!

НИКИ. Отверстия!

КОКИ. Лазейки!

НИКИ. Пробоины!

КОКИ (*перестает искать*). Нашел!

НИКИ. Нашел?

КОКИ. Нашел. Это сны.

НИКИ. Сны?

КОКИ. Сны. Через наши сны мы сумеем проникнуть в подсознание. (*Объясняет.*) Мы будем анализировать наши сновидения.

НИКИ (*он оживился*). Великолепно! Будем анализировать! Что тебе сегодня снилось?

КОКИ. Подожди, дай вспомнить... (*Припоминает.*) Я поднимаюсь в лифте... Помню ощущение подъема... Я не один: в лифте еще трое молодых людей... Они грубоваты на вид, но хорошо одеты... Ощущение опасности...

НИКИ. Подожди, что снилось мне... Ощущение опасности... Я в коридоре, ужасно узком и длинном... Двери, двери... Я открываю одну... Что-то переменилось: я не чувствую никакой угрозы... Наоборот: состояние полной свободы...

КОКИ. Лифт останавливается... Так и есть: они не хотят пускать меня... Я понимаю, чего они хотят... Я сопротивляюсь... Унизительное ощущение беспомощности, какое бывает только во сне...

НИКИ. Комната с круглым столом... С дивана поднимается мальчик... Что-то знакомое... Кажется, мы вместе ходили в детский сад... Я обхожу вокруг стола...

Ники и Коки смотрят друг на друга.

КОКИ (*испуганно*). Ники!

НИКИ (*испуганно*). Что, Коки?

КОКИ. Мы проделали пробоину...

НИКИ. Проделали пробоину...

КОКИ. И теперь оттуда хлещет...

НИКИ. Хлещет и хлещет...

КОКИ. Я чувствую, как хлещет через пробоину. Все сильнее и сильнее!

НИКИ. Все яростней и яростней!

КОКИ. Уже трудно держаться на ногах!

НИКИ. Меня сносит течением!

КОКИ. Не поддавайся, помогай руками!

НИКИ. Я захлебываюсь... Я захлебываюсь...

КОКИ. Плыви! Плыви! (*Машет руками, словно хочет плыть.*)

НИКИ. Меня захлестывает... Меня захлестывает... (*Машет руками, словно старается выплыть.*)

КОКИ. Ногами давай, ногами! Или ты совсем не умеешь плавать?

НИКИ. Очень плохо. Я едва держусь. (*Барахтается.*)

КОКИ. Держись, Ники! Я сам едва держусь. (*Барахтается.*)

*Действие переходит. Ники и Коки продолжают
барахтаться.*

ПРОДАВЩИЦА (*матери*). Что это с ними? Что они танцуют?

МАТЬ (*тоном профессорской жены*). Это ритуальный танец. У первобытных племен он совершается во время обряда инициаций.

ПРОДАВЩИЦА (*она не знакома с этнографией*). Обряда чего?

МАТЬ. Обряда инициаций. Это обряд превращения мальчика в мужчину.

ПРОДАВЩИЦА (*ей ничего не понятно*). А кто из них мальчик и кто мужчина?

МАТЬ. Они оба мальчики и никогда не будут мужчинами, им не хватает для этого чего-то, сама не знаю, чего.

ПРОДАВЩИЦА (*элегически*). Ужасные слова: никогда, навсегда...

МАТЬ. Не смотри на них, женщины не должны присутствовать при этих танцах, пойдём отсюда (*старается увести ее.*)

ПРОДАВЩИЦА (*слабо сопротивляется*). Навсегда? Я не могу, я на работе...

МАТЬ (*обнимая ее*). Пойдем, пойдём... Это не навсегда, это не надолго. (*Уводит ее направо.*)

Действие переходит.

КОКИ. Я сам еле держусь, Ники! (*Едва барахтается.*)

НИКИ. Все, твердая почва, я на дне.

КОКИ (*опуская руки*). Мы на дне. Смотри, какие ракушки.

НИКИ. Сверху проходит свет. Какой зеленый... Очень красиво.

КОКИ. Хорошо, что песчаное дно.

НИКИ. Какие водоросли, длинные и голубые...

КОКИ (*берет его за руку*). Ну, идем отсюда, мой Ники. Самое страшное позади.

НИКИ (*как эхо*). Самое страшное позади...

КОКИ. Позади, позади... (*Уводит его налево.*)

На сцене остается одна дочь.

ДОЧЬ (*громко*). Баю-бай, баю-бай... (*Рассерженно.*) Вот противная, никак не заснет. То она закрывает глаза, то опять открывает. Если ты не заснешь сейчас же, я надаю тебе шлепков! Ну, не сердись, мама пошутила... Если дочка будет умницей и заснет, мама расскажет ей сказку. Какую сказку? Про белого бычка. Ты ее не знаешь, вот эта сказка: на дворе трава, на траве дрова, на колу мочало, начинай сначала. (*Баюкает куклу.*)

Занавес

1964,
Москва

Конформист ли дядя Джек?

Пьеса, написанная в Москве

Комната в одной из московских квартир. Чтобы послушать литературную знаменитость, собрались гости: критик, дама, журналист, подполковник, чей-то сын, чья-то дочь и просто гость. Подполковник приглашен на правах дальнего родственника хозяйки, а просто гость попал неизвестно как. В комнате слева и справа почему-то развешано сушиться белье. За сценой слышен невнятный и короткий разговор по телефону.

Входит хозяйка.

ВСЕ. Ну как?

ХОЗЯЙКА (*торжественно*). Просит прощения, что задержался. Будет через десять минут.

КРИТИК. Превосходно! (*Даме*.) Говорят, он идет на редкость остроумно.

ДАМА. Он даже не боится касаться острых тем.

ГОСТЬ (*дочери полупшепотом*). О чем это идет речь?

ДОЧЬ (*снисходя к нему*). О пьесах.

КРИТИК (*даме*). Да, вы слышали? Правда, талантливо?

СЫН. Ему, я думаю, приходится не сладко, ведь сейчас преследуют всякий настоящий талант.

КРИТИК (*пораженный*). Что вы говорите?!

ДАМА. Да, да. Я читала статью в 'Советской культуре', там одного молодого талантливого поэта вообще с грязью смешали.

КРИТИК (*спокойно*). А, поэт...

ХОЗЯЙКА. Какой ужас!

ЖУРНАЛИСТ (*заинтересованно*). Очень любопытно.

ДАМА. Чудовищно! (*Сыну.*) Говорят, он стойко переносит свои несчастья.

СЫН (*гордясь за поэта*). Он даже написал новые стихи.

ДАМА (*патетически*). Вы их не помните?

СЫН (*гордо*). Я помню их наизусть.

ХОЗЯЙКА (*любезно*). Может быть, вы пока прочтете их. Я думаю, их еще никто не знает из-за скромности поэта.

ПОДПОЛКОВНИК (*робко*). Я не знаю.

ДОЧЬ. Я тоже не знаю.

КРИТИК. Я ничего не знаю.

ГОСТЬ (*дочери полушепотом*). Будут читать пьесу?

ДОЧЬ (*снисходя к нему*). Пьесу.

СЫН. В таком случае я с удовольствием прочту. Стихотворение называется 'Осел и жертва'.

Ропот восхищения.

СЫН (*с пафосом*).

Однажды в жаркий день случайно осел-убийца на легковой машине проезжал, жертва на глаза попала нечаянно, отчего осел-убийца в сиденье заерзал. Теперь осел-убийца на свободе, нигде работать он честно не умеет, за дела их осудили в партии и народе, отчего ослы-убийцы лишь жиреют.

Молчание.

ХОЗЯЙКА. По-моему, просто чудесно. Ничего прямо не сказано, но попадает не в бровь, а в глаз. Очень смело.

ДАМА. Да, стихи необычайно лиричны. Не сравнить с той чепухой, что обычно навязывается нам вместо поэзии. Я своими глазами читала вчера в 'Литературной газете' такой вздор:

Мы волчьи сыновья!
Живем в лесу не зря!

ХОЗЯЙКА. Какой ужас!

ЖУРНАЛИСТ (*заинтересованно*). Очень любопытно.

КРИТИК (*даме*). Но чем, собственно, эти стихи отличаются от тех, что мы только что слышали. Конечно, внешне 'Осел и жертва' выглядят более современными, но если копнуть глубже – там те же блоковские интонации, в наше время совершенно устаревшие.

ДАМА (*обиженно*). Ну почему вы так говорите! Во-первых, Блок отнюдь не устарел, а во-вторых, если уж говорить о традициях, то поэт здесь следует традициям не Блока, а Пушкина.

СЫН. Скорее Лермонтова.

ДОЧЬ. Больше Некрасова.

ХОЗЯЙКА (*любезно*). Вообще традициям русской поэзии.

ГОСТЬ (*дочери полушепотом*). А чья пьеса?

ДОЧЬ (*снисходя к нему*). Дяди Джека.

ХОЗЯЙКА (*подполковнику из любезности*). А вам как, понравилось стихотворение?

ПОДПОЛКОВНИК (*робко*). Мне понравилось, что в нем чувствуется страстная гражданственность. Я сам в годы культа был жертвой несправедливости.

КРИТИК. Не спорю, в стихотворении есть достоинства, но все это как-то случайно. Это скорее заявка на поэзию, но еще не поэзия. (*Сыну.*) Что он за человек? Он печатается?

СЫН. Нет, его не печатают как формалиста.

ДАМА. На что же он живет?

СЫН. Ему помогают друзья. У него много друзей, человек пятьсот или даже тысяча.

ДАМА (*восхищенно*). Тысяча?! Это почти что миллион!

СЫН (*скромно*). Да, почти.

КРИТИК (*критически*). Все же тысяча меньше миллиона.

СЫН (*недовольно*). Да, немного меньше.

ХОЗЯЙКА (*грустно*). Но бедный мальчик, ведь это, вероятно, очень тяжело – все время питаться у чужих людей. Так недолго и желудок испортить.

СЫН. У него уже совершенно испорчен желудок.

ДОЧЬ. Сердце и легкие.

СЫН. Почки и печень.

ХОЗЯЙКА. Какой ужас!

ЖУРНАЛИСТ (*заинтересованно*). Очень любопытно.

ГОСТЬ (*дочери полупрошепотом*). А кто такой дядя Джек?

ДОЧЬ (*без снисхождения*). Дядя Джек это дядя Джек.

Смущенный гость надолго стушевывается.

ДАМА. Мне недавно сообщили верный способ, как сохранить здоровье. Надо ему непременно передать.

ХОЗЯЙКА (*любезно*). Как интересно! Расскажите, пожалуйста.

ДАМА. Все очень просто. Надо втянуть в себя носом воздух и остановить дыхание, надувшись животом при закрытом рте. Это и есть секрет здоровья, система товарища Иванова, прораба электромонтажного управления. Этот секрет сообщен мне 26 февраля моей соседкой.

ДОЧЬ. Гораздо разумнее система товарища Петрова. Это система свободных движений всех частей тела – рук, ног и туловища. Ходить нужно совершенно прямо, голову мотать тихо, как лошадь.

СЫН. А по-моему, для поправки здоровья ему нужно придерживаться системы товарища Сидорова: держать голову прямо, а вправо и влево

поворачивать только на малейший угол и глазами, если надо, косить по сторонам.

КРИТИК. Я думаю, самая правильная – это система товарища Семенова: так как от встречи скрещиваются взгляды, теряется электрическая энергия глаз, то ввиду этого, надо взгляд глаз направлять в уровень рта людей.

ПОДПОЛКОВНИК (*робко*). Простите, а почему тогда животные не обладают умом?

КРИТИК. Потому что весь магнетизм у них уходит на силу мышц.

ПОДПОЛКОВНИК. А почему они ходят в горизонтальном положении?

КРИТИК. Потому что, когда голова опускается, то рот закрывается, а когда голова поднимается, то рот открывается, следовательно система товарища Семенова верна.

ПОДПОЛКОВНИК. А не могли бы вы еще мне сказать, можно ли простым советским людям писать письма президенту Джонсону?

КРИТИК (*настороженно*). Это зачем же?

ПОДПОЛКОВНИК (*с надеждой в голосе*). Может, одумается, гад, и прекратит бомбардировки.

ХОЗЯЙКА (*вопросительно*). Это система игогов, да?

ЖУРНАЛИСТ (*заинтересованно*). Очень любопытно.

ДОЧЬ. Говорят, что дядя Джек изучает систему игогов.

КРИТИК (*гордясь за дядю Джека*). Нисмотря ни на что, он даже пропагандирует ее в своей последней пьесе.

ДОЧЬ. Это ее он будет сегодня читать?

КРИТИК (*гордо*). Я полагаю, что ее.

ХОЗЯЙКА (*любезно*). Может быть, вы пока расскажете вкратце, в чем там дело, а не то мы ничего не поймем из-за косноязычия дяди Джека.

ПОДПОЛКОВНИК (*робко*). Я не пойму.

ДАМА. Я тоже не пойму.

СЫН. Я ничего не пойму.

КРИТИК. В таком случае я с удовольствием расскажу. Пьеса называется 'Цирлин и Ципельзон, или апофеоз добра'.

Ропот восхищения.

КРИТИК. Действие первое: Цирлин насилует Ципельзона.

ВСЕ. О!

КРИТИК. Действие второе: Ципельзон насилует Цирлина.

ВСЕ. О-о!

КРИТИК. Действие третье: Цирлин и Ципельзон насилуют друг друга.

ВСЕ. О-о-о!!!

КРИТИК (*ликующе*). Действие четвертое: жопа Иван Иваныча переезжает в новые рабочие кварталы.

Молчание.

ХОЗЯЙКА. Очень смело. Ничего прямо не сказано, но попадает не в бровь, а в глаз. По-моему, просто чудесно.

ДАМА. Да, социальная сторона пьесы не вызывает возражений. Напрасно только он употребляет такие слова, как 'жопа'. В двадцатые годы, может быть, это выглядело очень ново и смело, но сейчас производит впечатление просто непристойности ради непристойности.

СЫН. А по-моему, 'жопа' здесь совершенно на месте и несет значительную смысловую нагрузку. А что касается социальной стороны, то не кажется ли вам, что в конце пьесы автор идет на уступки тому, с чем он боролся в начале, и благополучным концом вроде переезда на новую квартиру старается угодить начальству и протащить таким образом все остальное?

КРИТИК. Я совершенно не согласен с вами. Вы просто не разглядели здесь иронии. Это как раз самое сильное место в пьесе.

ДОЧЬ. Что же тут сильного! Просто он угодливо старается доказать, что у нас живется хорошо, раз люди получают новые квартиры.

ДАМА. Ну зачем вы все так превратно понимаете!

Он наоборот тем самым хочет сказать, что новые квартиры ничуть не лучше, а даже хуже старых.

СЫН. Все-таки автор обнаруживает склонность к конформизму.

КРИТИК. Ничуть! Он настоящий нонконформист.

СЫН (*наступая на критика*). Уверяю вас, конформист.

КРИТИК (*наступая на сына*). А я говорю вам: нонконформист.

СЫН. Конформист, конформист!

КРИТИК. Нонконформист, нонконформист!

СЫН (*в ярости*). Конформист!

КРИТИК (*в ярости*). Нонконформист!

ХОЗЯЙКА (*подполковнику из любезности*). А вам как, понравилась пьеса?

ПОДПОЛКОВНИК (*робко*). Мне понравилось, что конец оптимистический. Я сам на днях переезжаю в новую квартиру.

СЫН. Не спору, в пьесе есть достоинства, но с чисто литературной точки зрения она очень несовременна. На первый взгляд, всё абсурдно, почти Ионеско, но если посмотреть пристальней – тот же Островский, только слегка подновленный.

КРИТИК. Просто смешно это слушать. Там Островским и не пахнет, Гоголем – другое дело.

ДАМА. Скорее Сухово-Кобылиным.

ДОЧЬ. Больше Салтыковым-Щедриным.

ЖУРНАЛИСТ (*подполковнику*). А куда вы переезжаете?

ХОЗЯЙКА (*желая внести свою лепту в литературный разговор*). Какого Островского вы имеете в виду: Александра Николаевича или Николая Александровича?

СЫН. Александра Николаевича.

КРИТИК. Николая Александровича.

СЫН (*критику*). Простите, причем здесь Николай Александрович?

КРИТИК (*сыну*). А причем здесь Александр Николаевич?

ПОДПОЛКОВНИК (*журналисту*). В Химки-Ховрино.

СЫН (*наступая на критика*). Во всяком случае, Николай Александрович здесь совершенно ни при чем.

КРИТИК (*наступая на сына*). Нет, это Александр Николаевич ни при чем.

СЫН. Николай Александрович, Николай Александрович!

КРИТИК. Александр Николаевич, Александр Николаевич!

СЫН (*в ярости*). Александр Александрович!

КРИТИК (*в ярости*). Николай Николаевич!

Хозяйка с любезной улыбкой разводит их, как боксеров на ринге.

ЖУРНАЛИСТ (*подполковнику*). Далеко, однако. Ваш старый дом, что, сносят?

СЫН (*критику*). А кроме того, очень неприятен антисемитизм пьесы: там насилуют двух евреев.

КРИТИК. Какие глупости, простите. Разве автор антисемит, что он показывает, как насилуют евреев?! Тем самым он встает на их защиту.

СЫН. Но у него еврея насилует еврей.

КРИТИК. А разве вы не заметили, что того еврея, который насилует еврея, как раз потом самого изнасиловали. Да и как автор может быть антисемитом, раз он сам еврей?!

ПОДПОЛКОВНИК (*журналисту*). Нет, я в кооператив вступил.

ДАМА (*критику*). Разве он еврей? По-моему, его жена еврейка, а сам он русский.

КРИТИК. Нет, еврей. А жена действительно русская.

СЫН. Нет, это не жена, а его мать русская, так что он не совсем еврей.

ДОЧЬ. Мне кажется, вы путаете. Это его отец русский, а мать еврейка.

ЖУРНАЛИСТ (*подполковнику*). А сколько у вас комнат?

ДАМА (*дочери*). Я знала его мать: она вовсе не еврейка. Это мать его жены еврейка.

КРИТИК. Разве она еврейка? Вы что-то путаете, это ее муж еврей.

СЫН. Нет, не муж, а жена.

ПОДПОЛКОВНИК (журналисту). Две комнаты, нас трое: моя мать, я и жена.

ХОЗЯЙКА (вопросительно). Жена драматурга или его отца?

СЫН. Жена драматурга.

ДОЧЬ. Жена отца.

КРИТИК. Они вас путают. В действительности речь идет не о жене, а о муже.

ЖУРНАЛИСТ (подполковнику). А какой дом, блочный или кирпичный?

ХОЗЯЙКА. Как интересно! О чем муже?

КРИТИК. О муже жены драматурга.

ДАМА. О муже жены отца.

ПОДПОЛКОВНИК (журналисту). Дом панельный, четвертый этаж.

ХОЗЯЙКА (вопросительно). И они русские или все же евреи?

КРИТИК. Евреи.

ДАМА. Нет, русские.

КРИТИК. Евреи, евреи!

ДАМА. Русские, русские!

КРИТИК (*в ярости*). Евреи!

ДАМА (*в ярости*). Русские!

ХОЗЯЙКА (*любезно*). Ах, теперь мне все понятно: они русские евреи.

ЖУРНАЛИСТ (*подполковнику*). А лифт есть?

ДАМА (*критику*). А вы заметили, что в пьесе нет ни одной женской роли?

КРИТИК. Да, действительно. Что бы это значило?

ДАМА. По-видимому, у него какое-то противоестественное отношение к женщинам.

ДОЧЬ. Во всяком случае неестественное.

ПОДПОЛКОВНИК (*журналисту*). Лифта нет: дом пятиэтажный.

ДАМА (*дочери*). По-моему, он импотент.

ДОЧЬ. Скорее педераст.

ДАМА (*с торжеством*). У меня есть верные доказательства, что он импотент.

ДОЧЬ (*с торжеством*). А у меня есть верные доказательства, что он педераст.

СЫН (*даме*). А какие у вас доказательства?

ЖУРНАЛИСТ (*подполковнику*). А какие у вас толки?

ДАМА. Он пригласил одну мою подругу к себе и ничего не хотел от нее, кроме того, чтобы она разделась догола и маршировала перед ним.

ДОЧЬ. И она маршировала?

ДАМА. Да, бедняжка. Он дал ей пионерский барабан и велел барабанить и петь: 'Пусть всегда будет солнце!'

ХОЗЯЙКА. Какой ужас!

ПОДПОЛКОВНИК (*журналисту*). К сожалению, невысокие. И слышимость очень большая.

ДАМА. Хорошо, соседи стали стучать сверху, потому что было уже поздно и барабанный бой мешал им спать. Так она ни с чем и ушла от него.

КРИТИК (*дочери*). А какие у вас доказательства?

ДОЧЬ. Вы представляете себе дядю Джека, он такой толстый, солидный, а мне рассказывали, что он раз напился в компании, бегал по комнате и кричал: я девочка, я девочка! – а потом сделал одному моему приятелю определенные предложения.

ХОЗЯЙКА. Какой ужас!

ЖУРНАЛИСТ (*подполковнику*). И сколько вы за метр платили?

КРИТИК (*дочери*). И что ответил ваш приятель?

ДОЧЬ (*гордясь за приятеля*). Конечно, он отказался.

ДАМА. Тогда это ничего не доказывает.

ДОЧЬ. Тогда ничего не доказывает, что ваша подруга ушла. Ей надо было еще полчаса побарабанить, и дело выгорело бы.

ПОДПОЛКОВНИК (*журналисту*). Сто пятьдесят рублей.

ДАМА (*наступая на дочь*). Нет, не выгорело бы, раз он импотент.

ДОЧЬ (*наступая на даму*). Да нет же, педераст.

ДАМА. Импотент, импотент!

ДОЧЬ. Педераст, педераст!

ДАМА (*в ярости*). Импотент!

ДОЧЬ (*в ярости*). Педераст!

ХОЗЯЙКА (*любезно*). Он, вероятно, импотент, и потому пассивный педераст.

ЖУРНАЛИСТ (*подполковнику*). Это ничего. Санузел раздельный?

ГОСТЬ (*решившись*). А откуда у него барабан?

Все смотрят на гостя.

ХОЗЯЙКА (*удивленно*). Как, вы не знаете?! Ведь кроме того, что он драматург, дядя Джек еще и замечательный музыкант, и у него дома полно музыкальных инструментов. Помимо барабана, он играет на балалайке, валторне, аккордеоне и клавишине. А недавно он начал учиться играть на тромбоне.

ГОСТЬ (*восхищенный*). Поразительно! А я совершенно ни на чем не умею играть.

ПОДПОЛКОВНИК (*журналисту*). Санузел, к сожалению, совмещенный.

ДОЧЬ (*гостю*). Вы вообще ничего не умеете. Я подозреваю даже, что вы не умеете целоваться.

Смущенный гость надолго стушевывается.

ХОЗЯЙКА (*всем*). Простите, я позвоню узнаю, что он так задерживается.

Хозяйка выходит.

КРИТИК (*желая ободрить гостя*). Не надо отчаиваться, умение приходит с годами. Не забывайте только, что нужно много работать, чтобы развить в себе природные способности.

ЖУРНАЛИСТ (*подполковнику*). Гарантию на сколько дают, лет на сто?

ДАМА (*критику*). Да, это верно. У меня, например, в молодости находили сильный голос, колоратурное сопрано. Я хотела учиться и стать певицей, но семья, дети, тут уж не до занятий – и певицы из меня не получилось.

ПОДПОЛКОВНИК (*журналисту*). Только на пятьдесят. На нашу жизнь, впрочем, хватит. (*Задумывается о жизни.*)

ЖУРНАЛИСТ. Да, на нашу жизнь хватит. (*Задумывается о жизни.*)

КРИТИК (*даме*). А у меня в юности были незаурядные способности к живописи. Все советовали мне учиться, но было трудное время, пришлось пойти работать – и сейчас я даже кисти в руках держать не умею.

ПОДПОЛКОВНИК (*робко*). А сейчас, чтобы рисовать картины, ничего не нужно уметь.

КРИТИК (*настороженно*). Это почему же?

ПОДПОЛКОВНИК (*робко*). Я читал в газете, что теперь в Америке повесят лопату или мусорное ведро на цепочку, и это называется картина.

КРИТИК (*пораженный*). Что вы говорите?!

ДАМА. Да, да. Я читала об этом в 'Литературной газете'. Это называется: поп-арт.

КРИТИК (*спокойно*). А, поп-арт...

Входит хозяйка.

ВСЕ. Ну как?

ХОЗЯЙКА (*торжественно*). Просит прощения, что задержался. Будет через пять минут.

КРИТИК. Превосходно! (*Хозяйке*.) Мы тут разговариваем о поп-арте.

ХОЗЯЙКА (*любезно*). Как интересно! Что это такое?

ДАМА. Это новое направление в американском искусстве. Самое передовое.

ДОЧЬ. Вы путаете поп-арт и оп-арт. Самое передовое это оп-арт.

ДАМА. Чем же путаю! Оп-арт – это оп-арт, а поп-арт это поп-арт.

КРИТИК. Нет, нет, оп-арт и поп-арт это одно и то же.

СЫН. Совершенно не так. Поп-арт это одно из направлений оп-арта.

ДОЧЬ. Вы ошибаетесь. Оп-арт это одно из направлений поп-арта.

ДАМА. Вы не знаете, а говорите. Сначала был оп-арт, а вслед за ним поп-арт, как бы авангард оп-арта.

ДОЧЬ. Это вы не знаете. Сначала был поп-арт, а только потом появился оп-арт, как бы авангард поп-арта.

КРИТИК. Вы путаете терминологию. Оп-арт – это другое название поп-арта.

СЫН. Нет, это поп-арт другое название оп-арта.

ДАМА (*наступая на дочь*). Сначала был оп-арт.

ДОЧЬ (*наступая на даму*). Сначала был поп-арт.

КРИТИК (*наступая на сына*). Другое название – оп-арт.

СЫН (*наступая на критика*). Другое название – поп-арт.

ДАМА. Оп-арт, оп-арт!

ДОЧЬ. Поп-арт, поп-арт!

КРИТИК. Оп-арт поп-арта!

СЫН. Поп-арт оп-арта!

ДАМА (*в ярости*). Оп!

ДОЧЬ (*в ярости*). Поп!

КРИТИК (*в ярости*). Оп!

СЫН (*в ярости*). Поп!

} Кувыркаются.

ХОЗЯЙКА (*любезно*). Очень интересное направление.

ВСЕ. Что?

ХОЗЯЙКА (*растерянно*). Поп-арт... (*Быстро.*) И оп-арт тоже.

ЖУРНАЛИСТ (*авторитетно*). Нам оба этих направления одинаково чужды.

СЫН. Но американцам они, вероятно, не чужды.

ЖУРНАЛИСТ. Не чужды снобам. Рядовому американцу, фермеру или рабочему, они тоже совершенно чужды.

СЫН. Рядовому американцу, я думаю, вообще нет дела до искусства.

ЖУРНАЛИСТ. Это потому, что он все время должен отдавать работе, чтобы как-то прокормить и одеть себя и семью.

ДАМА. Но американские рабочие не так уж плохо живут.

ДОЧЬ. А простые американки гораздо лучше нас одеваются.

ЖУРНАЛИСТ. С чего вы это взяли?

ДОЧЬ. Я знаю, например, что гардероб рядовой американки состоит из зимнего пальто с меховой отделкой...

ЖУРНАЛИСТ (*перебивая*). Или без нее...

Все наступают на журналиста.

КРИТИК. Демисезонного пальто...

ДАМА (*уточняет*). Иногда с отстегивающейся подкладкой...

СЫН. Дождевика...

ПОДПОЛКОВНИК. Пяти домашних платьев...

ХОЗЯЙКА. Четырех выходных платьев...

ГОСТЬ. Трех костюмов...

ДОЧЬ. Трех юбок...

КРИТИК. Шести блузок...

ДАМА. Трех фуфаяк или вязаных кофт...

СЫН. Шести комбинаций...

ПОДПОЛКОВНИК. Двух нижних юбок...

ХОЗЯЙКА. Пяти ночных рубашек...

ГОСТЬ. Восьми пар нижних штанов...

ДОЧЬ. Пяти лиффов...

КРИТИК. Двух корсетов или поясов для чулок...

ДАМА. Двух халатов...

СЫН. Шести пар нейлоновых чулок...

ПОДПОЛКОВНИК. Двух пар спортивных носков...

ХОЗЯЙКА. Трех пар перчаток...

ГОСТЬ. Одного купального костюма...

ДОЧЬ. Трех пар трусиков...

КРИТИК. Одной пары дамских брюк...

ДАМА. Одного спортивного костюма...

Все сгрудились вокруг журналиста. Звонок.

ЖУРНАЛИСТ (*спокойным тоном*). И из разных подсобных принадлежностей туалета.

Снова звонок.

ХОЗЯЙКА. Наконец-то!

Хозяйка выбегает в прихожую. Дама и дочь прихорашивают-ся. Все напряженно смотрят на дверь. Вместе с хозяйкой входит женщина довольно склочного вида. Общее недоумение.

ВСЕ. Ну как?

ХОЗЯЙКА (*разочарованно*). Это, оказывается, наша общественница, активистка из домкома. (*Активистке.*) Что у вас, милочка?

АКТИВИСТКА (*проникновенно*). Дорогие товарищи! Редколлегия стенгазеты 'За коммунистический быт' обращается к вам с просьбой систематически освещать в газете вопросы соблюдения в квартирах правил социалистического общежития: борьба с хулиганством, сквернословием, пьянством, склоками и всем, что мешает нам жить, работать и отдыхать. Ваши заметки помогут домкому устранить отдельные недостатки, а главное, будут способствовать созданию новых, коммунистических отношений между жильцами. Пишите, товарищи, о хороших людях, проживающих в ваших кварти-

рах, об их добрых делах! Заметки опускайте в ящик для заметок!

Продолжительные, долго не смолкающие аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают. Слышны возгласы: 'Слава домкому!', 'Да здравствует наша стенгазета!', 'Ура!'.

Постепенно все умолкают.

ЖУРНАЛИСТ. Давно пора нашей стенной печати ударить по всему, что мешает нам жить, работать и отдыхать.

ХОЗЯЙКА (*любезно*). Да, да, давно пора, а то бывают ужасные истории. Мне, например, рассказывали такие случаи про хулиганство, вы просто не поверите.

ДАМА (*в азарте*). Что там рассказывали! Я сама была свидетелем, как гражданин Иванов И. И., 1930 года рождения, проживающий Химки-Ховрино, квартал 1, дом 2, корпус 3, квартира 4, работающий прорабом электромонтажного управления № 5, в салоне троллейбуса выражался нецензурными словами, приставал к пассажирам, на замечания не реагировал. Сообщено по месту работы.

ДОЧЬ (*ей не терпится рассказать*). Недавно в ресторане при мне разыгралась жуткая сцена. Гражданин Петров П. П., 1931 года рождения, проживающий Хорошево-Мневники, квартал 6, дом 7, корпус 8, квартира 9, работающий мастером парикмахерской № 10, в зале ресторана шумел, оскорблял достоинство граждан. Отправлен в вытрезвитель.

СЫН. Действительно, о какой культуре масс

можно говорить, если у нас на глазах происходят такие вещи: гражданин Сидоров С. С., 1932 года рождения, проживающий Беляево-Богородское, квартал 11, дом 12, корпус 13, квартира 14, нигде не работающий, распивал спиртные напитки по месту жительства. Осужден на пять суток.

КРИТИК. Вы правы. Сплошь да рядом творится бог знает что. Например, гражданин Семенов С. С., 1933 года рождения, проживающий Фили-Мазилово, квартал 15, дом 16, корпус 17, квартира 18, работающий грузчиком автобазы № 19, в сильной степени опьянения бесцельно слонялся по перрону вокзала. Привлечен к административной ответственности.

ПОДПОЛКОВНИК (*огорченно*). Дешево отделался.

ХОЗЯЙКА. Хорошо хоть, что привлечен, а то бывают случаи, когда люди уходят от ответственности. У нас в доме месяц назад обокрали квартиру, и воры до сих пор не найдены. Говорят, дело прекращено.

АКТИВИСТКА (*убеждающе*). Ну зачем видеть в жизни только теневые стороны, ведь кругом столько хорошего. Вот вчера по телевизору передавали беседу с мастером дизельного цеха Московского судоремонтного завода. С особой гордостью говорил он о своих товарищах по цеху. И знаете, что он в них особенно хвалил?

ВСЕ (*заинтересованно*). Что?

АКТИВИСТКА. Стремление к знаниям. Почти все

дизелисты учатся. А когда люди после напряженного рабочего дня находят в себе силы засесть за учебники, чтобы завтра знать больше, работать лучше, – это ли не свидетельство их моральных принципов, широты их общественных интересов!

ЖУРНАЛИСТ. И таких примеров можно привести тысячу!

ДАМА (*восхищенно*). Тысячу?! Это почти что миллион!

ЖУРНАЛИСТ (*скромно*). Да, почти.

КРИТИК (*критически*). Все же тысяча меньше миллиона.

ЖУРНАЛИСТ (*недовольно*). Да, немного меньше.

ХОЗЯЙКА (*грустно*). Но бедные мальчишки, ведь это, вероятно, очень тяжело: все время работать и учиться. Так недолго и с ума сойти!

Все наперебой стараются переубедить хозяйку.

КРИТИК. Ну почему. Знаете, как говорится: ученье и труд все перетрут.

ДАМА. Без ученья и труда не выловишь и рыбку из пруда.

ПОДПОЛКОВНИК. Ученье силу прибавляет, а труд умножает.

АКТИВИСТКА. Ученье и труд рука об руку идут.

ЖУРНАЛИСТ. Кто любит ученье, для того и труд не мученье.

ДОЧЬ. Кто с книгой подружился, тот и в труде отличился.

СЫН. Труд – источник созидания, книга – источник знания.

КРИТИК (даме). Кстати, в книжном магазине № 20 большой выбор книг по всем отраслям знаний.

ДАМА (критику). Также большой выбор эстампов, репродукций, открыток и альбомов.

ПОДПОЛКОВНИК (активистке). А в комиссионном магазине № 21 принимают на комиссию женскую обувь.

АКТИВИСТКА (подполковнику). Обувь – лучший подарок женщине.

ЖУРНАЛИСТ (хозяйке). А в поликлинике № 22 управления хозрасчетных лечебных учреждений прием ведут профессора и консультанты.

ХОЗЯЙКА (журналисту). Запись на прием производится ежедневно.

СЫН (дочери). А в парикмахерской № 28 вас обслуживает коллектив коммунистического труда.

ДОЧЬ (сыну). Работают мужской и женский залы.

КРИТИК (даме). Таксомоторный парк № 24 приглашает на работу шоферов третьего и второго класса.

ПОДПОЛКОВНИК (активистке). Выставка достижений народного хозяйства – источник нового, передового, прогрессивного.

ДАМА (*критику*). Такси – наиболее удобный вид транспорта.

АКТИВИСТКА (*подполковнику*). На территории выставки открыта фирменная пельменная № 25.

ЖУРНАЛИСТ (*хозяйке*). Канал имени Москвы – величественное сооружение нашей эпохи.

СЫН (*дочери*). Почтовое отделение № 26 принимает подписку на журналы и газеты.

ХОЗЯЙКА (*журналисту*). Поездка на речных судах – лучший отдых.

ДОЧЬ (*сыну*). Газета – не только коллективный агитатор и пропагандист, но и коллективный организатор.

КРИТИК (*даме*). Школа-магазин № 27 объявляет прием учащихся на курсы продавцов.

ПОДПОЛКОВНИК (*активистке*). Большая химия – это новые товары для народа.

ЖУРНАЛИСТ (*хозяйке*). Коллектив кафе-молочной № 28 включился в общественный смотр работы предприятий.

СЫН (*дочери*). Объединенной женской консультации № 29 при родильном доме № 30 требуется санитарка.

ДАМА (*критику*). Уполномоченный по организованному набору рабочих принимает ежедневно с 31 до 32 часов.

АКТИВИСТКА (*подполковнику*). Ателье № 33 при

фабрике № 34 производит прием заказов по поднятию петель на чулках.

ХОЗЯЙКА (*журналисту*). Приемный пункт № 35 от Гастронома № 36 принимает стеклопосуду в неограниченном количестве.

ДОЧЬ (*сыну*). Деньги за пиво получают кассы №№ 37, 38, 39...

КРИТИК (*подхватывает*). 40, 41, 42...

ДАМА. 43, 44, 45...

ПОДПОЛКОВНИК. 46, 47, 48...

АКТИВИСТКА. 49, 50, 51...

ЖУРНАЛИСТ. 52, 53, 54...

ХОЗЯЙКА. 55, 56, 57...

СЫН. 58, 59, 60...

ДОЧЬ. И 61. Посуда принимается только в обмен.

ГОСТЬ (*решившись*). Электромонтажное управление номер один миллион тысяча шестьдесят два... (*растерянно*) или пять?...

КРИТИК (*перебивает, наступая на гостя*). Как вы можете так говорить! Электроэнергия – благо, берегите ее!

ДАМА (*наступая на гостя*). Помните, что одного киловатт-часа достаточно, чтобы выпечь сто буханок хлеба!

ПОДПОЛКОВНИК (*наступая на гостя*). Или произвести десять килограммов цемента!

АКТИВИСТКА (*наступая на гостя*). Или сшить пару обуви!

Все, наступая, наперебой убеждают гостя.

ЖУРНАЛИСТ. Ремонтируйте вашу обувь своевременно!

ХОЗЯЙКА. Все отзывы и замечания записывайте в книгу отзывов!

СЫН. В случае утечки газа перекройте кран!

ДОЧЬ. Покупайте товары в кредит!

КРИТИК. Ешьте рыбные консервы!

ДАМА. Будьте осторожны при обходе стоящего транспорта!

ПОДПОЛКОВНИК. Правильно оплачивайте проезд!

АКТИВИСТКА. Боритесь за высокую культуру быта!

ЖУРНАЛИСТ. Собирайте лом цветных металлов!

ХОЗЯЙКА. Приобретайте лотерейные билеты!

СЫН. Читайте журналы, газеты, книги!

ДОЧЬ. Пейте томатный сок!

КРИТИК. Летайте самолетами!

ДАМА. Уничтожайте мух!

ПОДПОЛКОВНИК (*притоптывая от возбуждения*). Вкусно, питательно, купите обязательно!

ГОСТЬ (*отступая от них, вскарабкивается на стул, срывает с веревки женские трусы и размахивает ими как знаменем; все угрожающе подступают к нему*). Подождите, подождите, сейчас я вам всё объясню: по-моему, пьеса о Ципельзоне есть вечный враг пьесы о Цирлине, этот враг выражается в следующем: он не имеет непосредственной причины, а главное, он появился и проявился неожиданно, с желанием быть проявленным, он внутренний, замкнутый, неизвестный ни с какой точки, если он во мне, а я в пространстве, если, следовательно, не подлежит помещению в пьесу, а подлежит помещению в стихи вследствие требования большего о себе распространения, а такие требования опасны, какую опасность определяет во всех временах и само стихотворение про осла в противоположность стихотворению про жертву, потому что последнее уже известно, чем не осложняется эта опасность для такого явления, как воля, которой законом фактически служит неизвестность одна, которая никому и никогда не нужна, потому что она неизвестность, и опасного для нее ничего, никогда и ниоткуда не может быть, а между тем появляется пьеса – прирожденное бессознательной воле человека самонахождение себя самого не имевшее никогда достижения к цели успеха уже в самом основном зачатке своем и в полагаемых плодах, рождающихся от этого зачатка, в тех стихах, пьесах, национализме, социализме, провинциализме, абсурдизме, оптимизме, попартизме, изобретении, приобретении, пении, терпении, во всех таинствах, существующих вокруг человека, одним словом – в глубочайшем корне гуманитарности,

ибо Цирлин предполагает отдых, спасение, тогда как он уже обещен, убит, похоронен и, следовательно, вечен и тогда, когда злодей Ципельзон насилует его, и, что тоже надо говорить, когда осел насилует жертв... Ай! (*Его стаскивают со стула.*)

ХОЗЯЙКА. Что он говорит! Какой ужас!

ЖУРНАЛИСТ. Он просто опасен!

АКТИВИСТКА. Он сбесился!

ДОЧЬ. Он не умеет целоваться!

СЫН. Он всех перекусает!

КРИТИК. Надо обуздать его!

ДАМА. Заткнуть ему рот!

ПОДПОЛКОВНИК. Связать его!

АКТИВИСТКА. Веревку сюда, веревку!

КРИТИК (*хозяйке*). У вас осталась еще бельевая веревка? Или он натворит тут дел!

ХОЗЯЙКА (*ищет*). Сейчас, сейчас! Где же она? Сейчас я принесу!

Выбегает в соседнюю комнату. Все стоят вокруг гостя, возбужденно размахивая руками. Тот совершенно неподвижен, не понимая, видимо, что ему готовят.

ХОЗЯЙКА (*вкатывает огромный моток веревки*). Вот она!

КРИТИК (*хватая веревку*). Сейчас я покажу ему поп-арт!

СЫН (*мстительно*) И оп-арт тоже!

ПОДПОЛКОВНИК (*держась за веревку*). Сейчас посмотрим, кто еврей!

ЖУРНАЛИСТ (*помогая им*). Смерть злодею Ципельзону!

Вяжут оцепеневшего гостя. Тот не сопротивляется.

ДОЧЬ (*взвизгивая*). Правые – кровавые!

ДАМА (*взвизгивая*). Левые – дебелие!

ХОЗЯЙКА (*взвизгивая*). Догматики – маразматика!

АКТИВИСТКА (*взвизгивая*). Прагматики – сифилитики!

КРИТИК. Конец оптимистический! (*Запутывается в веревке*).

ДАМА. Обувь – лучший подарок! (*Запутывается.*)

ПОДПОЛКОВНИК. Санузел совмещенный! (*Запутывается.*)

АКТИВИСТКА. Да здравствует домком! (*Запутывается.*)

ЖУРНАЛИСТ. Двух нижних юбок! (*Запутывается.*)

ХОЗЯЙКА. Осел-убийца на свободе! (*Запутывается.*)

СЫН. Требуется санитарка! (*Запутывается.*)

ДОЧЬ. Электроэнергия – благо! (*Запутывается.*)

Продолжая выкрикивать, все связывают гостя и сами запутываются все больше и больше, по мере того как моток разматывается.

КРИТИК. Система товарища Сидорова!

ДАМА. Жопа Иван Иваныча!

ПОДПОЛКОВНИК. Традиции Некрасова!

АКТИВИСТКА. Пусть всегда будет солнце!

ЖУРНАЛИСТ. Тысяча меньше миллиона!

ХОЗЯЙКА. Головой мотать, как лошадь!

СЫН. Направлен в вытрезвитель!

ДОЧЬ. Троцкисты – онанисты!

КРИТИК. Апофеоз добра!

ДАМА. Уничтожайте мух!

ПОДПОЛКОВНИК. Достоинство граждан!

АКТИВИСТКА. Маоисты-оптимисты!

ЖУРНАЛИСТ. Я девочка, я девочка!

ХОЗЯЙКА. Центристы – педерасты!

СЫН. Почти что Ионеско!

ДОЧЬ. Коллективный агитатор!

КРИТИК. Поступили в продажу!

ДАМА. Ревизионисты – мазохисты!

ПОДПОЛКОВНИК. Выставка достижений!

АКТИВИСТКА. Интеллигенты – импотенты!

ЖУРНАЛИСТ. Он во мне, а я в пространстве!

ХОЗЯЙКА. Все политики – паралитики!
СЫН. Уполномочих по рабочих!
ДОЧЬ. Рабочих по уполномочих!
КРИТИК. На нашу жизнь хватит!
ДАМА. Стремление к знаниям!
ПОДПОЛКОВНИК. На барабане и тромбоне!
АКТИВИСТКА. Церковная месса!
ЖУРНАЛИСТ. Сырковая масса!

Громкий звонок. Хозяйка выходит, таща за собой веревку. Все уже достаточно запутались. Вербкой перепутаны ножки стульев и стола, картины на стенах. Все мечутся по комнате, кроме связанного крепко гостя.

СЫН. Бакалея-гастроном!
ДОЧЬ. Галантерея-трикотах!
КРИТИК. Папиросы-табаки!
ДАМА. Овощи-фрукты!
ПОДПОЛКОВНИК. Фарфор-фаянс!
АКТИВИСТКА. Мясо-рыба!
ЖУРНАЛИСТ. Соки-воды!
СЫН. Лево! (Кидается влево.)
ДОЧЬ. Право! (Кидается вправо.)
КРИТИК. Право!
ДАМА. Лево!
ПОДПОЛКОВНИК. Право!

АКТИВИСТКА. Лево!

ЖУРНАЛИСТ. Лево!

СЫН. Право!

Возвращается опутанная веревкой хозяйка.

ХОЗЯЙКА (торжественно). Это пришел дядя Джек!

Нарастающие удары барабана. Быть может, это шаги автора пьесы по коридору, или это бьются в нетерпеливом ожидании сердца гостей.

Связанный гость пробуждается от оцепенения и в ужасе кричит. опрокидывается мебель, падают картины, злоеще раскачивается люстра, на которую сын, подпрыгнув, закинул веревку. Некоторые из гостей падают на пол, остальные скачут по комнате, волоча упавших. Они запутались в развешанных простынях и кажутся привидениями.

ВСЕ. Пришел-пришел! Ха-ха-ха-ха!

Мы волчьи сыновья!

Пришел-пришел! Ха-ха-ха-ха!

Живем в лесу не зря!

Барабанный бой нарастает. Гость кричит. Все мечутся по сцене. Падает люстра. В этот момент под гомерический хохот зрителей рушатся декорации. Тут и пьесе конец: опускается.

з а н а в е с

1964,
Москва

НОС!

НОС?

НО-С!

**Пьеса в 16-ти эпизодах,
переделанная из повести Николая Гоголя**

Эпизод 1. Пролог

Открывается занавес. Виден простой холщевый задник. Над ним огромный лозунг: 'Марта 25 числа случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие'. Под лозунгом, на фоне кулис, стоят: майор Ковалев, его лакей Иван, цирюльник Иван Яковлевич, квартальный надзиратель, частный пристав, чиновник газетной экспедиции и доктор. Немного впереди режиссер в современном костюме.

РЕЖИССЕР. Марта 25 числа случилось в Петербурге необыкновенно-странное происшествие. Но между тем необходимо сказать что-нибудь о героях сего происшествия, чтобы зритель мог видеть, какого рода были эти герои. (*Оборачивается к героям.*) Коллежский асессор Ковалев...

Ковалев выходит немного вперед и раскланивается. В дальнейшем это же повторяет каждый герой при упоминании режиссером своего имени.

РЕЖИССЕР. Коллежских асессоров, которые получают это звание с помощью ученых аттестатов, никак нельзя сравнивать с теми коллежскими асессорами, которые делались на Кавказе. Это два совершенно особенные рода. Ученые коллежские асессоры... Но Россия такая чудная земля, что если скажешь об одном коллежском асессоре, то все коллежские асессоры, от Риги до Камчатки, непременно примут на свой счет. То же разумеи и о всех званиях и чинах. Ковалев был кавказский коллежский асессор. Он два года еще только состоял в этом звании и потому ни на минуту не мог его позабыть; а чтобы более придать себе благородства и веса, он никогда не называл себя коллежским асессором, но всегда майором. Майор Кова-

лев имел обыкновение каждый день прохаживаться по Невскому проспекту. Воротничок его манишки был всегда чрезвычайно чист и накрахмален. Бакенбарды у него были такого рода, какие и теперь еще можно видеть у губернских и уездных землемеров, у архитекторов и полковых докторов, также у отправляющих разные полицейские обязанности и вообще у всех тех мужей, которые имеют полные румяные щеки и очень хорошо играют в бостон: эти бакенбарды идут по самой середине щеки и прямехонько доходят до носа. Майор Ковалев носил множество печаток, сердоликовых, и с гербами, и таких, на которых было вырезано: середа, четверг, понедельник и прочее. Майор Ковалев приехал в Петербург по надобности, а именно искать приличного своему званию места: если удастся, то вице-губернаторского, а не то – экзекуторского в каком-нибудь видном департаменте. Майор Ковалев был непрочь и жениться, но только в таком случае, когда за невестою случится двести тысяч капитала.

Майор раскланивается и отходит назад.

РЕЖИССЕР. О лакее его Иване (*тот выходит вперед*) можно сказать только, что был он любитель лежать на кожаном запачканном диване и плевать в потолок. Притом попадал он всегда довольно удачно в одно и то же место, из чего видно, что своего дела был он большой мастер.

Иван раскланивается и отходит назад.

РЕЖИССЕР. Каждую середу и воскресенье майора

Ковалева брил цырюльник Иван Яковлевич (*тот выходит вперед*). Фамилия его утрачена, и даже на вывеске его – где изображен господин с намыленной щекою и надписью: ‘И кровь отворяют’ – не выставлено ничего более. Иван Яковлевич, как всякий порядочный русский мастеровой, был пьяница страшный. И хотя каждый день брил чужие подбородки, но его собственный был у него вечно не брит. Фрак у Ивана Яковлевича – Иван Яковлевич никогда не ходил в сюртуке – был пегий; то есть он был черный, но весь в коричнево-желтых и серых яблоках; воротник лоснился, а вместо трех пуговиц висели только ниточки. Иван Яковлевич был большой циник, и на упрек, что у него всегда воняют руки, говорил только: ‘Отчего ж бы им вонять?’ – и, понюхавши табаку, мылил и на щеке, и под носом, и за ухом, и под бородою, – одним словом, где только ему была охота.

Цырюльник раскланивается и отходит назад.

РЕЖИССЕР. Немалую роль и для нашего майора, и для его цырюльника сыграл квартальный надзиратель (*тот выходит вперед*), полицейский чиновник красивой наружности, с бакенбардами не слишком светлыми и не темными, с довольно полными щеками, в треугольной шляпе со шпагою. Отличался он, впрочем, и любезностью обращения, хотя иной раз был непрочь пожаловаться на поднявшуюся дороговизну всех припасов, имея дома жену, тещу и детей... Старший особенно подавал большие надежды.

Квартальный надзиратель раскланивается и отходит назад.

РЕЖИССЕР. К сожалению, такой приятности не было в частном приставе (*тот выходит вперед*), хоть он сам и был чрезвычайный охотник до сахара. На дому у него вся передняя, она же столовая, была уставлена сахарными головами, которые нанесли к нему из дружбы купцы. Он вообще был большой поощритель всех искусств и мануфактурностей, но государственную ассигнацию предпочитал всему. Однако же, зная изречения древних мудрецов, неукоснительно ложился после обеда заснуть на два часика, и если бы кто даже принес ему в это время несколько фунтов чаю или сукна, он не был бы принят слишком радушно.

Частный пристав раскланивается и отходит назад.

РЕЖИССЕР. Другой наш герой: почтенный седой чиновник, в старом фраке и очках, служащий в Газетной экспедиции (*тот выходит вперед*). Хоть он знал выражение 'денежка счет любит', но не скупился иногда угостить табачком или хотя бы дать хороший совет.

Чиновник раскланивается и отходит назад.

РЕЖИССЕР. Непрочь иной раз был дать хороший совет и доктор – впрочем, это его прямая обязанность (*тот выходит вперед*). Доктор этот занимал лучшую квартиру в бельэтаже в том же доме, что и майор Ковалев. Был он видный из себя мужчина, имел прекрасные смолистые бакенбарды, свежую, здоровую докторшу, ел поутру свежие яблоки и

держал рот в необыкновенной чистоте, полоща его каждое утро почти три четверти часа и шлифуя зубы пятью разных родов щеточками. Было известно, что никогда он не лечит из корысти, а за визиты берет единственно с тем только, чтоб не обидеть отказом.

Доктор раскланивается и отходит назад.

РЕЖИССЕР. Есть у нашего происшествия еще один герой... (*Оглядывается.*) Но, впрочем, это и не герой вовсе... а черт знает что такое!

Марш. Актеры разбегаются в разные стороны. Задник взвизгивается, и под тем же лозунгом обнаруживается квартира цырюльника.

Эпизод 2. У цырюльника

Квартира цырюльника. Цырюльник потягивается на постели. Супруга его вынимает горячие хлебы из печи.

ЦЫРЮЛЬНИК (*принюхиваясь*). Сегодня я, Прасковья Осиповна, не буду пить кофию, а вместо того хочется мне съесть горячего хлебца с луком.

СУПРУГА (*продолжая заниматься делом*). Ешь, дурак, хлеб, мне же лучше: останется кофию лишняя порция.

ЦЫРЮЛЬНИК (*робко*). Не плохо бы, Прасковья Осиповна, мне и того, и другого...

СУПРУГА. Прихоти какие! И того ему, и другого! И слушать не хочу!

Бросает ему в раздражении хлеб. Цырюльник замолкает, натягивает для приличия фрак поверх рубашки и садится за стол. Берет две головки луку, ножь и, сделавши значительную мину, режет хлеб пополам.

ЦЫРЮЛЬНИК (*глядя в середину*). Что это?... белеется, вишь ты, что-то... (*Ковырнув ножом и пощупав пальцем.*) Плотное! Что бы это такое было? (*Вытаскивает нос.*) Нос! (*Протирает глаза и снова щупает.*) Нос, точно нос! (*С ужасом в лице.*) И будто чей-то знакомый... (*Опускает в ужасе руки.*)

СУПРУГА (*кричит с гневом*). Где это ты, зверь, отрезал нос? Мошенник! Пьяница! Я сама на тебя донесу полиции. Разбойник какой! Вот уж я от трех человек слышала, что ты во время бритья так теребишь за носы, что еле держатся.

ЦЫРЮЛЬНИК (*в раздумье*). Чей же бы это нос?... (*Хлопает себя по лбу.*) Ничей другой, как коллежского асессора Ковалева, я его прошлую среду брил. Он мне говорит: 'У тебя, говори, Иван Яковлевич, вечно воняют руки'. 'Отчего ж бы им вонять?' 'Не знаю, говорит, братец, только воняют'. Благородной такой наружности господин, майор...

СУПРУГА (*подступая к нему*). Мошенник, разбойник! Говори, откуда нос взялся!

ЦЫРЮЛЬНИК. Стой, Прасковья Осиповна! Я положу его, завернувши в тряпку, в уголок: пусть там маленечко полежит; а после я его вынесу.

СУПРУГА. И слушать не хочу! Чтобы я позволила у себя в комнате лежать отрезанному носу?... Су-

харь поджаристый! Знай умеет только бритвой возить по ремню, а долга своего скоро совсем не в состоянии будет исполнять, потаскушка, негодяй! Чтобы я стала за тебя отвечать полиции?... Ах ты, пачкун, бревно глупое! Вон его! вон! неси куда хочешь! Чтоб я духу его не слыхала!

ЦЫРЮЛЬНИК (*чеша рукою за ухом*). Чорт его знает, как это сделалось... Пьян ли я вчера возвратился, или нет, уже наверное сказать не могу. А по всем приметам должно быть происшествие несбыточное: ибо хлеб – дело печеное, а нос совсем не то. Ничего не разберу!...

СУПРУГА. Потаскушка! Негодяй! Неси его вон отсюда!

ЦЫРЮЛЬНИК (*натаскивая сапоги*). Откуда ж бы ему взяться... (*В ужасе*.) Не дай бог, полицейские отыщут...

Приглушается свет, появляются в алых воротниках и со шпагами полицейские и ищут по всей комнате. Голоса: 'А подать сюда такого-сякого!...' У цырюльника волосы встают дыбом. Свет внезапно зажигается: в комнате никого нет.

ЦЫРЮЛЬНИК (*облегченно*). Уф... Подсунуть его куда-нибудь – и дело с концом: в тумбу, что ли, под воротами, или так как-нибудь нечаянно выронить, да поворотить в переулок...

СУПРУГА. Неси куда хочешь! Но чтоб духу вашего здесь не было! Мошенники вы оба!

Цырюльник выходит. Сцена поворачивается, и появляется панорама улицы.

Эпизод 3. На мосту

Панорама улицы, на одном ее конце дом цырюльника с надписью 'И кровь отворяют', на другом дом майора Ковалева с прибитой на двери огромной визитной карточкой 'Платон Кузьмич Ковалев, майор'. Между ними: Казанский собор, дом частного пристава, дом обер-полицмейстера, магазин Юнкера, мост через Неву, Газетная экспедиция. Из своего дома выходит цырюльник и идет по направлению к дому майора Ковалева, время от времени пытаясь подбросить нос. Но ему это не удается из-за встречи со знакомыми или незнакомыми людьми. Все это лучше изобразить пантомимой, за исключением двух-трех реплик. Вот цырюльник хочет подсунуть нос под тумбон.

1-й ЗНАКОМЫЙ. А, Иван Яковлевич, куда идешь?

ЦЫРЮЛЬНИК. Иду вот... (*Изображает вид, что спешит куда-то.*)

Знакомый проходит. Цырюльник делает еще попытку.

2-й ЗНАКОМЫЙ. Иван Яковлевич, кого так рано собрался брить?

ЦЫРЮЛЬНИК. Собрался вот... (*Та же игра.*)

Знакомый проходит. Цырюльник бросает нос и отходит с индифферентным видом.

БУДОЧНИК (*указывая алебардою*). Подыми! Вон ты что-то уронил!

Цырюльник в страхе поднимает нос. Между тем народу становится больше, и пантомимные сцены с выбрасыванием и указанием повторяются несколько раз и во все более быстром темпе. Наконец цырюльник в отчаянии останавливается недалеко от моста.

ЦЫРЮЛЬНИК (*в раздумьи*). В Неву его швырнуть?... Посмотреть будто бы под мост: много ли де рыбы бегаёт – и концы в воду...

Всходит на мост. Долго осматривается, быстро перегибается за перила и швыряет тряпку с носом в воду.

ЦЫРЮЛЬНИК (*облегченно*). Уф... Будто десять пуд свалилось... Теперь не грешно и стакан пуншу...

В страхе замолкает: в конце моста появляется квартальный надзиратель благородной наружности, с широкими бакенбардами.

КВАРТАЛЬНЫЙ (*кивая пальцем*). А подойди сюда, любезный!

ЦЫРЮЛЬНИК (*проворно подходит и, зная форму, издали еще снимает картуз*). Желая здравия вашему благородию!

КВАРТАЛЬНЫЙ. Нет, нет, братец, не благородию; скажи-ка, что ты там делал, стоя на мосту?

ЦЫРЮЛЬНИК. Ей-богу, сударь, ходил брить, да посмотрел только, шибко ли река идет.

КВАРТАЛЬНЫЙ. Врешь, врешь! Этим не отделаешься. Изволь-ка отвечать!

ЦЫРЮЛЬНИК. Я вашу милость два раза в неделю, или даже три, готов брить без всякого прекословия...

КВАРТАЛЬНЫЙ. Нет, приятель, это пустяки! Меня три цырюльника бреют, да еще и за большую

честь почитают. А вот изволь-ка рассказать, что ты там делал?

Цырюльник бледнеет, и здесь происшедшее совершенно закрывается туманом, и что далее произошло, решительно ничего неизвестно. Сцена уже некоторое время медленно двигалась, и с последними словами квартального панорама улицы исчезает за кулисами, и появляется квартира майора Ковалева.

Эпизод 4. У майора

Квартира майора Ковалева. На переднем плане, на постели, под той же огромной визитной карточкой, спит майор Ковалев. Пока он, причмокивая, спит, на заднем плане такой же майор Ковалев в чисто накрахмаленной манишке танцует вальс с хорошенькой барышней. Сделав последнее, наиболее изящное па, подводит барышню к креслу и сам исчезает.

КОВАЛЕВ (просыпаясь). Брр... (Потягивается и садится на постели.) Экая, однако, штука может присниться... То-то вчера мне штаб-офицерша Подточина сказала напрямик, что хочет за меня выдать дочку... Шалишь, я молод, однако: нужно прослужить сначала лет пяток, чтоб уж было ровно сорок два года... тогда посмотрим. (Подумав.) Да что ж, я непрочь и жениться, только ведь женитьба дело солидное. Я непрочь, когда за невестою случится двести тысяч капитала (причмокивает). А иначе – нет (решительно), не женюсь. Так просто, раг атоуг, – изволь!

БАРЫШНЯ (поет чувствительно).

Я помню чудное мгновенье:
передо мной явилась ты,
как мимолетное виденье,
как ангел чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
в тревогах шумной суеты,
звучал мне долго голос нежный
и снились милые черты...

КОВАЛЕВ (*в раздумье*). Что ж, двести тысяч – я готов... Да и то нужно проверить на деле. Теперь, пожалуй, обещают и дома, и экипажи, а как женишься – только и найдешь, что пуховики да перины. (*Потягивается.*) Иван!

Входит лакей. Барышня исчезает.

КОВАЛЕВ. Подай-ка, братец, зеркало.

Лакей подает небольшое, стоящее на столе зеркало.

КОВАЛЕВ. Вот досада... прыщик вскочил на носу вчерашнего дня... (*Смотрит в зеркало. Отшатывается и еще смотрит.*) Иван!

ИВАН. Чего-с?

КОВАЛЕВ (*растерянно*). Подай-ка, братец, воды.

Иван подает воды и выходит.

КОВАЛЕВ (*протирает водой глаза*). Точно, нет! (*В ужасе.*) Нет носа! Уж не сплю ли я! (*Ощупывает кругом рукою.*) Кажется, не сплю. (*Вскакивает с кровати, встряхивается и смотрит в зеркало снова.*) Нет носа! (*Трет место, где должен быть нос.*) Совершенно гладкое место! (*Не веря.*) Да как же так – вот и прыщик ведь вскочил же вчера. (*Шарит по лицу в поисках прыщика на носу.*) Какое прыщик,

когда и самого носа нет... Судите сами, где тут жениться: вместо недурного и умеренного носа преглупое, ровное и гладкое место... (*Кричит.*) Иван!

Входит Иван.

КОВАЛЕВ. Посмотри-ка, братец, на меня. Как я выгляжу, ничего?

ИВАН (*сурово*). Ничего-с.

КОВАЛЕВ. И ничего ты такого, голубчик, во мне не замечаешь?

ИВАН (*сурово*). Ничего-с.

КОВАЛЕВ. Хорошо, ступай.

Иван выходит.

КОВАЛЕВ. Нет, авось-либо мне так представилось: не может быть, чтоб нос пропал сдуру! (*Смотрит в зеркало, плюет.*) Тьфу! Чорт знает что за дрянь! Хотя бы уже что-нибудь было вместо носа, а то ничего!... Иван!

Входит Иван.

КОВАЛЕВ. Подавай, дурак, одеваться. (*Одеваясь, бормочет.*) Что же делать? Теперь прямо к обер-полицмейстеру, прямо к нему! Так и так, дело, мол, прямо касается до полиции, извольте принять соответствующие закону меры... (*Решительно.*) Да, прямо к обер-полицмейстеру!

Сцена медленно движется, и с этими словами квартира майора Ковалева исчезает и появляется панорама улицы.

Эпизод 5. Встреча

Улица. Из своего дома выходит Ковалев.

КОВАЛЕВ. Извозчик! Извозчик!... Как на беду, ни один извозчик не показывается. Как же я пойду? Если так только? (*Заворачивается в плащ и прикрывает лицо платком.*) Показать вид, будто кровь идет из носу? (*Прикрыв лицо платком, делает несколько неуверенных шагов.*) Не глядеть ни на кого, никому не кланяться!

Кособоко, из-за платка, который мешают ему смотреть, идет по улице в сторону дома обер-полицмейстера, время от времени выкрикивая: 'Извозчик!' Прохожие удивленно поглядывают на него. Внезапно, уже возле дома обер-полицмейстера, майор Ковалев натывается на какого-то господина в мундире.

ГОСПОДИН. Простите! (*Слегка отстраняя Ковалева, быстро проходит в дом обер-полицмейстера.*)

КОВАЛЕВ (*останавливается как вкопанный*). Нет! Явление неизъяснимое! Да это нос! Мой собственный нос! Каков! Неужели это он? (*Как бы в лихорадочном бреду.*) В мундире, шитом золотом, со стоячим воротником, в замшевых панталонах, при боку шпага... По шпаге с плюмажем можно заключить, что он считается в чине статского советника... Ого! И что странно, однако же, что и он тоже направился к обер-полицмейстеру... А если они в заговоре? (*Думает.*) Нет, дождусь его непременно и решительно объяснюсь. (*Смотрит на дверь.*) С

ума схожу! Как и подумать о таком странном происшествии! Как же можно, в самом деле, чтобы нос – нос! – который еще вчера был у меня на лице, не мог ни ездить, ни ходить – был в мундире, да еще статского советника?! Нет, быть этого не может!

Нос выходит. Майор Ковалев бросается к нему, но тот быстро удаляется, преследуемый майором, и входит в Казанский собор. Ковалев вбегает за ним, минуя нищих старух на паперти. Уличная панорама скрывается, и появляется внутренность Казанского собора.

Эпизод 6. В Казанском соборе

Внутренность собора. Несколько богомолков в черном. Нос стоит немного в стороне, спрятал совершенно лицо свое в большой стоячий воротник и с выражением величайшей набожности молится перед большой иконой. Входит майор Ковалев.

КОВАЛЕВ (*ищет глазами по всем углам*). Где же он? (*Увидел.*) А! Но как подойти к нему? По всему, по мундиру, по шляпе видно, что он статский советник. Чорт его знает, как это сделать!

Ковалев подходит к носу и покашливает; но нос, ни на минуту не оставляя набожного своего положения, отвечает поклоны.

КОВАЛЕВ (*внутренне принуждая себя ободриться*). Милостивый государь... милостивый государь...

НОС (*оборотившись*). Что вам угодно?

КОВАЛЕВ. Мне странно, милостивый государь... мне кажется... вы должны знать свое место. И вдруг я вас нахожу, и где же? – в церкви. Согласитесь...

НОС. Извините меня, я не могу взять в толк, о чем вы изволите говорить... Объяснитесь.

КОВАЛЕВ (*в сторону*). Как мне ему объяснить? (*Носу, собравшись с духом.*) Конечно, я... Впрочем, я майор. Мне ходить без носа, согласитесь, это неприлично. Какой-нибудь торговке, которая продает на Воскресенском мосту очищенные апельсины, можно сидеть без носа; но, имея в виду получить... притом будучи во многих домах знаком с дамами: Чехтарева, статская советница, и другие... Вы посудите сами... я не знаю, милостивый государь... (*Пожимая плечами.*) Извините... если на это смотреть сообразно с правилами долга и чести... вы сами можете понять...

НОС. Решительно ничего не понимаю. Изъяснитесь удовлетворительнее.

КОВАЛЕВ (*с чувством собственного достоинства*). Милостивый государь... я не знаю, как понимать слова ваши... Здесь все дело, кажется, совершенно очевидно... Или вы хотите... Ведь вы мой собственный нос!

НОС (*смотрит на майора, несколько нахмутив брови*). Вы ошибаетесь, милостивый государь. Я сам по себе. Притом между нами не может быть никаких тесных отношений. Судя по пуговицам вашего вицмундира, вы должны служить по другому ведомству.

Церковный хор внезапно: 'Аллилуйя!... Аллилуйя!... Аллилуйя!...' Нос отворачивается от Ковалева и начинает горячо отбивать поклоны. Ковалев в растерянности оглядывается. В этот момент в церкви появляется пожилая дама, вся убранная кружевами, и с нею тоненькая барышня в белом платье, та же, что и утром в квартире майора Ковалева. Ковалев подступает ближе, высунув батистовый воротничок манишки, поправив висевшие на золотой цепочке свои печатки и улыбаясь по сторонам, но вдруг отскакивает, как будто обжегшись: он вспомнил, что у него вместо носа совершенно нет ничего, и слезы выдавились из глаз его. В ярости оборачивается он к месту, где только что стоял господин в мундире.

КОВАЛЕВ (горячо). Вы плут и подлец, сударь, вы только прикинулись статским советником, а вы больше ничего, как мой собственный... Да где же он?!

Видит, что господин исчез, пока он засмотрелся на дам, и бросается вслед за ним из собора. Сцена движется и появляется панорама улицы.

Эпизод 7. Скачка

Улица. Майор Ковалев выходит из собора и лихорадочно оглядывается в поисках носа. К нему подбегают нищие старухи с завязанными лицами и двумя отверстиями для глаз, над которыми он прежде так смеялся.

СТАРУХИ. Подай, Христа ради... Подай, барин, Христа ради... Подай, Христа ради...

КОВАЛЕВ. Бог подаст... Бог подаст... (*Насилу вырвавшись.*) Вот твари безносые... Где же его искать? Помню, что шляпа на нем была с плюмажем

и мундир с золотым шитьем, а шинель не заметил! Да и трудно приметить: вон какая тьма народу!

Некоторые из толпы приветливо махают Ковалеву рукой, но тот испуганно закрывается.

КОВАЛЕВ. Вон и подполковник знакомый идет! Вон и Ярыжкин, столоночальник в сенате, большой приятель! Вечно в бостоне обремизивается, когда играет восемь! Вон и другой майор, тоже с Кавказа... *(В сердцах.)* А, чорт возьми! Эй, извозчик!

Появляется извозчик. Ковалев садится в дрожки.

КОВАЛЕВ. Вези прямо к обер-полицмейстеру!

Дрожки скачут. Марш. Ковалев покрикивает: 'Валяй во всю ивановскую!' Дрожки останавливаются возле дома обер-полицмейстера.

КОВАЛЕВ *(сходя с дрожек, будочнику, который стоит возле дома)*. У себя обер-полицмейстер?

БУДОЧНИК *(тот же, что и в эпизоде с цырюльником)*. Никак нет, только что уехал.

КОВАЛЕВ. Вот тебе раз!

БУДОЧНИК. Да оно и не так давно, но уехал. Минуточкой бы пришли раньше, то, может, застали бы дома.

КОВАЛЕВ *(вскакивая в дрожки, отчаянным голосом)*. Пошел!

ИЗВОЗЧИК *(равнодушно)*. Куда?

КОВАЛЕВ. Пошел прямо!

ИЗВОЗЧИК. Как прямо? Тут поворот: направо или налево?

КОВАЛЕВ (*обнаруживая некоторое знакомство с Шекспиром*). Направо или налево? налево или направо? – вот вопрос. Снести в Управу благочиния? Не потому, что дело мое имеет прямое отношение к полиции, но распоряжения ее могли бы быть гораздо быстрее, чем в других местах... Или же искать удовлетворения по начальству того места, при котором нос объявил себя служащим? Нет, это безрассудно. Из собственных ответов его уже можно видеть, что для этого человека ничего нет священного: он может солгать и в этом случае, как солгал, уверяя, что никогда не встречался со мной! Да, ехать в Управу благочиния!... Да вдруг этот плут и мошенник, который поступил уже при первой встрече таким бессовестным образом, может опять, пользуясь временем, как-нибудь улизнуть из города – и тогда пиши пропало... Все искания будут тщетны или могут продолжиться, чего боже сохрани, на целый месяц... Нет, не годится в управу! (*Задумывается.*) Вот! Отнестись прямо в Газетную экспедицию и заблаговременно сделать публикацию с обстоятельным описанием всех качеств, дабы всякий, встретивший его, мог в ту же минуту ко мне его представить или по крайней мере дать знать о месте пребывания. Решено! (*Извозчику.*) Пошел в Газетную экспедицию!

Дрожки трогаются. Скачка. Марш. Ковалев не переставая тужить извозчика в спину, приговаривая: 'Скорей, подлец! скорей, мошенник!' 'Эх, барин!' – восклицает возчик, потря-

хивая головой и стегая вожжой свою лошадь, на которой шерсть длинная, как на болонке. Наконец, дрожки останавливаются у Газетной экспедиции. Ковалев соскакивает и вбегает в дом. Сцена вновь поворачивается, и появляется внутренность Газетной экспедиции.

Эпизод 8. В Газетной экспедиции

Небольшая приемная комната, воздух в ней чрезвычайно густ. Седой чиновник в старом фраке и очках сидит за столом и, взявши в зубы перо, считает принесенные медные деньги. По сторонам стоит множество старух, купеческих сидельцев и дворников с записками. Лакей с галунами и наружностью, показывавшею пребывание его в аристократическом доме, стоит возле стола с запискою в руках.

ЛАКЕЙ (*он почел приличным показать свою общительность*). Поверите ли, сударь, что собачонка не стоит и восьми гривен, то есть я не дал бы за нее и восьми грошей; а графиня любит, ей-богу любит, – и вот тому, кто ее отыщет, сто рублей! Если сказать по приличию, то вот так, как мы теперь с вами, вкусы людей совсем не совместны: уж когда охотник, то держи легавую собаку или пуделя; не пожалей пятисот, тысячу дай, но зато уж чтоб была собака хорошая.

Чиновник слушает со значительною миною и в то же время занимается сметою: сколько букв в принесенной записке. Вбегает возбужденный Ковалев.

КОВАЛЕВ. Кто здесь принимает объявления? (*Видит чиновника.*) А, здравствуйте!

ЧИНОВНИК (*поднявши на минуту глаза и опу-*

стивши их снова на разложенные кучи денег). Мое почтение.

КОВАЛЕВ. Я желаю припечатать ...

ЧИНОВНИК (*ставя одной рукой цифру на бумаге и передвигая пальцами левой руки два очка на счетах*). Позвольте. Прошу немного повременить.

КОВАЛЕВ (*с нетерпением*). Милостивый государь, позвольте вас попросить ... Мне очень нужно.

1-я СТАРУХА (*криливо*). Мне тоже нужно: отпускается в услужение кучер трезвого поведения!

2-я СТАРУХА (*наступая на Ковалева*). Отпускается малоподержанная коляска, вывезенная в 1814 году из Парижа!

3-я СТАРУХА (*сцена идет во все более быстром темпе*). А также дворовая девка девятнадцати лет, упражнявшаяся в прачечном деле, годная и для других работ! ...

4-я СТАРУХА. Прочные дрожки без одной рессоры! ...

5-я СТАРУХА. Молодая горячая лошадь в серых яблоках, семнадцати лет от роду! ...

6-я СТАРУХА. Новые, полученные из Лондона, семена репы и редиса! ...

7-я СТАРУХА (*в бешеном темпе*). Дача со всеми угожьями: ...

1-я СТАРУХА. ... двумя стойлами для лошадей ...

2-я СТАРУХА. ... и местом ...

3-я СТАРУХА. ... на котором ...

4-я СТАРУХА. ... можно развести ...

5-я СТАРУХА. ... превосходный ...

6-я СТАРУХА. ... березовый ...

7-я СТАРУХА. ... или еловый ...

ВСЕ СТАРУХИ (*истерически*). ... сад! Сад! Сад!

СИДЕЛЕЦ (*запинаясь, читает по записке*). Желающие купить старые подошвы соблаговолит явиться к переторжке каждый день от восьми до трех часов утра ...

ЧИНОВНИК. Сейчас, сейчас! (*Бросая старухам и дворникам записки в глаза.*) Два рубля сорок три копейки! Сию минуту! Рубль шестьдесят четыре копейки! Сию минуту! Рубль восемьдесят пять копеек! Сию минуту! (*Говорит все быстрее, так что его речь сливается в сплошное: рубль... копеек... минуту...*)

Все хватают свои записки и расходятся по углам, образуя для чиновника и Ковалева достаточно места.

ЧИНОВНИК (*спокойно Ковалеву*). Что вам угодно?

КОВАЛЕВ. Я прошу ... Случилось мошенничество или плутовство, я до сих пор не могу никак узнать. Я прошу только припечатать, что тот, кто ко мне этого подлеца представит, получит достаточное вознаграждение.

ЧИНОВНИК. Позвольте узнать, как ваша фамилия?

КОВАЛЕВ. Нет, зачем же фамилию? Мне нельзя сказать ее. У меня много знакомых: Чехтарева, статская советница, Пелагея Григорьевна Подточина, штаб-офицерша... Вдруг узнают, боже сохрани! Вы можете просто написать: коллежский ассессор, или, еще лучше, состоящий в майорском чине.

ЧИНОВНИК. А сбежавший был ваш дворовый человек?

КОВАЛЕВ. Какое дворовый человек? Это бы еще не такое большое мошенничество! Сбежал от меня... нос...

ЧИНОВНИК. Гм! какая странная фамилия! И на большую сумму этот господин Носов обокрал вас?

КОВАЛЕВ. Нос, то есть... вы не то думаете! Нос, мой собственный нос пропал неизвестно куда. Чорт хотел подшутить надо мною!

ЧИНОВНИК. Да каким же образом пропал? Я что-то не могу хорошенько понять.

КОВАЛЕВ. Да я не могу вам сказать, каким образом; но главное то, что он разъезжает теперь по городу и называет себя статским советником. И потому я вас прошу объявить, чтобы поймавший представил его немедленно ко мне в самом скорейшем времени. Вы посудите, в самом деле, как же мне быть без такой заметной части тела? Это не то, что какой-нибудь мизинный палец на ноге, которую я в сапог – и никто не увидит, если его нет. Я бываю по четвергам у статской советницы Чехтаревой; Подточина Пелагея Григорьевна,

штаб-офицерша, и у ней дочка очень хорошенькая, тоже очень хорошие знакомые, и вы посудите сами, как же мне теперь... Мне теперь к ним нельзя явиться.

ЧИНОВНИК (*думает, крепко сжавши губы, говорит после долгого молчания*). Нет, я не могу поместить такого объявления в газетах.

КОВАЛЕВ. Как? Отчего?

ЧИНОВНИК. Так. Газета может потерять репутацию. Если всякий начнет писать, что у него сбежал нос, то... И так уже говорят, что печатается много несообразностей и ложных слухов.

КОВАЛЕВ. Да чем же это дело несообразное? Тут, кажется, ничего нет такого.

ЧИНОВНИК. Это вам так кажется, что нет. А вот на прошлой неделе такой же был случай. Пришел чиновник таким же образом, как вы теперь пришли, принес записку, денег по расчету пришлось два рубля семьдесят три копейки, и всё объявление состояло в том, что сбежал пудель черной шерсти. Кажется, что бы тут такое? А вышел пасквиль: пудель-то этот был казначей, не помню какого-то заведения.

КОВАЛЕВ. Да ведь я вам не о пуделе делаю объявление, а о собственном моем носе: стало быть, почти то же, что о самом себе.

ЧИНОВНИК. Нет, такого объявления я никак не могу поместить.

КОВАЛЕВ. Да когда у меня точно пропал нос!

ЧИНОВНИК. Если пропал, то это дело медика. Говорят, что есть такие люди, которые могут приставить какой угодно нос. Но, впрочем, я замечаю, что вы должны быть человек веселого нрава и любите в обществе пошутить.

КОВАЛЕВ. Клянусь вам, вот как бог свят! Пожалуй, уж если до того дошло, то я покажу вам.

ЧИНОВНИК (*нюхая табак*). Зачем беспокоиться! (*С движением любопытства.*) Впрочем, если не в беспокойство, то желательно бы взглянуть.

Коллежский ассессор отнимает от лица платок.

ЧИНОВНИК. В самом деле, чрезвычайно странно! Место совершенно гладкое, как будто бы только что выпеченный блин. Да, до невероятности ровное!

КОВАЛЕВ. Ну, вы и теперь будете спорить? Вы видите сами, что нельзя не напечатать. (*Решась на сей раз немного поподличать.*) Я вам буду особенно благодарен; и очень рад, что этот случай доставил мне удовольствие с вами познакомиться...

ЧИНОВНИК. Напечатать-то, конечно, дело небольшое, только я не предвижу в этом никакой для вас выгоды. Если уже хотите, то отдайте тому, кто имеет искусное перо, описать это как редкое произведение природы и напечатать эту статейку в 'Северной пчеле' (*понюхав еще раз табаку*) для пользы юношества (*утерев нос*), или так, для общего любопытства. (*Похлопывает по газете.*)

КОВАЛЕВ (*обезнадеженно опускает глаза вниз га-*

зеты, где было извещение о спектаклях; уже лицо его готово улыбнуться). А, тут, я вижу, припечатано извещение о гастролях мадмуазель Фифи, прехорошенькая, как говорят, штучка... Какая же, позвольте, указана цена за билет в креслах? (Заглядывает в газету и хватается за карман: есть ли при нем синяя ассигнация, потому что штаб-офицеры, по мнению Ковалева, должны сидеть в креслах, но тотчас спохватывается.) Какой там, впрочем, билет – куда же я денусь без носа!

ЧИНОВНИК (*желая сколько-нибудь облегчить горесть майора*). Мне, право, очень прискорбно, что с вами случился такой анекдот. Не угодно ли вам понюхать табачку? Это разбивает головные боли и печальные расположения; даже в отношении к гемороидам это хорошо.

Говоря это, чиновник подносит Ковалеву табакерку, довольно ловко подвернув под нее крышку с портретом какой-то дамы в шляпке.

КОВАЛЕВ (*выведенный из терпения этим неумышленным поступком*). Я не понимаю, как вы находите место шуткам! (*С сердцем.*) Разве вы не видите, что у меня именно нет того, чем бы я мог понюхать? Чтоб чорт побрал ваш табак! Я теперь не могу смотреть на него, и не только на скверный ваш березинский, но хоть бы вы поднесли мне самого рапе.

С раздражением вырывает у чиновника табакерку, высыпает ему табак на голову и выбегает из Газетной экспедиции. Сцена поворачивается, и появляется панорама улицы.

Эпизод 9. Задом наперед!

Улица. Майор Ковалев выбегает из Газетной экспедиции и садится в поджидające его дрожки.

КОВАЛЕВ. Пошел!

ИЗВОЗЧИК (равнодушно). Куда?

КОВАЛЕВ (подумав). Только в часть остается... (Извозчику.) Валяй к частному приставу!

Дрожки трогаются задом наперед. Марш. Ковалев кричит: 'Валяй во всю ивановскую!' Когда проезжают по мосту, семь старух-торговок на мосту, бросаясь к нему, выкликают: 'А вот очищенные апельсины... Купите апельсины... Барин, возьми апельсины...'. Одна даже цепляется за дрожки и едет некоторое время.

КОВАЛЕВ (с дрожек). Прочь, прочь, твари безносые!...

В продолжении скачки до дома частного пристава из дверей Газетной экспедиции поочередно выскакивают дворники и сидельцы и устремляются вслед за Ковалевым с криками: 'Кучер трезвого поведения... Пропал нос! Малоподдержанная коляска... Два рубля сорок три копейки! Дворовая девка девятнадцати лет... Разыскивается нос! Прочные дрожки... Рубль шестьдесят четыре! Молодая горячая лошадь... Скрылся нос! Семена репы и редиса... Рубль восемьдесят пять! Дача со всеми угожьями... Нос! Двумя стойлами... Нос! Еловым садом... Нос! Желающие купить... Нос! Нос! НОС! НОС! НОС!' Под эти крики и звуки марша дрожки останавливаются перед домом частного пристава. Ковалев соскакивает с дрожек и вбегает в дом. Сцена поворачивается, и появляется квартира частного пристава.

Эпизод 10. У частного пристава

Квартира частного пристава. Икона, какая была в соборе, только перевернутая. Пристав сидит и подтягивается. Шпага и все военные доспехи мирно висят по углам.

ПРИСТАВ (*собираясь прилечь*). После боевой бранной жизни можно вкусить и удовольствия мира...

Входит кухарка.

КУХАРКА. Там купцы поздравить пришли.

ПРИСТАВ. Раз поздравить, так впусти. Скажи им, пусть идут.

Кухарка выходит. Входят купцы с сахарными головами.

КУПЦЫ. Поклон вашей милости. Не побрезгуй, отец наш, хлебом и солью: кланяемся тебе сахарцом.

ПРИСТАВ. Нет, я взяток не беру. Если бы вы, например, займы мне предложили рублей... ну, пятьдесят – ну, тогда другое дело, тогда я могу взять.

КУПЦЫ. Изволь, отец наш. Чего ж пятьдесят! Уж лучше сто возьми.

ПРИСТАВ. Извольте – займы я возьму. (*Берет деньги*).

КУПЦЫ. Так уж возьмите за одним разом и сахарцу, из одной дружбы.

ПРИСТАВ. Ну что ж, из дружбы возьму, давайте и сахарцу...

КУПЦЫ. Премного благодарны вашей милости...

Расставляют сахарные головы и, кланяясь, выходят.

ПРИСТАВ (*считает*). Это купца Абдулина голова... Это купца Старикова голова... Это Брандахлыстова голова... Это Купердягина... А это чья же? (*Останавливается перед головой.*) Да чья бы ни была – всё в дело годится! (*Надевает на сахарную голову свою грозную треугольную шляпу и садится.*) Охотник я до сахару, а эта вещь! (*Достает и рассматривает ассигнацию.*) Уж нет ничего лучше этой вещи: есть не просит, места займет немного, в кармане всегда поместится, уронишь – не расшибется. (*Прячет ассигнацию в карман.*) Мавра!

Входит кухарка.

ПРИСТАВ. Скидавай сапоги! (*Кухарка стаскивает с него сапоги.*) Эх, славно засну два часика! Сейчас кто хоть сколько фунтов чаю или сукна принеси – не приму...

Кухарка выходит. Пристав собирается прилечь. В этот момент вбегает Ковалев.

КОВАЛЕВ. Здравствуйте!

ПРИСТАВ (*недовольно*). В чем дело?

КОВАЛЕВ. Дело такого свойства, что не знаю, как изъяснить... Случилось мошенничество или плутовство, я до сих пор не могу никак узнать...

ПРИСТАВ (*строго*). А позвольте узнать, как ваша фамилия?

КОВАЛЕВ. Нет, зачем же фамилию? Мне нельзя сказать ее. У меня много знакомых: Чехтарева, статская советница, Палагея Григорьевна Подточина, штаб-офицерша... Вдруг узнают, боже сохрани...

ПРИСТАВ. А что же, позвольте, вы хотите скрыть?...

КОВАЛЕВ. Я, наоборот, хочу раскрыть... Тут, видите ли, такое непонятное дело... Сбежал от меня нос...

ПРИСТАВ. Как нос? Это что же, прозвище такое? Сбежавший был ваш дворовый человек?

КОВАЛЕВ. Какое дворовый человек? Это бы еще не такое большое мошенничество. Сбежал от меня нос...

ПРИСТАВ. И на большую сумму этот господин Носов обокрал вас?

КОВАЛЕВ. Нос, то есть... Вы не то думаете! Нос, мой собственный нос, пропал неизвестно куда. Чорт хотел подшутить надо мною!

ПРИСТАВ. Да каким же образом пропал? Я что-то не могу хорошенько понять.

КОВАЛЕВ. Да я не могу вам сказать, каким образом; но главное то, что он разъезжает теперь по городу и называет себя статским советником. И потому я прошу вас немедленно нарядить следствие.

ПРИСТАВ (*недовольно*). После обеда, милостивый государь, не то время, чтобы производить следствие, сама натура назначила, чтобы, наевшись, немного отдохнуть...

КОВАЛЕВ (*решившись на сей раз немного поподличать*). Вижу, что вам небезизвестны изречения древних мудрецов... Но посудите сами, как же мне быть без такой заметной части тела, как нос? Это не то, что какой-нибудь мизинный палец на ноге, которую я в сапог – и никто не увидит, если его нет. Я бываю по четвергам у статской советницы Чехтаревой; Подточина, Палагея Григорьевна, штаб-офицерша, и у ней дочка очень хорошенькая, тоже очень хорошие знакомые, и вы посудите сами, как же мне теперь... Мне теперь к ним нельзя явиться.

ПРИСТАВ. На это я вам, милостивый государь, могу заметить, что у порядочного человека не оторвут носа.

КОВАЛЕВ (*с негодованием*). Я, однако, осмелюсь вам заметить, не прапорщик, не подпоручик, не поручик какой-нибудь, а майор, милостивый государь!

ПРИСТАВ. Ну и что ж, что майор! Много есть на свете всяких майоров, которые не имеют даже и исподнего в приличном состоянии и таскаются по всяким непристойным местам!

Пристав в раздражении схватывает свою шляпу и надевает ее на себя вместе с приросшей к ней и оказавшейся полой сахарной головой, так что вместо головы у него оказывается кусок сахара.

КОВАЛЕВ (*глядит на него в обалдении, немного расставив руки, но с чувством собственного достоинства*). Признаюсь, после таких обидных с вашей стороны замечаний я ничего не могу прибавить...

Майор выходит. Сцена поворачивается, и вновь появляется панорама улицы.

Эпизод 11. Возвращение домой

Улица. Моросит дождь. Ковалев выходит из дома пристава.

КОВАЛЕВ. Я могу все принять, что обо мне самом говорится, но как извинить, если это относится к чину и званию?! (*Подумав.*) Да что из того, что я майор? Суета, всё суета... (*Садясь в дрожки.*) Пошел домой...

Дрожки медленно движутся к дому Ковалева. Сам майор сидит потупившись. Траурный марш. Прохожие невнятно произносят: 'Нос... нос... нос... нос... нос...' На мосту торговли с криками: 'Нос! Нос!' – забрасывают Ковалева тухлыми апельсинами, драными манишками и увядшими цветками. Наконец он подъезжает к своему дому и, сунув извозчику деньги в руку, вбегает в подъезд. Сцена перемещается, и появляется квартира Ковалева.

Эпизод 12. При свечах

Квартира Ковалева. Уже сумерки. На диване лежит лакей Иван и плюет в потолок, попадая довольно удачно в одно и то же место.

КОВАЛЕВ (*входя*). Тьфу, как печально всё и гадко... Какое равнодушие кругом... (*Видит Ивана, ударяет его шляпой по лбу.*) Ты, свинья, вечно глупостями занимаешься!

Иван вскакивает, снимает плащ с Ковалева и выходит.

КОВАЛЕВ (*бросаясь в кресло*). Боже мой! боже мой! За что это такое несчастье? Будь я без руки или без ноги – всё бы это лучше; будь я без ушей – скверно, однако ж всё сноснее; но без носа человек – чорт знает что: птица не птица, гражданин не гражданин, – просто возьми да и вышвырни за окошко! И пусть бы уже на войне отрубили или на дуэли, или я сам был причиною; но ведь пропал ни за что ни про что, пропал даром, ни за грош!... (*Немного подумав.*) Только нет, не может быть... Невероятно, чтобы нос пропал; никаким образом невероятно. Это, верно, или во сне снится, или просто грезится; может быть, я как-нибудь ошибкою выпил вместо воды водку, которою вытираю после бритья себе бороду. Иван, дурак, не принял, и я, верно, хватил ее. Право, грезится... (*Щиплет себя.*) Ай! Нет, не грезится... (*Подходит к зеркалу, зажмуривая глаза.*) А вдруг на месте? (*Открывает глаза и отскакивает от зеркала.*) Экой пасквильный вид! (*Ходит по комнате.*) Непонятно, непонятно! Если бы пропала пуговица, серебряная ложка, часы или что-нибудь подобное; но пропасть – и кому же пропасть? – и притом еще на собственной квартире!... (*Задумывается.*) Да, сообразя все обстоятельства, едва ли не ближе всего к истине, что виною этого никто другой, как штаб-офицерша

Подточина. Она всегда желала, чтоб я женился на ее дочери. Что ж, я и сам непрочь приволокнуться, но окончательной разделки... Так она прямо объявила, что хочет выдать ее за меня. Я прямо сказал, что еще молод, что нужно мне прослужить лет пять, чтоб уже ровно было сорок два года... Она, точно она, проклятая штаб-офицерша... Верно, из мщения решила меня испортить и наняла для этого каких-нибудь колдовок-баб... Потому что никаким образом нельзя предположить, чтобы нос был отрезан: никто не входил ко мне в комнату; цырюльник же Иван Яковлевич брил меня еще в среду, а в продолжение всей среды и даже во весь четверг нос у меня был цел – это я помню и знаю очень хорошо. Притом была бы мной без сомнения чувствуема боль, и, без сомнения, рана не могла бы так скоро зажить и быть гладкою, как блин. (*Проводит рукой по месту, где был нос.*) Что ж делать: звать ли штаб-офицершу формальным порядком в суд, или явиться к ней самому и уличить ее?

Появляется свет из-под двери и входит Иван со свечей. Ковалев быстро закрывает лицо платком. Звонок колокольчика. Иван выходит.

ГОЛОС (*в передней*). Здесь ли живет коллежский ассессор Ковалев?

КОВАЛЕВ (*поспешно отворяя дверь*). Войдите. Майор Ковалев здесь.

Входит полицейский чиновник красивой наружности, тот самый, который в третьем эпизоде стоял в конце моста.

КВАРТАЛЬНЫЙ. Вы изволили затерять свой нос?

КОВАЛЕВ. Так точно.

КВАРТАЛЬНЫЙ. Он теперь найден.

КОВАЛЕВ. Что вы говорите? (*Радость отняла у него язык. Глядит в оба на стоящего перед ним квартального, на полных губах и щеках которого ярко мелькает трепетный свет свечи.*) Каким образом?

КВАРТАЛЬНЫЙ. Странным случаем: его перехватили почти на дороге. Он уже садился в дилижанс и хотел уехать за границу. И паспорт давно был выписан на имя одного чиновника. И странно то, что я сам принял его сначала за господина. Но, к счастью, были со мной очки, и я тот час же увидел, что это был нос. Ведь я близорук, и если вы станете передо мною, то я вижу только, что у вас лицо, но ни носа, ни бороды, ничего не замечу. Моя теща, то есть мать жены моей, тоже ничего не видит.

КОВАЛЕВ (*вне себя*). Где же он? Где? Я сейчас побегу.

КВАРТАЛЬНЫЙ. Не беспокойтесь. Я, зная, что он вам нужен, принес его с собою. И странно то, что главный участник в этом деле есть мошенник цырюльник на Вознесенской улице, который сидит теперь на съезжей. Не исключено даже, что он находился с вашим носом в заговоре. Я давно подзревал его в пьянстве и воровстве, и еще третьего дня стащил он в одной лавочке бортище пуговиц. Нос ваш совершенно таков, как был. (*Лезет в кар-*

ман и вытаскивает оттуда завернутый в бумажке нос.)

КОВАЛЕВ. Так, он! Точно, он! Выкушайте сегодня со мной чашечку чаю.

КВАРТАЛЬНЫЙ. Почел бы за большую приятность, но никак не могу: мне нужно заехать отсюда в смирительный дом... Очень большая поднялась дороговизна на все припасы... У меня в доме живет и теща, то есть мать моей жены, и дети; старший особенно подает большие надежды: очень умный мальчишка, но средств для воспитания совершенно нет никаких...

Ковалев догадывается и, схватив со стола красную ассигнацию, сует в руки надзирателю, который, любезно поклонившись, выходит за дверь. В ту же почти минуту уже слышно голос его на улице, где он увещевает по зубам одного глупого мужика, наехавшего со своей телегой как раз на бульвар: 'Куда заехал, рыло неумытое!' Коллежский ассессор по уходе квартального несколько минут остается в каком-то неопределенном состоянии и едва через несколько минут приходит в возможность видеть и чувствовать: в такое беспмятство подвергла его неожиданная радость.

КОВАЛЕВ (*взяв бережливо найденный нос в обе руки, сложенные горстью, и еще раз рассматривая его внимательно*). Так, он, точно он! Вот и прыщик на левой стороне, вскочивший вчерашнего дня. (*Смеется от радости, постепенно перестает смеяться и задумывается.*) Ведь нужно же его приставить... (*Подносит нос ближе к лицу.*) А что если не пристанет?! (*С чувством неизъяснимого страха бросается к столу, придвигает зеркало, чтобы как-нибудь не поставить нос криво, руки его дрожат,*

осторожно и осмотрительно накладывает он его на прежнее место.) О, ужас! Не приклеивается! (Подносит нос ко рту, нагревает его слегка своим дыханием и опять подносит к гладкому месту, находящемуся между двух щек.) Нет, не держится! (Делает новую попытку.) Ну! ну же! полезай, дурак! (Нос как деревянный и падает на стол с таким странным звуком, как будто пробка. Лицо майора судорожно искривляется.) Неужели не прирастет? (Несколько раз подносит его на его место, но все безуспешно.) Иван!

Входит Иван.

КОВАЛЕВ. Сбегай-ка, братец, за доктором, здесь же в бельэтаже. Скажи: барин тот час просит прийти.

Иван выходит. Майор еще несколько раз прикладывает нос, с ужасом повторяя: 'Неужели не прирастет? Неужели не прирастет?...' Почти в ту же минуту входит доктор, видный из себя мужчина. Ковалев не замечает даже лица его и в глубокой бесчувственности видит только выглядывающие из рукавов его черного фрака рукавички белой и чистой, как снег, рубашки.

КОВАЛЕВ (со стоном). Доктор, несчастье... (Указывает ему на нос свой.) Нельзя ли приставить на место?

ДОКТОР (спокойно). Как давно случилось несчастье?

КОВАЛЕВ. Сегодня поутру...

ДОКТОР. Гм...

Поднимает майора Ковалева за подбородок и дает ему большим пальцем щелчка в то самое место, где прежде был нос, так что майор откидывает свою голову назад с такою силою, что ударяется затылком о стену.

КОВАЛЕВ. Ох!

ДОКТОР. Ничего, ничего ... Отодвиньтесь немного от стены и перегните голову на правую сторону.

Майор отодвигается и перегибает голову.

ДОКТОР (*пощупавши то место, где был нос*). Гм! Перегните голову на левую сторону.

Майор перегибает голову.

ДОКТОР. Гм!

Дает ему опять большим пальцем щелчка, так что майор Ковалев дергает головою, как конь, которому смотрят в зубы.

ДОКТОР. Нет, нельзя. Вы уж лучше так оставайтесь, потому что можно сделать еще хуже. Оно, конечно, приставить можно; я бы, пожалуй, вам тот час приставил его; но я вас уверяю, что это для вас хуже.

КОВАЛЕВ. Вот хорошо! Как же мне оставаться без носа? Уж хуже не может быть, как теперь. Это просто чорт знает что! Куда же я с такою пасквильностью покажуся? Я имею хорошее знакомство; вот и сегодня мне нужно быть на вечере в двух домах. Я со многими знаком: статская советница Чехтарева, Подточина, штаб-офицерша...

хоть после теперешнего поступка ее я не имею с ней другого дела, как только через полицию. (*Умоляющим голосом.*) Сделайте милость, нет ли средства? как-нибудь приставьте; хоть не хорошо, лишь бы только держался; я даже могу его слегка подпирать рукою в опасных случаях. Я же притом и не танцую, чтобы мог повредить каким-нибудь неосторожным движением. Всё, что относится насчет благодарности за визиты, уж будьте уверены, сколько дозволяют мои средства...

ДОКТОР (*ни громким, ни тихим голосом, но чрезвычайно уветливым и магнетическим*). Верите ли, что я никогда из корысти не лечу. Это противно моим правилам и моему искусству. Правда, я беру за визиты, но единственно с тем только, чтобы не обидеть моим отказом. Конечно, я бы приставил ваш нос; но я вас уверяю честью, если уже вы не верите моему слову, что это будет гораздо хуже. Предоставьте лучше действию самой природы. Мойте чаще холодной водою, и я вас уверяю, что вы, не имея носа, будете так же здоровы, как если бы имели его. А нос я вам советую положить в банку со спиртом или, еще лучше, влить туда две столовые ложки острой водки и подогретого уксуса, – и тогда вы можете взять за него порядочные деньги. Я даже сам возьму его, если вы только не подорожаетесь.

На стене, как на экране, возникает огромная банка с шевелящимся в ней носом в майорской треугольной шляпе.

КОВАЛЕВ. Нет, нет! ни за что не продам! Пусть лучше он пропадет!

ДОКТОР. Извините! Я хотел быть вам полезным... Что ж делать! По крайней мере вы видели мое старание.

Откланивается и с благородною осанкою выходит.

КОВАЛЕВ (*в отчаянии расхаживает по комнате*). Что же делать? Что же делать?! (*В ярости бросает нос на пол, но спохватывается, поднимает его и бережно заворачивает.*) А не лучше ли, прежде представления жалобы, написать штаб-офицерше... Не согласится ли она без бою возратить то, что следует?...

В глубине комнаты появляются штаб-офицерша с дочерью, те же, что и в Казанском соборе.

КОВАЛЕВ (*стоя в другом углу комнаты*). Милостивая государыня, Палагея Григорьевна! (*Делает шаг в ее сторону.*)

ПОДТОЧИНА (*сладким голосом*). Милостивый государь, Платон Кузьмич! (*Делает шаг в его сторону.*)

КОВАЛЕВ. Не могу понять странного со стороны вашей действия.

ПОДТОЧИНА. Чрезвычайно удивило меня письмо ваше.

КОВАЛЕВ. Будьте уверены, что, поступая таким образом, ничего вы не выиграете и ничуть не принудите меня жениться на вашей дочери.

ПОДТОЧИНА. Я, признаюсь вам по откровен-

ности, никак не ожидала, а тем более относительно несправедливых укоризн со стороны вашей.

КОВАЛЕВ. Поверьте, что история насчет моего носа мне совершенно известна, равно как то, что в этом вы есть главные участницы, а не кто другой. Внезапное его отделение от своего места, побег и маскирование, то под видом одного чиновника, то, наконец, в собственном виде, есть больше ничего, как следствие волхований, произведенных вами или теми, которые упражняются в подобных вам благородных занятиях.

ПОДТОЧИНА. Предупеждаю вас, что я чиновника, о котором упоминаете вы, никогда не принимала у себя в доме, ни замаскированного, ни в настоящем виде. Бывал у меня, правда, Филипп Иванович Потанчиков. И хотя он, точно, искал руки моей дочери, будучи сам хорошего, трезвого поведения и великой учености, но я никогда не подавала ему никакой надежды. Вы упоминаете еще о носе. Если вы подразумеваете под сим, что будто бы я хотела оставить вас с носом, то есть дать вам формальный отказ, то меня удивляет, что вы сами об этом говорите, тогда как я, сколько вам известно, была совершенно противного мнения...

КОВАЛЕВ. Я с своей стороны почитаю долгом вас предупредить: если упоминаемый мною нос не будет сегодня же на своем месте, то я принужден буду прибегнуть к защите и покровительству законов.

ПОДТОЧИНА. Если вы теперь же посватаетесь на моей дочери законным образом, я готова сей же

час удовлетворить вас, ибо это составляло всегда предмет моего живейшего желанья.

КОВАЛЕВ. Впрочем, с совершенным почтением к вам имею честь быть ваш покорный слуга Платон Ковалев.

ПОДТОЧИНА. В надежде чего остаюсь всегда готовою к услугам вашим Палагея Подточина.

По мере того как они говорят, они с каждой фразой всё приближаются друг к другу и теперь стоят рядом.

БАРЫШНЯ *(в отдалении, с чувством).*

Не искушай меня без нужды
возвратом нежности своей,
разочарованному чужды
все обольщенья прежних дней.
Уж я не верю в уверенья,
уж я не верую в мечты,
в душе моей одно волненье,
а не любовь пробудишь ты...

Пока она поет, Ковалев с Подточиною церемонно танцуют. Едва барышня кончает петь, Ковалев и Подточина раскланиваются, и обе женщины исчезают.

КОВАЛЕВ. Нет, она точно не виновата. Не может быть! Письмо так написано, как не может написать человек, виноватый в преступлении. Уж я-то сведущ в этом, сколько раз был посылан на следствие еще в Кавказской области... *(В отчаяньи.)* Но каким же образом, какими судьбами это приключилось?! Только чорт разберет это!

Беспомощно опускает руки. Затемнение.

Эпизод 13. Смятение умов

Полная темнота на сцене. Усиленный микрофоном, как бы замогильный голос режиссера: 'Между тем слухи об этом необыкновенном происшествии распространились по всей столице и, как водится, не без особых прибавлений. Тогда умы всех именно настроены были к чрезвычайному: недавно только что занимали публику опыты действия магнетизма. При этом история о танцующих стульях в Конюшенной улице была еще свежа. В одном из домов, принадлежащих ведомству придворной конюшни, мебели вздумали двинуться и прыгать. Дело пошло по начальству. Один из чиновников привел попа, но и во время молебна стулья и столы не хотели стоять смирно. Поэтому нечего удивляться, что скоро начали говорить, будто нос коллежского асессора Ковалева ровно в три часа прогуливается по Невскому проспекту'. Во время этой речи мелькают в темноте светящиеся пляшущие стулья, за сценой слышно церковное пение, еще мелькает всякая чертовщина. Внезапно зажигается свет. Наверху уже нет прежнего лозунга. Видна панорама улицы. Прогуливаются прохожие, слышны голоса: 'Нос... нос... вы слышали, нос... Да не чей-нибудь, майорский... Это не какой-нибудь торговли нос... Нос... нос... Странное же однако происшествие, скажу я вам... Своими глазами видели... Нос... нос... В три часа ровно... Почтенный такой господин в вицмундире... Нос... нос...'

ВОЗБУЖДЕННЫЙ ГОСПОДИН (двум знакомым дамам, это штаб-офицерша Подточина с дочерью). Слышали? Он сейчас в магазине Юнкера. Видели даже, как он примеривает шерстяную фуфайку!...

ДАМЫ (в возбуждении). Шерстяную фуфайку!

Устремляются к магазину Юнкера. Толпа за ними с криками: 'Нос! Нос! Фуфайку! Фуфайку!' Все сбиваются у витрины магазина и заглядывают друг другу через плечо. Крики: 'Вы видите?... А что вы видите?... Ничего не видно...' Появляется спекулятор почтенной наружности, с бакенбардами,

продававший при входе в театр разные сухие кондитерские пирожки, несет скамьи.

СПЕКУЛЯТОР. Господа, господа, вот прекрасные деревянные прочные скамьи для удобства обозрения для дам и господ. Приглашаю желающих становиться, восемьдесят копеек от каждого посетителя.

ПОЛКОВНИК (*он нарочно вышел раньше из дому, чтобы посмотреть на нос*). Позвольте... позвольте...

Пробирается через толпу, сует спекулятору восемьдесят копеек, влезает на скамью и заглядывает в витрину через головы.

ЛЮБОПЫТНЫЙ ГОСПОДИН (*полковнику*). Ну, что вы видите? Каков он из себя?

ПОЛКОВНИК (*недоуменно*). Ничего не вижу...

ЛЮБОПЫТНЫЙ ГОСПОДИН. А фуфайку видите?

ПОЛКОВНИК. Фуфайка, правда, в окне есть.

ЛЮБОПЫТНЫЙ ГОСПОДИН (*не унимается*). А еще что?

ПОЛКОВНИК (*недоуменно*). Литографированная картинка...

ЛЮБОПЫТНЫЙ ГОСПОДИН (*созывая других любопытных*). Слушайте! Слушайте! Картинка!...

ПОЛКОВНИК (*продолжает*). Картинка с изображением девушки...

ТОЛПА (*повторяя друг другу*). Девушки! девушки!...

ПОЛКОВНИК. Девушки, поправляющей чулок...

ТОЛПА. Чулок!... Чулок!...

ПОЛКОВНИК. И глядящего на нее из-за дерева франта...

ТОЛПА. Франта!... Франта!...

ПОЛКОВНИК. Франта с откидным жилетом и небольшою бородкою...

ТОЛПА. Бородкою!... Бородкою!...

ПОЛКОВНИК (*плюет*). Тьфу! Я эту картинку уже более десяти лет вижу, висящую все на одном месте. (*Слезает со скамьи, говоря с досадою.*) Как можно этакими глупыми и неправдоподобными слухами смущать народ?

Полковник отходит. Подходит дама с двумя детьми. Спекулятор продолжает выкрикивать предложение своих скамей.

ДАМА (*протягивая деньги*). Я думаю, детям будет полезно посмотреть этот редкий феномен. (*Любезно.*) Если можно, не могли бы вы сопроводить его объяснением наставительным и назидательным для юношества?

Спекулятор, получая деньги, только разводит руками: за ту же, мол, плату тебе еще и объяснение! Подходят еще несколько господ и смотрят.

ОСВЕДОМЛЕННЫЙ ГОСПОДИН. Говорят, нос и в Таврическом саду прогуливался, будто бы уже

давно. Когда персидский принц еще проживал там, то очень удивлялся этой странной игре природы.

ЕЩЕ БОЛЕЕ ОСВЕДОМЛЕННЫЙ ГОСПОДИН. Говорят, случай столь необычайный, что сейчас уже студенты Хирургической академии отправились сюда.

ЖЕЛЧНЫЙ ГОСПОДИН (с негодованием). Не понимаю, как в нынешний просвещенный век могут распространяться подобные нелепые выдумки. Удивляюсь, как не обратит на это внимание правительство.

ЕЩЕ БОЛЕЕ ЖЕЛЧНЫЙ ГОСПОДИН. Вы, я вижу, принадлежите к числу тех господ, которые желали бы впутать правительство во всё, даже в свои ежедневные ссоры с женой.

В этот момент раздаются крики: 'Студенты! Студенты идут!...' Появляются студенты Хирургической академии в белых халатах. Многие несут плакаты 'НОС!' 'НОС – ДА!' 'НЕТ – ПОЛИТИКЕ ГРЯЗНЫХ РУК!' 'УРА МАЙОРУ КОВАЛЕВУ!' 'ДОЛОЙ ЦЫРЮЛЬНИКА-ПЬЯНИЦУ!' 'РУКИ ПРОЧЬ ОТ НОСА!' 'НОС, МЫ С ТОБОЙ!' Двое студентов вместо плакатов несут носилки, одни кричат: 'Да здравствует!', другие: 'Долой!'. Общая паника. Появляется полиция под руководством уже знакомого квартального и с криками: 'Осади!... Разойдись!...' – начинает разгонять толпу. Все разбегаются, одного студента уже уносят на носилках. Вслед за этим все происшествие скрывается туманом, и что было потом, решительно неизвестно.

Эпизод 14. Все в порядке

Квартира майора Ковалева. Над сценой новый лозунг: 'Это случилось уже апреля 7 числа'. На переднем плане, как в

четвертом эпизоде, спит, причмокивая и беспокойно ворочаясь, майор Ковалев. На стене, как на экране, кинокадры: громадный нос в банке; сцена бала – танцуют люди с сахарными головами вместо человеческих; кинохроника – полиция разгоняет студентов... Внезапно всё исчезает.

КОВАЛЕВ (*просыпаясь*). Брр... (*Потягивается, садится на постели и берет в руки зеркало, смотрит и с удивлением отшатывается.*) Нос! (*Хватает себя за нос рукою.*) Точно нос! Эге-ге!

Вскакивает с постели и дергает по всей комнате босиком трепака вместе с вошедшим с полотенцем Иваном. Музыка лучше всего на мотив 'Камаринского мужика'.

КОВАЛЕВ (*останавливаясь*). Иван! Подавай, братец, умыться.

Иван выходит за водой.

КОВАЛЕВ (*смотрит в зеркало*). Нос! (*Отставляет зеркало, потом еще раз смотрит.*) Нос! Чепуха совершенная делается на свете! Тот самый нос, который разъезжал в чине статского советника и наделал столько шуму в городе, как ни в чем не бывало на своем месте. И прыщика нет! (*С опаской.*) А как спросить Ивана? Вот беда, как Иван скажет: да нет, сударь, не только прыщика, а и самого носа нет!

Входит Иван с водой.

КОВАЛЕВ (*робко*). А посмотри, Иван, кажется у меня на носу как будто прыщик.

ИВАН (*смотрит*). Ничего-с, никакого прыщика: нос чистый!

КОВАЛЕВ (*щелкнув пальцами*). Хорошо, чорт по-бери!

Фыркая, начинает умываться. В это время выглядывает в дверь цырюльник Иван Яковлевич, но так боязливо, как кошка, которую только что высекли за кражу сала.

КОВАЛЕВ (*завидев его, кричит издали*). Говори вперед: чисты руки.

ЦЫРЮЛЬНИК (*с сомнением глядя на руки*). Чисты.

КОВАЛЕВ. Врешь!

ЦЫРЮЛЬНИК. Ей-богу-с чисты, сударь.

КОВАЛЕВ. Ну, смотри же.

Иван выходит и выносит воду. Ковалев садится. Цырюльник Иван Яковлевич закрывает его салфеткою и в одно мгновение с помощью кисточки превращает всю бороду его и часть щеки в крем, какой подают на купеческих именинах.

ЦЫРЮЛЬНИК (*взглядывая на нос*). Вишь ты! (*перегибает голову в другую сторону и долго смотрит на нос сбоку*.) Вона! эх его, право, как подумаешь...

Наконец легонько, с бережливостью, какую только можно себе вообразить, он приподнимает два пальца, чтобы поймать нос за кончик. Такова уж была система Ивана Яковлевича.

КОВАЛЕВ. Ну, ну, ну, смотри!

Иван Яковлевич опускает в оторопи руки, смутившись, как никогда не смущался. Наконец осторожно щекочет бритвою у него под бородою; и хотя ему совсем несподручно брить без поддержки за нюхательную часть тела, однако же, кое-как упиравсь своим шероховатым большим пальцем ему в щеку и в нижнюю десну, наконец одолевает все неприятствия, выбривает и, кланяясь, уходит.

КОВАЛЕВ (*один, глядится в зеркало*). Нос! И недурной нос! Наконец теперь только я узнал, что такое жизнь; теперь передо мной открылся совершенно новый мир. Теперь я вот вижу, что всё это движется, живет, чувствует, эдак как-то испаряется, как-то эдак, не знаешь даже сам, что делается. А прежде я ничего этого не видел, не понимал, то есть просто был лишенный всякого сведения человек, не рассуждал, не углублялся и жил, вот, как и всякий другой человек живет! (*Еще раз оцупывает нос.*) Иван! Подай одеваться!

Сцена поворачивается, и вновь появляется панорама улицы.

Эпизод 15. Прогулка

*Улица. Из своего дома выходит майор Ковалев и с веселым видом направляется по улице, раскланиваясь со знакомыми.
Победный марш.*

КОВАЛЕВ (*здороваясь с двумя офицерами*). Мое почтение, мое почтение... (*В сторону, с иронией про одного из военных.*) Ну что за нос, не больше жилетной пуговицы... (*Спохватывается и смотрит в зеркальце.*) Есть нос!

Идет дальше и всходит на мост.

КОВАЛЕВ (*торговке на мосту*). Дай-ка, милая, пару апельсин.

ТОРГОВКА (*подобострастно*). Лучшенькие, барин, берите, лучшенькие...

КОВАЛЕВ. Так-то, так-то... (*Спохватывается и глядится в зеркальце.*) Есть нос!

ВТОРАЯ ТОРГОВКА (*предлагает*). Манишки, барин, возьмите...

КОВАЛЕВ (*смотрит манишки*). Послушай, голубушка, сейчас недосуг, а ты приходи ко мне на дом; квартира моя в Садовой; спроси только: здесь ли живет майор Ковалев? Тебе всякий покажет.

Сходит с моста.

СМАЗЛИВЕНЬКАЯ ТОРГОВКА. А вот цветочки, барин, купите цветочки...

КОВАЛЕВ (*с игривым видом шепчет ей что-то на ухо, прибавляя*). Ты спроси, душенька, квартиру майора Ковалева. (*Отходит, спохватывается и выхватывает зеркальце, успокоившись.*) Есть нос!

Идет дальше. Навстречу ему знакомый майор.

КОВАЛЕВ (*оробев*). Ох, уж это большой насмешник! Я его знаю, этакая шпилька! Если майор не треснет со смеху, увидевши меня, тогда уж верный знак, что всё, что ни есть, сидит на своем месте.

МАЙОР (*дружелюбно кивая Ковалеву*). Ну что, брат Ковалев?

КОВАЛЕВ. Да так, брат, так как-то всё...

Майор проходит.

КОВАЛЕВ (*глядя в зеркальце*). Хорошо, хорошо,

чорт побери! (*Идет дальше.*) Ба, а вон и Ярыжкин! (*Прятедьски Ярыжкину.*) Ну что, брат Ярыжкин?

ЯРЫЖКИН (*понуру*). Да так как-то всё... Опять вчера в бостоне обремизился, когда восемь играл...

КОВАЛЕВ. Ха-ха-ха! (*Спохватывается. Выхватывает зеркальце и смотрит.*) Есть нос!

Идет дальше и встречается штаб-офицершу Подточину с дочерью.

ПОДТОЧИНА (*с радостными восклицаниями*). Платон Кузьмич... Платон Кузьмич... Какими судьбами?

КОВАЛЕВ (*вынувши табакерку, набивает пред ними весьма долго нос свой с обоих подъездов, приговаривая в сторону*). Вот вам бабье, куриный народ! (*Подточинной.*) Да так, почтенная Палагея Григорьевна, все дела, дела...

ПОДТОЧИНА (*сладким голосом*). Но уж вечером заходите все непременно, Платон Кузьмич.

КОВАЛЕВ. Зайду, зайду...

Любезно раскланиваются. Ковалев целует ручки, идет дальше.

КОВАЛЕВ (*в веселом расположении духа*). Что ж, зайду, отчего не зайти... А на дочке все-таки не женюсь. Так просто, раг атоуг, – изволь! Пританцовывая, идет дальше. Медленно опускается занавес.

Эпизод 16. Эпилог

Медленно опускается занавес, и перед ним оказывается режиссер.

РЕЖИССЕР. И майор Ковалев с тех пор прогуливался, как ни в чем не бывало, и на Невском проспекте, и в театрах, и везде. И нос, тоже, как ни в чем не бывало, сидел на его лице, не показывая даже вида, чтобы отлучался по сторонам. И после того майора Ковалева видели вечно в хорошем юморе, улыбающегося, преследующего решительно всех хорошеньких дам и даже остановившегося один раз перед лавочкой в Гостином дворе и купавшего какую-то орденскую ленточку, неизвестно для каких причин, потому что он сам не был кавалером никакого ордена. (*Помолчав.*) Вот какая история случилась в северной столице нашего обширного государства! Теперь только, по соображении всего, видим, что есть в ней много неправдоподобного. Не говоря уже о том, что точно странно сверхъестественное отделение носа и появление его в разных местах в виде статского советника, — как Ковалев не смекнул, что нельзя через газетную экспедицию объявлять о носе. Я здесь не в том смысле говорю, чтобы мне казалось дорого заплатить за объявление: это вздор, и я совсем не из числа корыстолюбивых людей. Но неприлично, неловко, нехорошо! И опять тоже — как нос очутился в печеном хлебе и как сам Иван Яковлевич?... нет, этого я никак не понимаю, решительно не понимаю! Но что страннее, что непонятнее всего, — это то, как авторы могут брать подобные сюжеты.

Признаюсь, это уж совсем непостижимо, это точно... нет, нет, совсем не понимаю. Во-первых, пользы отечеству решительно никакой; во-вторых... но и во-вторых тоже нет пользы. Просто я не знаю, что это... (*Помолчав.*) А однако же, при всем том, хотя, конечно, можно допустить и то, и другое, и третье, может даже... ну да где ж не бывает несообразностей?... А всё, однако же, как поразмыслишь, во всем этом, право, есть что-то. Кто что ни говори, а подобные происшествия бывают на свете, — редко, но бывают.

При этих словах внезапно взвывается занавес: за режиссером, на фоне уличной панорамы, стоят полукругом все герои пьесы. При последних словах режиссера оркестр вступает на мотив 'Камаринского'. Ковалев пускается в пляс с супругой цырюльника, Иван с дочерью Подточиной, извозчик с самой Подточиной, квартальный надзиратель с дамой, просившей объяснений для юношества, доктор с кухаркой частного пристава, сам частный пристав с сахарной головой, которая мелко семенит ножками, цырюльник с режиссером, чиновник газетной экспедиции со всеми семью старухами, приносившими ему объявления. Остальные, стоя за ними, притоптывают и прихлопывают в такт, даже вращающаяся сцена с уличной панорамой несколько раз прокручивается. С последним тактом 'Камаринского' все раскланиваются и расходятся на две стороны: из глубины сцены между ними проходит Николай Васильевич Гоголь и кланяется на аплодисменты зрителей. Нечего и говорить, что в действительности это не сам Гоголь, а всего лишь актер, его изображающий. А так же странным образом оказывается, что это одно и то же лицо, что и нос майора Ковалева.

Занавес

1968,
Москва

СОДЕРЖАНИЕ

О себе как писателе пьес	5
Моя тетя живет в Волоколамске	9
Восток-запад	59
Четырнадцать любовников некрасивой Мери-Энн	123
Сказка про белого бычка	161
Конформист ли дядя Джек?	197
Нос! Нос? Но-с!	233